

Книга внесена в международный реестр
ISBN 978 5-003382-02-6
Права принадлежат автору
Автор Луи Бриньон

От автора

Книга охватывает события, происходящие в Османской империи начиная с 1830 по 1918 год. В основе книги лежат реальные события и реальные люди. Она повествует о трагической судьбе армянского народа. О двух с половиной столетиях геноцида. О планах полного уничтожения армянского народа. О чудовищном преступлении, которое даже сегодня, спустя сто лет, всё ещё не получило должной оценки.

Эта книга – это не способ ужаснуть кого-то реально переданными сценами исторических преступлений. Это не попытка обвинить кого бы то ни было.

Эта книга это голос... голос растерзанных, изувеченных, замученных, забытых, растоптанных людей. Я преклоняю голову перед каждым из мучеников. Для них и во имя них... появились эти строки.

Рим 24 мая 1903года

Стихийный митинг возник напротив особняка, в котором располагалось официальное представительство Османской империи в Риме. Несколько сот человек одновременно выкрикивали проклятия и угрозы в адрес турок. Привлечённые шумом с толпы, выкрикивающей угрозы, начали присоединяться горожане. Они прислушивались в выкрики, пытаясь определить для себя, насколько происходящее их касается. Толпа увеличивалась. В связи с возрастающей угрозой внутри посольства началось движение. Из здания показались несколько десятков вооружённых солдат. Солдаты образовали цепочку с внутренней стороны ворот и через решётки с настороженностью наблюдали за действиями толпы. Появились пешие и конные полицейские. Без излишнего шума они заняли позиции перед воротами. Казалось, приход полиции должен успокоить митингующих, но не тут-то было. Толпа начала волноваться всё более и более. Назревало прямое столкновение. К посольству начали стягиваться дополнительные силы полиции, однако... начало происходить нечто необычное. Толпа внезапно замолкла. Она замолкла, но ни один человек не двинулся

со своего места. И солдаты, и полиция с удивлением наблюдали за этим явлением. Через минуту всё для них стало ясным. Из толпы вышел человек лет 60.

В каждой чёрточке лица этого человека сквозил гнев. И лицо этого человека было знакомо очень многим. Ибо это был ни кто иной, как знаменитый французский писатель Франс Анатоль.

Среди всеобщего молчания раздался гневный голос писателя:

Султан Абдул Гамид – это чудовище, которое постоянно дрожит в своём могуществе и, ужасаясь своих преступлений, успокаивает себя тем, что совершает новые преступления. За три года с 1893 по 1896 он повесил и сжёг живьем – 300.000 армян. И начиная с этого времени с мерзкой осторожностью занимается методическим уничтожением осиротевшего народа...

«Кес Арут»

Глава 1

Фидаи

31 марта 1909 года

Почтенный Джевад паша!

Начальник Аданской тюрьмы, услышав этот возглас, поспешно вскочил со своего места и не менее поспешно принялся застёгивать пуговицы на форменном кителе. Последнюю пуговицу на воротнике он застегивал, когда в его кабинете появился вали города Адана. Начальник тюрьмы почтительно приветствовал высокого гостя. Ему сразу бросилось в глаза необычное состояние почтенного Джевад паши. Джевад паша выглядел излишне возбуждённым. Лихорадочно блестели глаза. В руках он сжимал пистолет, который сразу же положил на стол перед начальником тюрьмы.

Аллах велик! Настал долгожданный час!

Эти слова прозвучали излишне торжественно из уст Джевада паши. С некоторой долей настороженности и бросая короткие взгляды на вали, начальник тюрьмы взял бумагу со стола.

По мере того, как начальник тюрьмы читал содержимое, лицо его покрывалось всё большей бледностью. К концу чтения у него на лбу появились капельки пота, в глазах отчётливый страх. Протягивая бумагу в сторону вали, он едва ли не заикаясь от буревавших его чувств, сказал:

Почтенный Джевад паша, я не могу выполнить вашу просьбу!

Это не просьба, а приказ, – лицо Джевада паши резко нахмурилось, – и ты выполнишь слово в слово то, что здесь написано. Иначе я обвиню тебя в предательстве и позабочусь о том, чтобы тебя повесили на главной площади не позднее завтрашнего утра. Ты меня знаешь. Клянусь аллахом. Я это сделаю!

Вы понимаете, что собираетесь сделать? Вы понимаете последствия этого приказа?

Вы понимаете, что будет с городом?

Последствия тебя не касаются, – последовал резкий ответ, - сделай то, что тебе говорю я. Освободи 500 заключенных из числа правоверных турок. Собери всех во дворе. Назначь старшего. Ночью привезём оружие и патроны. Раздашь всем поровну. Это делать... сам скажу. Твоё дело – молча исполнять!

С этими словами Джевад паша покинул кабинет начальника тюрьмы, оставив того в лубочайшей растерянности и смятении.

На улице, у тюремных ворот, стояли три коляски с извозчиками и два человека. Оба были одеты в местные восточные халаты. Оба встретили появление Джевада паша впросительными взглядами.

Сделает, – коротко произнёс Джевад паша в ответ на эти взгляды. Оба облегчённо вздохнули. - Самое трудное позади. Ихсан, позаботься о том, чтобы к утру все знали... начинаем завтра. А ты Эшраф... дай знать курдам, что завтра им будет, чем поживиться в Адане.

Оба кивнули головой. А ещё через несколько минут все трое разъехались в разные стороны.

Почти в то же самое время, вдоль реки Джихан по направлению к Адане двигался небольшой обоз. Обоз состоял из десяти телег, которые были нагружены доверху сеном. Каждой управлял вооружённый возница. Обоз двигался по совершенно разбитой дороге, которая вилась вдоль обрыва. Хотя двумястами метрами выше проходила довольно хорошая, а главное безопасная дорога. Обоз рисковал каждую минуту сорваться в реку. Около пятнадцати бородатых мужчин разного возраста, одетые в разношерстную одежду, с винтовками за плечами, едва ли не ежеминутно поддерживали телеги. Они прилагали неимоверные усилия, двигаясь по этой дороге, и частенько поглядывали на бегущую внизу реку, но, однако, путь менять не собирались. Обоз двигался без остановки и видимо довольно долго. Об этом ясно говорили усталые лица сопровождающих. Усталость брала своё. У многих мелькала мысль остановиться. Они переглядывались друг с другом. Но едва это происходило, идущий впереди молодой парень, которому едва исполнилось двадцать лет, поворачивал лицо назад и оглядывал всех настолько жёстким взглядом, что все мгновенно начинали шагать бодрее.

Вожак – был самым молодым из всех. Из всех только у него не было бороды и только потому, что она ещё не выросла. Он был среднего роста. Довольно крепкого телосложения. Глаза светло-серые. Волосы каштановые, слегка волнистые. Нос с едва заметной горбинкой. Черты лица можно было назвать мягкими, если бы не твёрдый взгляд. Скулы постоянно двигались. Рот был плотно закрыт. Левая рука была сжата в кулак. Большой палец правой руки сжимал ремень от винтовки. При ходьбе волосы несколько отбрасывались назад, открывая глубокий шрам, идущий от уха через шею вниз.

С великому облегчению людей дорога начала делать крутой поворот. Они явно приободрились. Послышался местами смех. Меньше чем через четверть часа дорога плёрлась в высоченную скалу. В скале чуть выше уровня дороги был замечен вход в пещеру. Немного не достигнув скалы, обоз остановился. Люди радостно хлопали друг друга по плечу. О чём-то весело говорили. Здесь же на дороге они снимали оружие и провиант, готовясь к отдыху. Пока они это делали, вожак снял свою винтовку и

леховую накидку. Затем он с ловкостью поднялся по камням к входу пещеры. Оттуда же начали выходить десятки вооружённых людей, очень похожие на тех, что сопровождали обоз. Это были фидаи из отряда Серго. Не обращая на них ни малейшего внимания, вожак подошёл к скале, по которой стекала вниз родниковая вода. Встав на два валуна, вожак с жадностью припал к источнику. Пока он пил, слышались весёлые голоса среди тех, кто вышел из пещеры. Они, смеясь, показывали пальцем на молодого парня, который пил воду:

Похоже, у Сепуха дела совсем плохи, если он начал брать в фидаи детей!

Посмотрите на него, ... у него даже усов нет. Он у вас что... еду готовит., стирает... молокосос... Стыдились бы вести его сюда из Эрзерума. В Зейтуне и Адана воюют одни мужчины... не то, что у вас.

В ответ на эти крики, люди с обоза с явной опаской поглядывали в сторону своего вожака. Но тот даже вида не показывал, что слышит оскорбительные выкрики. Постепенно возле пещеры крики начали стихать. Это происходило оттого, что молодой человек разделся до пояса и начал обтирать водой грудь, по-прежнему не обращая внимания на людей вокруг себя. На спине, чуть выше правой ключицы, был заметен след от пули. Ещё такой же след был чуть ниже, в правом боку. Начиная от правого уха и вплоть до поясницы, проходил глубокий шрам от удара сабли. Шрам как бы делил спину пополам. Этот шрам произвёл на присутствующих магическое действие. Вместо шутливых лиц появились серьёзные. Вместо насмешливых выражений – появились выражения, в которых сквозило глубокое уважение.

Слышались приглушенные голоса:

Кес Арут! Это Кес Арут! Наш брат фидаи из Эрзерума! Кес Арут!

Закончив мыться, тот, кого называли «Кес Арут» взял с камня одежду и бегом оглядев сгрудившихся возле него фидаи, коротко бросил:

Двести винтовок. Двести ящиков патронов. Всё что могли собрать для вас наши братья из «Гнчака».

Кес Арут собирался спуститься вниз, когда услышал обращённый к нему вопрос: Брат Арут, когда обратно?

Завтра вечером! У нас в последние дни турки совсем распоясались. Совершают один набег за другим. Только успеваем из одной деревни в другую. Да и курды... в такое не оставляют. Месяца два назад уложили четыреста курдов. После этого не трогали наши деревни, а перед самым уходом снова начали. Одну деревню сожгли. Хорошо люди спрятаться успели, ... а у вас тут спокойно. Не будем ждать. Там наша помощь нужна. Завтра вечером тронемся!

Ничего, брат Арут, мы всем отомстим, - говоривший сразу осёкся, так как в него лёг жёсткий взгляд Арута.

Что проку мёртвому от тебя... Живых защищай...

Отрывисто бросив эти слова, Арут спустился к своим людям, а оттуда вниз к берегу реки. Раздевшись донага, он бросился в воду и поплыл широкими гребками. Фидаи из отряда Серго спустились к обозу. Они раскидали сено с ящиков и, встав в цепочку по одному, начали переправлять оружие в пещеру. Часа через четыре всё оружие и боеприпасы были переправлены. Уже стемнело, когда всё было закончено.

Сразу после этого запылали костры. Над кострами появились котлы, в которых зарилась баранина. Пока готовилась еда, почти все фидаи собрались в круг и обсуждали нынешнее положение дел. Исключение составлял лишь Арут. Он сидел на земле, опираясь спиной о камень на некотором отдалении от остальных. Взгляд Арута был направлен на звёздное небо. Что он там высматривал, можно было только догадываться.

Он едва заметным кивком поблагодарил фидаи, который ему поднёс котелок с дымящейся едой и завернутый в материю лаваш. Многие наблюдали за тем, как Арут поместил котелок между ног и, развернув лаваш, макнул его в содержимое. Ел он без всякого аппетита. Это было очевидно. Закончив, Арут прислонил к валуну свою пашку. Чуть в стороне положил винтовку. Затем лёг на голую землю и, укрывшись плащом, заснул. Многие последовали его примеру.

Лишь за одним костром оставалось человек двадцать бодрствующих. Здесь были фидаи из обоих отрядов. Они делились впечатлениями. Спрашивали о произошедших сражениях. Спрашивали, как обстоит положение с оружием. И что более всего интересовало фидаи из отряда Серго, так это таинственная личность молодого человека, который беспокойно ворочался неподалеку от них.

За костром начали раздаваться приглушённые вопросы:

Арут Акопян! Кес Арут! А, правда, что он всегда вот так... один?

Правда, – так же негромко звучал ответ, – Арут всегда один, когда спокойно. Близко дружит только с двумя парнями из нашего отряда, – говоривший покосился на бородача богатырского телосложения, который разлёгшись неподалеку от Арута, раскатиисто храпел. Рядом с ним чуть ли не в обнимку лежал ещё один фидаи, едва ли не крупнее первого.

Сарик Арсен. А рядом, его родной брат, Покр Вазген. Они ни с кем не дружили, но после того, как Арут поборол их, ... заужавали его. Едва ли не по пятам начали ходить. Оберегать. Но Арут всё равно держится один. Но когда начинается бой он со всеми... впереди всех.

А, правда, что он в одиночку сорок человек уложил?

Правда, брат, – среди фидаи из отряда Сепуха послышался лёгкий смех, – Арут несколько раз нападал в одиночку на отряды турок. Этот парень даже чёрта не боится. Видно поэтому бог его берёт. Другого на его месте давно убили бы. А ему везёт. Сепух несколько раз просил Арута, чтобы он не лез очертя голову в драку, но тот только головой кивает, а через несколько дней снова что-нибудь выкинет. Сепух рукой за него махнул. Пусть, говорит, делает что хочет.

Все сидящие за костром рассмеялись, живо представив себе расстроенное лицо знаменитого армянского фидаи.

А, правда, что всю его семью вырезали? – послышался новый вопрос за костром.

Правда, брат! Но у него есть приёмный отец и брат Ахмед!

Ахмед? – за костром мгновенно воцарилась напряжённая тишина. Чуть позже раздался осторожный вопрос.

Турок? Мусульманин? Арут почитает турок за отца и брата?

Так и есть, брат!

Но как такое может быть? Турки наши злейшие враги, а он... он почитает наших врагов за кровных родных?

Так и есть, брат! - повторил фидаи из отряда Сепуха и тут же предостерег другого из отряда Серго. - Если не хочешь неприятностей, брат, никогда не говори плохо об этих людях в присутствии Арута. Не знаю, что их связывает, но однажды Сепух оскорбил приёмного отца Арута. Так Арут чуть не убил Сепуха. После этого они долго говорили. Видно Арут ему, что-то рассказал, потому что после этого дня Сепух ни разу не упоминал об отце Арута. Он и нам это строго запретил. Так и сказал: «Оказывайте уважение имаму Мусавату Али как родному отцу. Его сыну Ахмеду оказывайте уважение как родному брату!».

Видно, святой человек этот турок, раз сам Сепух такие слова сказал!

Таинственность Арута была настолько загадочной, что разговоры о нём не стихали до поздней ночи. Все хотели узнать подробности его жизни. О том, как он воюет? И насколько соответствуют многочисленным легендам, ходившим вокруг его имени. Разговоры стихли тогда, когда сам виновник этих разговоров проснулся. Поднявшись со своей импровизированной постели, Арут вопреки обыкновению подошёл к беседе с сидящими. Все начали двигаться, уступая ему место. Примостившись на корточках возле одного из фидаи своего отряда, Арут поднял сухую веточку и начал ворошить уголья в костре. Яркое пламя осветило мягкую улыбку на губах Арута. Это выглядело довольно загадочно, впрочем, как и всё остальное. Арут сидел несколько минут и, не переставая, улыбался. Любопытство овладело присутствующими, и прежде чем кто-то задал вопрос, раздался негромкий голос Арута, в котором явно прослеживались романтические нотки:

Сон видел, братья. Станный сон. Девушка приснилась. Очень красивая девушка. Она была одета в свадебное платье. В руках держала розу. Она стояла в саду и протягивала ко мне руки. Я подошёл к ней, приколот розу к волосам, а потом... она поцеловала меня в губы и сказала: «Арут, я жду тебя! Приходи, мой суженный!» После рассказа Арута за костром раздался оживлённый смех. И почти сразу раздался заботливый голос:

Не к добру сон, брат Арут. Чья-то душа тебя зовёт к себе.

Ну и хорошо, - совершенно беззаботно ответил Арут.

Голкователь снов, услышав ответ Арута, растерялся.

Брат Арут, ты что, ... смерти не боишься?

Нет, брат. Смерти не боюсь. А вот жизни...

Арут не договорил. Раздался окрик одного из фидаи, несущих ночное дежурство вокруг лагеря:

Двое незнакомых мужчин направляются к нам! Они даже не идут, ... они бегут.

Что-то случилось...

Все сидевшие вокруг костра мгновенно вскочили на ноги. Арут первым подошёл к часовому, который стоял у самого обрыва. Часовой показал на берег реки, которая казалась красноватого цвета в предзакатных лучах солнца. Со стороны Аданы вдоль берега к ним поспешно приближались двое мужчин. Видимо, завидев их, они ещё издали начали махать руками.

Я знаю одного, - раздался голос одного из фидаинов, - это Григор из партии Дашнакцютюн. Чего это он припёрся в такую рань?

Через несколько минут оба человека начали карабкаться по сыпучему склону. Зскоре, преодолев подъём, они уже стояли возле повозок рядом с фидаинами. Оба выглядели донельзя взволнованными.

Григор! – раздался весёлый голос.

Гот, которого назвали Григором, сделал нетерпеливый жест руками и запыхаясь, видимо из- за трудного подъема, скороговоркой выпалил:

Беда, братья! Большая беда! Рассказывай всё, что мне сказал!

Три этих слова, он слегка вытолкнул вперёд своего спутника, довольно молодого на вид армянина. Тот вначале оглядел обступивших его фидаи, затем быстро заговорил:

Я из Аданской тюрьмы убежал! Там вчера вечером пятьсот турок отпустили. Мало отпустили, так всем ещё и оружие раздали.

Врёшь, – раздались вокруг говорившего недоверчивые голоса фидаинов,- не могло такое случиться.

Богом клянусь, – говоривший перекрестился,- своими глазами видел, как всё происходило. Сам Джевад паша приезжал в тюрьму. Когда раздали оружие, он выступил перед всеми. Сказал, что неверные собаки армяне и греки – враги правоверных. Их надо истребить, уничтожить всех до единого, во всех гаварах нашего вилайета. Говорил, что сам Талаат паша призывает правоверных к священной войне. Сказал, что начиная с завтрашнего утра, долг каждого турка в империи, убить как можно больше этих нечестивых собак. Я воспользовался суматохой и сбежал. Я сразу пошёл к Григору и всё рассказал.

После этого короткого рассказа среди фидаинов наступило гнетущее молчание. Но оно длилось короткое время. Послышались яростные крики. Угрозы в адрес турков. Но и это продолжалось недолго. Всех охватило смятение. Встал вопрос. Куда идти? Куда? Если резня должна начаться одновременно повсюду. Куда идти? И кому помочь?

Среди всеобщего смятения раздался непоколебимый голос Арута:

Я иду в Адан!

С ума сошёл, брат Арут? Смерти своей ищешь? Как мы можем спасти город?

Арут повернулся к людям, которым принадлежали эти крики.

Где сейчас Серго?- коротко спросил он у одного из них.

В Зейтуне с частью отряда.

Отправляйтесь туда. Вам надо быть вместе. Если сможете закрыть дорогу из Аданы в Зейтун, вам ничего не смогут сделать. К тому же, в Зейтуне каждый житель – воин. У них свои отряды ополчения. А я со своими людьми отправлюсь в Адану и постараюсь вывести как можно больше людей из города.

С ума сошёл, брат Арут? Вас меньше тридцати, а там против вас тысячи будут. Даст бог, справимся,... а нет, так тому и быть. Только патронов у вас возьмём. У нас их мало...

Гон, которым были произнесены эти слова, не допускал ни малейших возражений. Четыре часа понадобилось на всю подготовку к поездке. Повозки общими усилиями были переброшены на главную дорогу. Около одиннадцати часов утра колонна,

состоявшая из десяти повозок, в которых сидели двадцать шесть вооружённых людей, возглавляемые Кес Арутом, во всю прыть, погоня лошадей, полетела в сторону Аданы.

Глава 2

Адана.

1 апреля 1909 года. Утро. Время 09-45.

В одном из армянских кварталов расположенных на востоке города оживлённо шла торговля. Многочисленные покупатели прохаживались меж длинного ряда лавок торгующих всевозможными товарами. Временами раздавался оживлённый спор между торговцем и покупателем. Жизнь была обычным ключом.

Но вот... в конце улицы появились несколько десятков людей. Они были вооружены винтовками. Пояса обрамляли полные патронташи. Сбоку висели сабли. Эти люди не были военными или полицейскими, что с точностью обозначало отсутствие какой-либо формы. И, тем не менее, они были вооружены до зубов.

Люди, стоявшие в проходах, расступались перед ними. Они с испугом смотрели на ловещие ухмылки этих людей.

В воздухе повисла гнетущая тишина. Слышались лишь топот ног и бряцание оружия.

Были ясно видны хищные взгляды этих людей, которые выхватывали всё, вплоть до последней мелочи. Особенно тщательно высматривалось ими содержимое лавок.

Вооружённые люди шли молча до того момента, пока не оказались посередине улицы. Здесь они остановились, потому что раздался возглас:

Я знаю эту собаку. У него дочка красавица.

Напротив лавки, в которой продавалась всевозможная домашняя утварь, сгрудилась вся группа вооружённых людей. Испуганный торговец прижался к стене и как замороженный смотрел на приближение одного из этих людей.

Армян? – сверля глазами торговца, спросил турок.

Грек... - заикаясь, отвечал торговец.

Грек? Гречанки красивые девушки. Веди нас к своей дочке!

Нет, нет... возьмите всё, всё... - торговец грек начал брать все предметы, которые попадались ему под руку, и протягивал с мольбой в глазах этим людям, - всё возьмите... мне ничего не надо... только ... семью не трогайте,... прошу.

Гурок ударил грека по лицу. Затем взял за шиворот и подтянул к себе.

Это и так наше. Показывай, где дочку прячешь, собака, иначе подохнешь прямо здесь.

Эдва прозвучали эти слова, как в конце улицы появилась ещё одна группа вооружённых людей, гораздо многочисленной первой. Одновременно раздалось несколько десятков диких голосов:

Во имя аллаха! Убивайте неверных! Убивайте грязных собак!

Зслед за этим тишина в одно мгновение покинула город. Одновременно началась стрельба. Звуки от выстрелов перемешивались с дикими воплями, мольбами о помощи и предсмертными хрипами несчастных людей, которые в одночасье стали объектом яростного нападения. Против беззащитных людей одновременно

работали винтовки и сабли. По всей улице нападавшие начали громить лавки, безжалостно убивая любого, кто там находился. Обезумевшие от страха люди бросились в разные стороны, пытаясь спастись от смерти. Но не тут-то было. С другой стороны появилась ещё одна толпа вооружённых убийц. С двух сторон работали дружно сабли. В течение нескольких минут были убиты все армяне и греки. Кровь убитых была повсюду. На разбросанных предметах, на стенах. Крови было столь много, что она, образуя маленький ручей, потекла вниз, образуя устье с правой реки растекающейся по всем улицам Аданы. Убив всех на улице, ослеплённые жаждой крови убийцы, начали врываться в дома. Женские вопли попеременно с душераздирающими криками детей не прекращались. Банды турок убивали, насиловали, грабили.

Несчастливого грека втолкнули во двор его собственного дома. При этом его не переставали бить и требовали, чтобы он немедленно привёл свою дочь. На шум из дверей дома выскочили две женщины. Первая была жена торговца. Вторая дочь, такая, которую требовали привести убийцы. Отбросив державшего за шиворот грека, Гурок подошёл к девушке и начал валить её на землю. С диким криком мать девушки вцепилась в мародёра, не позволяя ему совершить насилие. Не раздумывая, Гурок стеганул её саблей по голове. Одновременно раздался предсмертный хрип матери, два душераздирающих крика, принадлежащие отцу и дочери... и выстрел. Гурок, убивший женщину, внезапно схватился за грудь и свалился на землю. В дверях дома стоял мальчишка тринадцати-четырнадцати лет, с глубокой ненавистью смотрящий на убийц. В руках у него была дымящаяся винтовка. В ответ раздалось несколько десятков выстрелов. Мальчик, изрешечённый пулями, замертво свалился у порога. Тут же пристрелили и несчастного грека. В живых всё ещё оставалась юная девушка. По взглядам, сверлившим её с ног до головы, она ясно осознавала, что её участь станет гораздо худшей, нежели отца, матери и брата. Девушка медлила лишь одно мгновение. Она бросилась к винтовке, которая лежала у тела брата. Но, не успела добежать. Несколько человек бросились ей наперерез и, схватив, повалили на землю. Кожи девушки начали касаться жадные языки. Послышался треск разрываемой одежды. На девушке мгновенно разорвали всю одежду. Она осталась совершенно обнажённой под откровенно похотливыми взглядами нескольких десятков убийц. Несмотря на страшную участь, какая, несомненно, ожидала девушку, она не пала духом. Первому же кто лёг на неё, она плюнула в лицо:

Мерзкий турок, – в ярости закричала девушка, – будь ты проклят! Будь прокляты вы все! Пусть мать, родившая вас, иссохнет,... пусть ваш род закончится,... пусть бог отвернётся от вас и проклянет, как я проклинаяю... Убийцы, не будет вам покоя на этой земле, где льётся кровь моей семьи...

Убей её!

Убийцы пришли в неопишную ярость от слов девушки и собирались покончить с ней, но человек, лежавший на ней, не собирался отказываться от удовольствия. В следующее мгновение раздался глухой стон девушки. Насильник двигался с жесточайшим остервенением.

Я плюю на вас, мерзкие турки,... плюю,... трусы,... племя жалких ничтожеств,... вы подохните, мерзкие твари... подохните страшной смертью... убийцы

Закройте ей рот, – раздались яростные крики,- убейте эту тварь

Нет. Сделаем по-другому...

Одновременно несколько человек подошли к распортертой девушке. Двое схватили её за руки. Ещё трое наклонились над головой девушки и кинжалами начали раздвигать рот. При этом её не переставали насиловать. Девушке раздвинули рот. Двое вставили кинжалы ребром между челюстями таким образом, чтобы она не могла закрыть рот. А третий сунул кинжал внутрь и начал резать язык. Девушка дёргалась и лухо стонала. Из горла вырывались хрипы. Уцепившись за кончик языка, он начал резать быстрее. Из рта хлынула потоком кровь, забрызгивая лица мучителей. Наконец, все выпрямились. Один держал в руке отрезанный язык девушки, который показывал всем. Раздался хохот. Первый насильник поднялся. Его место занял второй. Расстёгивая на ходу штаны, он улёгся на девушку. Пока он насилдовал её, несколько человек наклонились над головой девушки.

Ну, что сейчас скажешь?

После этих слов раздался истерический хохот. После каждого толчка, из рта девушки вместе с хрипом, вырывалась струя крови. Слов не было, но были глаза. И они смотрели на мучителей с... непередаваемым презрением.

Через четверть часа дом торговца грека был подожжён. Это поджег стал первым в городе и послужил сигналом для обезумевших толп убийц, мечущихся по улицам. Тожары начали вспыхивать один за другим.

Арут с возвышенности наблюдал за городом. Он видел, как пожары один за другим вспыхивают в городе и понял, что медлить нельзя. Он торопливо направился к опушке леса, где были спрятаны повозки и где оставались все его люди. Представ перед ними, Арут отрывисто произнёс:

Адана горит. Даже с холма слышатся крики людей. Въезд в город никто не охраняет, это уже плохой признак. Я иду в город. Буду выводить людей. Если кто хочет остаться, я ничего не скажу. Там мы все можем умереть.

Арут оглядел лица людей. Никто не отвёл глаза. У всех был твёрдый взгляд. Арут сивнул.

Хорошо. Но двое должны остаться охранять повозки. Остальные пойдут за мной в город.

Этот взгляд упёрся в двух братьев - Вазгена и Арсена. Они с такой угрозой посмотрели на Арута, что тот молча отвернулся от них.

Выбрав двоих для охраны повозок, Арут со своими людьми, прихватив несколько пистолетов, немедленно двинулся в сторону пылающего города. Он выбрал восточную окраину, где подходы были не так заметны. Пригибаясь к земле, один за другим приближались фидайны к окраине. Они незамеченными добрались до небольшого оврага. Откуда до первых домов было не более трёхсот шагов. Фидайны немного передохнули и собирались двинуться дальше, когда к ним в овраг скатился какой-то человек с посиневшим лицом.

Не убивайте меня, – сразу же закричал он на турецком языке, едва увидел вооружённых людей.

На лице фидаинов отразилось презрение. Они смотрели на этого человека, а Арут коротко спросил на армянском языке:

Армянин?

Человек поспешно закивал головой.

Да...да, - радости его не было предела, когда он понял, что попал к армянам.

Что в городе твориться? – снова задал вопрос Арут.

Убивают... всех армян убивают, – захлёбываясь, отвечал мужчина, - никого не щадят... турки везде.

Где твой дом? Далеко?

На окраине... здесь близко.

Пошли, – коротко бросил ему Арут

Три этих слова мужчина попятился. На лице его был написан ужас.

Нет...нет, я не пойду. У меня дома турки...

Турки? – взгляд Арута мгновенно помрачнел. Он подошёл к мужчине и, взяв его за шиворот, в упор спросил:

Семья есть?

Да.

Да? Так ты семью бросил и убежал?

Их было много...

Мразь, – Арут еле сдержался, чтоб не пустить в него пулю. Вместо этого, он, взяв за шиворот, вытолкнул его из оврага.- Показывай, где твой дом. Иди, иначе богом слянусь, убью тебя. Ты смерти достоин не меньше, чем те, кто убивают твою семью.

Их было много,...много, – бормоча эти слова и спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, мужчина повёл их к своему дому.

Они подошли к дому со стороны сада. Перебравшись через изгородь, они начали пробираться к дому, прячась за фруктовыми деревьями. Так продолжалось до тех пор, пока из раскрытого окна не раздался душераздирающий вопль. Услышав крик, Арут бросился внутрь дома. За ним побежали остальные. Прямо на пороге Арут встретился лицом к лицу с одним из нападавших. В глазах последнего появилось удивление, а в следующее мгновение он охнул и начал валиться на землю. Арут ударил его саблей по лицу. Ворвавшись в дом, он сразу увидел четырёх человек, которые обшаривали шкафы в доме, видимо, пытаясь отыскать драгоценности. Не раздумывая, Арут поднял винтовку и, прицелившись, выстрелил. Один из четверых охнул. Вслед за этим за спиной Арута раздался выстрел. Один за другим оставшиеся трое повалились замертво. Почти все фидаины стояли за спиной Арута. На звук выстрелов откуда-то сверху прибежал ещё один турок. Оказавшись лицом к лицу с армянскими фидаинами, он замер от страха и ужаса. В следующее мгновение он развернулся, собираясь убежать, но его догнали, схватили и повалили на землю.

Не убивайте, пока не узнаете, кто он и сколько людей вышли убивать на улицы города, – бросил Арут. Когда он говорил, снова раздался крик. Арут бросился по лестнице вверх и ворвался в комнату, откуда звучали крики. Увидев происходящее, Арут опустил нацеленную винтовку. В комнате лежало девять мёртвых тел. Тела двух женщин, лежащих на кровати, были обнажены. Лица обезображены. Все мёртвые

тела принадлежали взрослым. Повсюду в комнате была кровь. Арут молча смотрел на мужчину, который сидел на полу и, рыдая, рвал волосы у себя на голове.

До уха Арута донёлся скрип. Он прислушался. Скрип доносился из соседней комнаты. Помедлив мгновение, он пошёл на звук. Дверь в соседнюю комнату, из которой доносился звук, была открыта. Войдя внутрь, Арут увидел своих людей. Столпившись, они безмолвно смотрели на... что-то. Раздвигая рукой своих людей, Арут двинулся вперёд. Рука Арута отодвигавшая стоявшего впереди фидая, замерла на его плече. Скрип исходил из колыбели, которая по-прежнему качалась. Края колыбели были испачканы кровью. Арут, сжав зубы, заглянул внутрь и тут же издал тон бессильной ярости. Развернувшись, он направился в предыдущую комнату. Схватив, сидевшего по-прежнему на полу, мужчину за волосы, он потащил его за собой. Арут притащил его в комнату и, держа за волосы, приподнял его и заставил смотреть на... мёртвого младенца, лежавшего в колыбели.

Смотри, – закричал Арут, – смотри... и живи с этим!

Он бросил рыдающего мужчину и резко вышел из комнаты. Арут спустился в сад. Следом за ним спустились все двадцать три фидая. Все, молча, смотрели на Арута. Идём в город, – сквозь сжатые зубы процедил Арут.

Выстроившись в цепочку по одному, они начали выходить из дверей, ведущих на улицу. Улица была пуста. Они начали выдвигаться вперёд, вглубь города. Немного не дойдя до перекрёстка, они прижались к стенам. Так они и двигались, заглядывая в каждое разбитое окно и настороженно прислушиваясь к звукам. В нескольких шагах от перекрёстка слева от них послышались крики. Арут первым дошёл до угла и осторожно выплянул. Именно в этот момент около десятка убийц настигли мужчину в разорванной одежде и повалили на землю, готовясь растерзать. Издав глухой рык, Арут рванулся вперёд, даже не глядя, следуют за ним остальные или нет. Он сделал несколько выстрелов на ходу. Его люди так же открыли огонь. Раздались крики. Преследователи бросились врассыпную, оставив на земле два мёртвых тела и свою жертву, которая всё ещё была жива. Фидайны выпустили несколько пуль вслед, но преследовать не стали. Жертва оказался армянином. Он заплакал, когда увидел своих спасителей. Ему помогли подняться. Он был в крови, но пострадал не сильно. Бог слышит меня, – плача, говорил мужчина.

Фидай... наши фидай... - мужчина дотрагивался рукой до их лиц и, не переставая, плакал от радости. - Скорей, умоляю вас, скорей,... спасите наших воспитанниц. Я учитель из гимназии Нерсесяна. Мы забаррикадировались изнутри, а я пошёл искать помощи. Там турки, они пытаются войти. Спасите, братья... в гимназии семьдесят воспитанниц и учителя. Мы старые, пусть нас убьют, но они... юные, чистые... что будет, если турки до них доберутся,... умоляю вас, не оставляйте их... Учитель опустился на колени перед фидая и молитвенно сложив руки, протянул к ним. Арут молча поднял его.

Веди!

Обрадованный учитель вскочил как ребёнок и изо всех сил помчался в сторону, откуда только что прибежал. За ним по цепочке бежали фидая. Все держали винтовки наготове. Учитель вёл их по маленьким улочкам, петлявшим по всему городу. По мере движения, им попадались на пути небольшие группы бесчинствующих

мародёров. Не останавливая бега, фидаи давали несколько выстрелов в их сторону. Этого хватало, чтобы они в панике разбежались. Минут через пятнадцать пути они, напыхавшись от бега, достигли узкой улочки. Улочка вилась серпантинном, спускаясь вниз, и выходила на одну из самых больших улиц города, где и была расположена гимназия Нерсесяна. В тот миг, когда отряд армянских фидаи появился на углу, большое четырёхэтажное здание гимназии было буквально облеплено со всех сторон яростно орущими убийцами. Входная дверь была взломана. Все окна на первом этаже перебиты. Из здания раздавались крики о помощи.

Учитель помертвел при виде того, что происходило с его гимназией.

Мы опоздали, - прошептал он

Ещё нет ...- Арут верный себе бросился вперёд, на ходу разряжая винтовку в спины сгрудившейся возле входной двери толпы. Весь отряд открыл огонь. Они стреляли, перезаряжали и снова стреляли, пока не оказались в достаточной близости от входа в гимназию. Толпа убийц всё ещё не могла сообразить, что происходит. Откуда звучат выстрелы, пока не увидела искажённые от ярости лица армянских фидаи. Фидайны, выхватив сабли, вступили с ними в рукопашный бой. Арут дрался с особенным остервенением. Он прокладывал себе дорогу к двери, убивая одного за другим. Вслед за ним и прикрывая его, рубились два брата Вазген и Арсен. За ними остальные. Они держались сплочённо, что позволило в считанные минуты раскидать всю толпу от двери. Не выдержав ожесточенного натиска, убийцы, привыкшие к лёгкой добыче, начали рассеиваться по улице, отбегая от здания гимназии. Многие из них стреляли, как попало, лишь бы прикрыть собственный отход.

Эдва отряд вошёл внутрь, Арут, тяжело дыша, обратился к двум братьям:

Охраняйте вход. Никого не пускайте. Иначе мы все умрём.

Сказав эти слова, Арут сразу же бросился по лестнице наверх и уже на подступах ко второму этажу столкнулся с группой насильников, которые волокли за собой истошно вопящих девушек в наполовину разорванных одеждах. Арут мгновенно вступил в рукопашную. Он дрался с несколькими сразу и в одно и то же время. Приходилось туго. Снизу подоспела помощь. Сопротивление насильников было сломлено. Ещё мгновение и всех перебили. Откуда-то появился бледный учитель. Пока фидаи вытирали струившийся пот, он закричал:

Убийцы, на первом этаже лежат четыре девочки, ... они мертвы... им ещё пятнадцати лет не было...

Не время, – резко оборвал его Арут,- не время мёртвых оплакивать... о живых надо думать.

С этими словами он оставил часть людей осматривать второй этаж, а сам с остальными бросился к лестнице, ведущей на третий. На лестнице никого не было. Оставив ещё троих на третьем этаже, Арут с остальными поднялся на четвёртый. Едва они вышли с лестничной площадки и свернули в коридор с множеством открытых, а местами оторванных дверей, как сразу увидели толпу убийц. Они сгрудились возле одной двери и колотили в неё рукоятками сабель, а некоторые били в неё сломанными стульями. В ответ на каждый удар из-за дверей доносились испуганные крики и мольбы. Их было не менее двух десятков. Арут опянул назад. С ним оставались четверо. Он не раздумывал. Даже будь он один, бросился бы убивать эту нелюдь.

Эдва он собирался ринуться на врагов, как из ближайшей комнаты раздался приглушённый вопль. Арут, не раздумывая, ринулся туда. Влетев внутрь, он на мгновение застыл. Глаза налились кровью при виде представившейся картины. На единственно уцелевшем столе лежала обнажённая девушка. Раскинутые ноги и руки были в крови. Один мужчина насиловал девушку, второй стоял у головы и постоянно бил её по лицу. После каждого толчка руки и ноги девушки сжимались в конвульсиях. Плакать она больше не могла. Девушка только издавала хрипы. Арут бросился к столу. Оказавшись возле него, он левой рукой схватил насильника лежавшего на девушке за волосы, а правой, в которой лежала сабля, со всей силы ударил второго по голове. Раздался хруст разрубаемого черепа. Со лба хлынула кровь. Сразу же после этого, Арут стащил на пол насильника и одним ударом пригвоздил его к полу. Зытащив саблю, он вновь выбежал в коридор. Пока он разбирался с насильниками, четверо его людей атаковали толпу осаждающую дверь, которая успела рухнуть. Шла жесточённая схватка. Двое фидаи сражались вяло. Видимо получили ранение. Арут стремительно бросился вперёд, буквально врываясь в гущу врагов. С диким криком он наносил один удар за другим. Он не видел ничего кроме ненавистных лиц, которые хотел стереть с лица земли. Несмотря на ярость, ему приходилось очень нелегко. Под напором превосходящих сил, он отступил на несколько шагов. Он не оглядывался назад, откуда в любую минуту мог последовать смертельный удар.

«Только вперёд! Только вперёд!» – сверлила в мозгу Арута мысль. « Убить, уничтожить всех».

Сделав огромное усилие и собирая остатки сил, Арут издал дикий рык и, удвоив усилия, ринулся вперёд. Враги отступили. Они не понимали, откуда у этого невзрачного на вид паренька берётся столько силы. Казалось, ничто не может его ломить. Как только враги запаниковали, Арут почувствовал облегчение и с ещё большим остервенением начал биться. Одно мгновение, другое... и враги отступили и бросились к окнам в надежде спастись. Но подоспевшие с нижних этажей фидаи, совершили полное уничтожение. Наступила тишина. Арут даже не понимал, ранен он или нет. Сабля, руки, одежда, лицо... всё у него было в крови. Арут устало вытер тыльной стороной ладони обильно струившийся со лба пот и... только сейчас заметил десятки взглядов направленных в его сторону. Они принадлежали воспитанницам гимназии, которые сгрудились в той самой комнате, которую осаждали. Дверей не было, и воспитанницы видели целиком весь бой. Вместо ужаса... в девичьих глазах читалось... безграничное восхищение. Арут обернулся. Сзади тоже стояло несколько десятков. Несколько фидаи, учитель, ещё какая-то пожилая женщина и воспитанницы. Среди всеобщей тишины, раздался голос пожилой женщины:

«Кто ты, храбрый сын армянского народа?»

«Арут Акопян!»

«Тока вокруг него перешёптывались, Арут устало обратился к своим людям:

«Убитые есть?»

«Нет. Восемь человек ранено. Один тяжело. Может умереть, если не помочь.»

«У вас?» – вопрос был адресован учителю.

«Ещё не знаю.»

Есть место, где можно спрятаться до темноты?

Есть подвал! Дверь в него на первом этаже...

Все туда. Соберите всех, возьмите раненых с собой...справляйтесь сами. Нас итак мало. Спрячьтесь в подвале. Забаррикадируйтесь изнутри. Ночью мы вас выведем из города,... если останемся живы.

Арут, – донеслось откуда-то снизу.

Арут мгновенно ринулся к лестнице и мигом сбежал вниз. Оба брата, живые и невредимые, стояли у двери. Арут с облегчением было вздохнул, но тут же пригнулся. Пуль пронёсся рядом с ними. Гимназию начали обстреливать. Арут, пригибаясь, подошёл к одному из окон и осторожно выплянул из него. Метрах в четырёхстах от гимназии сосредоточились порядка двухсот человек. Эти люди, несомненно, были военными. Все были в униформе. Но не это было главной неприятностью. Военные подтягивали оружие и боеприпасы, видимо, собираясь стрелять прямой наводкой по гимназии. Арут вернулся обратно.

У нас не больше десяти минут, - отрывисто бросил он двум братьям,- будьте пока здесь.

Арут бросился снова вверх, на четвёртый этаж. Там всё ещё обсуждали что делать.

Арут с ходу обратился к учителю:

Хватит разговаривать. Через несколько минут в здание войдут турки. Немедленно все в подвал, иначе смерть.

Он не стал говорить про оружие, чтобы не пугать людей. Его слов и так хватило, для того чтобы все вокруг засуетились. По нескольку девушек одновременно брали одного фидая и несли. Меньше минуты прошло, а никого на этаже не осталось. Арут подбегал ко всем окнам и выплядывал. Каждый раз у него вырывались проклятия. Наконец, возле одного из них, у него вырвался радостный возглас. Он бегом спустился на третий этаж и, подойдя к одному из окон, выплянул наружу. В метрах четырёх, прямо напротив окна, начиналась крыша двухэтажного дома. Следом за этой крышей, примыкая друг к другу, чередовались десятки крыш. Это был, несомненно, путь к спасению. Но как преодолеть эти метры?

Арут бросился на первый этаж. Он сразу же по шуму определил, где дверь в подвал. Она была в самом конце коридора, за углом. Раненых уже вносили внутрь.

Арут остановил учителя.

Есть длинная лестница?

В подвале должна быть, а что?

Арут вместе с учителем спустился в подвал. Он оказался довольно обширным. Возле одной из стен действительно лежала лестница. Арут примерился взглядом. «Должно хватить» – подумал он.

Здвоём с учителем они вынесли лестницу наружу. Арут криками собрал всех фидая возле подвала. Даже оба брата пришли. У дверей никто не оставался. С учётом развивающихся событий, в этом не было необходимости. Арут велел Арсену принести какой-нибудь шкаф. Пока тот бегал за шкафом, все вошли в подвал. Последним входил учитель. Арут задержал его.

Если услышите грохот, не пугайтесь, – предупредил Арут,- закройтесь изнутри и не выходите. Снаружи мы на всякий случай приставим шкаф, чтобы никто не догадался

о существовании этой двери. Ну, с богом!

Прежде чем нырнуть внутрь, учитель сжал руку Арута. Арут ему ободряюще кивнул. Дверь закрылась. Появился Арсен со шкафом. Шкаф приставили к двери. Изнутри послышался шум. Видимо, там начали укреплять дверь. С Арутом оставалось ещё пятнадцать человек. Все они, схватив лестницу, ринулись вслед за ним. На третий этаж. Расположившись у нужного окна, Арут объяснил, что нужно делать. Два брата зялись за дело. Они, ухватившись за края лестницы, начали выдвигать её в окно. Скользя по подоконнику, лестница уходила всё дальше и дальше. Наконец, к общему облегчению, её край достиг спасительной крыши. Второй край остался лежать на подоконнике. Вазген, цепко ухватившись за обе ножки лестницы, кивнул брату. Тот, несмотря на богатырское сложение, вскочил на окно, и ловко перебирая ногами, двинулся вперёд. Деревянные перекладины скрипели, лестница прогибалась под ногами. Но, тем не менее, Арсен благополучно добрался до крыши. Спрыгнув с лестницы, он ухватился за края с другой стороны, обеспечивая более безопасный переход своих товарищей. Один за другим, фидаи перебрались на соседнюю крышу. Арут перебирался последним. В гимназии уже никого не было. Лестница под ним шаталась. Не раз его подмывало посмотреть вниз, но он каждый раз сдерживался. Как только он оказался на крыше, все вздохнули с огромным облегчением.

Спрячьте лестницу, она ещё может понадобиться, – коротко бросил Арут, а сам начал оглядываться в поисках места, где можно было спрятаться. В этот миг раздался грохот. Звон разнёс часть четвёртого этажа. Куски камней полетели в их сторону.

Началось... бежим! – Арут бросился вперёд. Раздался ещё один выстрел. Он увидел открытую дверцу чердака на соседней крыше. Из неё вылетали голуби. Через минуту все фидаи сидели внутри, сбившись в кучу и слушали канонаду. В эти бесконечные несколько часов им удалось выжить. Что их ждало впереди, никто не знал.

Глава 3

1 апреля 1909 года

В кольце

Около семидесяти человек, включая раненых, содрогались всякий раз, когда наверху, над ними происходил страшный грохот. Едва ли ни ежесекундно звучали глухие удары об потолок подвала и притом такой силы, что казалось ещё один такой удар и всё обрушится. Все как один, обливаясь холодным потом, смотрели на потолок, от прочности которого зависели и жизни. Это продолжалось несколько минут, потом неожиданно всё стихло. Ещё через несколько минут они различили множественный топот ног. До них доносились обрывки фраз на турецком языке. Часто произносились слова «армянский разбойник». Видимо, искали отряд, который взял штурмом гимназию. До них, по всей видимости, не было никому дела. Или же они могли посчитать, что все ушли вместе с отрядом. Около двух часов все вздрагивали от любого шороха наверху, затем всё стихло. Видимо, все ушли и оставили, наконец, их в покое. Едва всё стихло, как все бросились хлопотать над ранеными. Раны заново перевязывались. Для этой цели в ход шло всё, включая одежду. Устраивали их как

можно удобней на старых матрасах, в огромном количестве находившихся в подвале. Здесь было очень много различной утвари, но не было самого главного – еды. И, тем не менее, сейчас об этом никто и не вспоминал. Самым важным являлось, как можно быстрее облегчить страдания раненых. Задача почти невыполнимая, если принимать в расчёт то, что у всех были пулевые ранения различной тяжести. Раны обмывались и крепко перевязывались. После этого, по две три воспитанницы садились у изголовья раненого. Одна гладила его по голове, другие брали руки раненого в свои и, шепча ласковые слова, пытались успокоить. Ничего другого не оставалось. Следовало ждать, ждать, пока не наступит возможность покинуть подвал.

Начались тихие разговоры между воспитанницами и ранеными. Учитель, всё время хлопотавший над пожилой женщиной, состояние которой немногим отличалось от состояния раненых, подошёл к тяжелораненому фидаи. Тот не подавал признаков жизни. Учитель встал на четвереньки и приложил ухо к его груди. Сердце раненого слабо билось. Но всё ещё билось. Он облегченно вздохнул и, встав с колен, опянулся. Почти все его воспитанницы находились возле раненых.

Никто не думает о себе, - с некоторой радостью и гордостью подумал учитель, - а ведь они только что потеряли двенадцать своих подруг. Некоторые из воспитанниц подверглись жестокому насилию и, тем не менее, ...они не думали о своём горе. Таков наш народ. И пока он такой, никто не сможет сломить его. Нас будут убивать, а мы раз за разом будем подниматься. Мы отстоим своё право на жизнь и свободу. Мы отстоим своё право на уважение, которое заслуживает любой человек независимо от веры и национальности. Мы никогда не встанем на колени перед нашими убийцами. Никогда... - учитель осёкся, увидев множество направленных на себя взглядов. До него не сразу дошло, что он размышлял вслух.

Самвел джан, – раздался тихий голос из угла.

Учитель повернулся лицом к пожилой женщине. У той в глазах стояли слёзы.

Я умру счастливой, потому что воспитала такого сына как ты, – прошептала женщина.

После этих слов возникла тишина. Все прочувствовались моментом. Каждый думал о себе и в то же время обо всех. Больше всех переживал учитель Самвел. Слова матери сделали самое сокровенное в душе. Чтобы как-то скрыть своё состояние, он обратился к одному из раненных:

Мы до сих пор не знаем, кого благодарить за спасение наших жизней.

Мы из отряда Сепуха - послышался прерывистый ответ. Раненому тяжело было говорить.

Слышали о таком, – учитель Самвел кивнул головой, - он в Эрзеруме. Далёко же вы добрались. Даст бог, вы поправитесь. Даст бог, все ваши друзья спаслись и прячутся сейчас в надёжном месте.

Самвел, впрочем, как и его мать и воспитанницы, с удивлением смотрел на смеющихся раненых. Он не понимал, чем вызван этот смех. Вроде, он ничего такого не говорил. Всё разъяснили слова одного из раненых.

Не будет такого, чтобы Кес Арут прятался, когда вокруг него убивают людей!

Немногим ранее на чердаке, где прятался немногочисленный отряд, состоялся короткий разговор.

Надо дожидаться ночи, забрать людей и уходить из города, – предложил один из фидайнов.

В ответ на эти слова Арут, не проронивший ни одного слова, начал собираться. Он проверил затвор винтовки. Затем набил патронташ патронами. Затем вытащил из южен саблю и вложил обратно. После этого он поднялся, собираясь выйти.

Ты куда, Арут? – окликнул его один из фидайнов.

Пойду в город! – последовал ответ. Тон ответа не допускал возражений. Но, тем не менее, ему возразили:

Это плуто, Арут. В городе тысячи убийц. Да к тому же... О нас уже знают и наверняка ищут. Только выйдем, и нас убьют!

А вам никто не говорит, чтобы выходили. Оставайтесь, я один пойду.

Так не пойдёт, если идти так всем вместе...

Один за другим фидайны начали подниматься. Когда поднялись оба брата, Арут коротко и категорично произнёс одно слово:

Нет!

Нет? – возмутился Арсен. - Как это - нет? Ты не можешь нам запретить идти.

Не могу, - согласился с ним Арут и продолжал:- Но подумай сам, брат Арсен, если мы все умрём, кто выведет этих девочек из города? Кто поможет раненым?

В ответ на эти слова, Арсен опустил голову.

Вы с братом останетесь. Будете ждать до поздней ночи. Если мы не вернёмся, уйдёте без нас. Хорошо?

Оба брата кивнули в ответ. И когда уже остальные покидали чердак, оба в один голос прошептали: «Храни вас бог!»

Сходя с чердака, Арут первым делом осмотрелся вокруг. Первое, что бросилось ему в глаза, была гимназия Нерсеяна, вернее то, что от неё осталось.

Крыша гимназии полностью отсутствовала. Начиная от второго этажа и вплоть до четвёртого, ровно посередине была снесена одна секция. Вместо неё зияла пустота.

Все двадцать четыре оконные ниши оставались более или менее целыми, хотя ни одного стекла, ни одной оконной рамы не было. Сохранилось и одинокое дерево перед гимназией. Между ним и зданием лежала груда обломков. Кое-где вспыхивал огонь, но он не мог причинить вреда людям, прятавшимся в подвале. Людей в самом уничтоженном здании гимназии не было, но недалеко от здания всё ещё стояло артиллерийское орудие. Возле него была какая-то суета: видимо, его собирались увезти. У Арута на мгновение мелькнула безумная мысль отбить орудие, но он тут же выбросил её из головы. Рядом с ним всё ещё оставалось много военных. Арут посмотрел в противоположную сторону. Там горели сотни домов. Но большая часть домов всё ещё оставалась нетронутой. Он оглянулся на своих людей и показал в направлении горящих домов. Те в ответ кивнули головой. Перебегая с крыши на крышу, отряд двигался среди всеобщего хаоса, выискивая тех, кто более всего нуждался в помощи. Где-то справа от них послышались крики. Арут остановился и подошёл к дымоходу, который выступал у самого края крыши. Опершись на него, он заглянул вниз. Во дворе шла ожесточённая борьба. Горстка людей, среди которых

были несколько женщин, изо всех сил отбивались от толпы озверелых убийц. Аруту понадобилось несколько секунд, для того чтобы оценить обстановку. Он махнул рукой, подзывая к себе отряд. Через минуту, расположившись на краю крыши, они открыли прицельный огонь по спинам нападающих. Раздались вопли. Последовал общий залп. Несколько человек осело на землю, остальные бросились на улицу. При этом они едва ли не давили друг друга. Из-за того, что вся масса одновременно пыталась пролезть через узкую арку, которая служила выходом со двора на улицу, отряд успел сделать ещё несколько выстрелов. Сразу после этого они перебежали на другую сторону крыши и стали вести огонь по мечущимся фигурам. Сделав ещё несколько выстрелов, Арут остановил стрельбу. Патроны следовало беречь.

Неизвестно, что их ожидало впереди. Он вернулся к дымоходу и, свесившись с края, свистнул. Люди, которые всё ещё не понимали, какому чуду они обязаны своим спасением, одновременно подняли головы.

Будьте ночью вблизи гимназии Нерсисяна. Мы выведем вас из города, – крикнул им сверху Арут.

Друг, брат, - одновременно раздались слова на армянском и греческих языках, но Арута и след простыл. Он с остальными двинулся дальше. Едва они это сделали, как внимание отряда привлёк сильный пожар, разгорающийся метрах в ста от них. Пламя выбивалось из под крыши и готово было обрушить дома. Огонь становился непреодолимой преградой. Надо было спускаться вниз. Арут остановил отряд, раздумывая, что делать дальше. На улицу прыгать опасно. Высоко, можно повредить ноги. Следовало найти спуск. Быстро обследовав близлежащую крышу, он пришёл к выводу, что единственное безопасное место - это двор одного из домов. Там, прямо под крышей, находился балкон, который был сооружён по всему внутреннему периметру двора. От крыши до балкона едва ли было более трёх метров. Решение было принято. Помогая друг другу, фидаины один за другим свешивались с крыши и прыгивали на балкон. Пока они спускались, снова начали раздаваться крики о помощи. Но их было так много, что невозможно было понять, откуда именно они исходят. Отряд прошёл по всему периметру, но так и не нашёл способа как спуститься вниз. Все двери были закрыты. Не было заметно ни одного человека, ни во дворе, ни где бы то ни было. Они остановились в смутении, не зная как поступить. Оставалось взламывать двери и искать выход. Огонь грозил переброситься к ним в ближайшее время. Едва они об этом подумали, как рядом с ними раздался скрип. Они одновременно повернулись на звук и увидели открытую дверь. В дверь высунулась голова преклонной старухи. Она коротко осмотрела их, и уже потом спросила: Фидаи?

Все кивнули.

Вас бог послал. Идите скорей за мной, - старушка исчезла за дверью. Чуть помедлив, туда вошёл Арут, а за ним все остальные. Они оказались в маленькой комнатке. Старуха взяла трость и, опираясь на нее, поспешила к единственной двери из комнаты. Отряд молча последовал за ней. Таким образом они прошли несколько маленьких комнат, следующих друг за другом. Затем вышли в маленький коридор. Из коридора снова вошли в какую-то квартиру с маленькими комнатами. До них начали слышнвенно доноситься крики, молящие о помощи. Старуха снова вывела их в коридор

и подвела к одинокой двери. Затем перекрестила всех и ушла. Арут осторожно приоткрыл дверь. Перед ним была пустая комната с выбитыми окнами. Войдя внутрь, он подошёл к одному из окон. Зрелище, представившееся взгляду Арута, заставило его вздрогнуть. Перед ним находился в точности такой же балкон, на который они прыгнули. В крайнем левом от него углу полыхал сильный огонь. В нескольких метрах от огня с обеих сторон балкона толпилось несколько десятков человек. Среди них были женщины и дети. Они были окружены озверелой толпой турок, которые размахивали ножами и саблями, выкрикивая при этом непристойные ругательства в адрес армян. Арут удивлённо поднял взгляд. Ему показалось странным, что турки не нападали и не убивали, а только теснили беззащитных людей. Едва он об этом подумал, как ярость начала застилать ему глаза. Он понял, почему их не убивают. Их просто хотели сбросить в огонь и сжечь живьём.

Половина на одну сторону, другая на вторую, – отрывисто бросил Арут и первым толпился через окно на балкон.

Зыстрылы прозвучали неожиданно. Фидаи стреляли так быстро, как только могли. Они отчётливо понимали, что четверо превосходящая их толпа убийц хлынет на них. Им некуда было деться. Впереди огонь. Оставалось только пройти через них. Один за другим убийцы валялись замертво. Им удалось вызвать панику внезапной атакой, однако ситуация была не из лёгких. Толпа мёртвых тел своих товарищей, убийцы бросились на фидаинов. Фидаины стреляли и отступали назад, затем, когда расстояние сократилось до минимума, сделали бросок вперёд, пуская в ход штыки. Натиск был столь сокрушающий, что убийцы уверенные в своей близкой смерти, стали залазить в разбитые окна и спрыгивать с балкона. Паника среди них была столь необузданной, что фидаины без труда добились жалкие остатки этих ничтожеств. Они не стали никого преследовать. В этом не было никакого смысла. Они остановились и взглядели поле битвы. Победа была полной. Из его людей лишь двое были легко ранены ножами. Никто и не думал атаковать их. Оставшиеся в живых убийцы сбегали с поля битвы так быстро, как только могли. Арут дал всем несколько минут отдыха. Он отчётливо понимал: им следует постоянно и быстро передвигаться по городу, иначе они не только никому не помогут, но и сами сложат головы. Пока они переводили дух, к ним начали подходить спасённые люди и со слезами на глазах целовать им руки.

Достаточно, хватит, – прикрикнул на них Арут, - перестаньте целовать нам руки.

Лучше покажите выход отсюда. Так вы больше поможете нам.

Среди спасённых сразу возникла суета.

Арут, - один из фидаинов показал пустой патронташ. - У многих кончались патроны.

Дело – дрянь, - пробормотал вслух Арут, - без патронов мы долго не продержимся.

Я знаю, где можно найти патроны, – раздался мальчишеский голос. Вперёд вышел мальчишка лет десяти и указал куда- то рукой. – Там есть военные склады. Там полным полно патронов и лошади есть.

Лошади? – не понял Арут.

На лошадях вы не останете. Вам не придётся отдыхать как сейчас, - пояснил мальчик.

Фидаи рассмеялись, несмотря на серьёзность обстановки. Арут опустил на корточки и, взяв мальчика за плечи, спросил:

Ты покажешь нам, где взять патроны... и лошадей?

Покажу, я каждый день там играл. Проведу вас так, что ни один турок не увидит, – последовал важный ответ.

Прежде, чем уйти вслед за мальчиком, Арут громко обратился к спасённым людям: Будьте ночью возле гимназии Нерсесяна, мы выведем вас из города. Если вы станете, то неминуемо погибнете. С этими словами фидаи простились и последовали в одну из дверей вслед за мальчиком.

Зскоре им всем, в том числе и Аруту, пришлось пожалеть, что они последовали за мальчиком. Он вёл их по каким-то заброшенным дворам. Им пришлось пролезать через какие-то дыры в заборах. После этого прошли через кучу угля, отчего лица всех стали почти чёрными. И в конце мальчик заставил их зайти в какую-то трубу.

Згорбившись в три погибели, фидаины едва успевали за прытким мальчиком.

Законец и труба закончилась. Перед ними была большая грязная лужа. И сразу за ней начинался густой ряд кустарников. Мальчик показал рукой вперёд, на кустарники.

Патроны там, а лошади... - рука мальчика двинулась левее, - там.

Как тебя зовут? – Арут снова присел перед мальчиком.

Арам!

Спасибо тебе, Арам! А теперь возвращайся обратно, и спрячься где-нибудь! – Арут поднялся и двинулся в сторону кустов.

И тебе спасибо, Кес Арут!

Арут остановился и устремил на мальчика удивлённый взгляд, не понимая, откуда кому известно его имя. Один из фидаинов улыбнулся.

Это я сказал ему твоё имя!

Арут, услышав ответ, повернулся и направился к кустам. Он почти никогда не оглядывался назад. Но всегда знал, что за его спиной находятся боевые товарищи. Перебравшись через лужу, они легли на землю и ползком начали пробираться через сусты. Колючки цеплялись за одежду и царапали руки. Но никто на это внимания не обращал. Они целенаправленно пробирались вперёд.

Пожалуйста...

Фидаи невольно замерли и прижались к земле. Голос прозвучал совершенно отчётливо.

Пожалуйста, господин, не убивайте меня,...я всё сделаю... господин

Голос, несомненно, принадлежал мужчине. Арут прислушался. Рядом раздались какие-то хрипы, за ними непонятные звуки. Арут двинулся вперёд и через несколько мгновений достиг переднего ряда кустарников. Сквозь просветы в листве он отчётливо увидел несколько больших одноэтажных строений. Левее от него находилось длинное здание. Видимо, это и была конюшня. Рядом с ней бродили несколько десятков полуодетых военных. Прямо напротив была... по всей видимости, сазарма. Из открытых окон доносились голоса. А правее... Арут повернул голову вправо и тут же со всей силы воткнул пальцы в землю и, отрывая их, рука начала жиматься в кулак. Метрах в десяти от него он увидел троих мужчин. Один был обнажён и крепко накрепко связан. Но, тем не менее, и руки и ноги дёргались в

непрерывных конвульсиях. Это происходило оттого, что... оба других склонились над ним. Один держал несчастного за плечи, другой отрезал ему голову большим ножом. Кровь била струями. Но на неё не обращалось никакого внимания. Мужчина, полуодетый военный, кропотливо продолжал свою работу.

Арут сделал попытку встать, но его удержали сразу несколько рук. Возле уха раздался щепот:

· Их много. Нас убьют.

Арут собрал все свои силы, чтобы утихомирить ярость, которая бушевала в его груди. Он сдерживался, но не в силах был оторвать взгляда от жертвы и двух палачей.

Наконец, жертва затихла. Оба военных поднялись. Один держал за волосы утробленную голову. До уха Арута донёсли слова, произнесённые на турецком языке:

· Как думаешь, это грек или армянин?

Услышав эти слова, Арут перестал понимать происходящее. Рука вцепилась в эфес сабли. Он поднялся во весь рост и двинулся на мясников. Его не заметили, тогда Арут прерывающимся от ярости и гнева голосом громко произнёс на турецком языке:

· Повернись, турок, и ты увидишь армянина!

Оба военных только и успели обернуться и посмотреть на Арута. В мгновение ока Арут обоих раскромсал саблей. Подобрал у одного из них револьвер, Арут сбросил с плеча винтовку. Держа в левой руке револьвер, а в правой саблю он двинулся к казарме... Пока он оставался незамеченным, но это не могло длиться долго. Фидаишвили его вернуть обратно, говорили, что это безумие, но... Арут никого и ничего не слышал. Огонь, который в нём полыхал, могла остановить только смерть.

У входа никого не было. Арут вошёл в казарму. Едва он оказался внутри, на него уставились несколько удивлённых пар глаз. Военные, занимающиеся повседневными делами, с удивлением смотрели на странного парня с кровавыми глазами. В воздухе раздался шипящий свист:

· Грек или армянин?

Ближайшего к нему военного Арут зарубил саблей. В остальных начал стрелять из револьвера. Раздались громкие крики. А вслед за ними призывы взяться за оружие. Уложив четверых, Арут двинулся дальше. Один за другим выбегали растерянные военные и попадали под яростные удары. Арут бил и бил саблей, не видя ничего вокруг. Затем он вошёл в оружейную и забрал целую охапку винтовок и коробку патронов к ним. Всё это он положил возле одного из окон, ведущих во двор. К казарме уже подбегали около полусотни вооружённых солдат.

· Грек или армянин?

Арут повёл интенсивную стрельбу из окна, вынудив солдат прижаться к земле. В ответ начали раздаваться прицельные залпы. Пули свистели рядом, но Арут не обращал на них ни малейшего внимания. Раз за разом он высовывался, и раз за разом стрелял в солдат. Он не видел, или не хотел видеть, как солдаты, стреляя, подползают всё ближе и ближе к казарме.

· Грек или армянин? – в который раз повторял Арут. - Убью всех!

Он перебежал к другому окну и продолжал стрелять в подползающих солдат.

Ситуация становилась критической. Арут понимал, что ещё немного и солдаты

зорвутся внутрь. Сделав ещё несколько выстрелов, Арут схватил одну из винтовок. Держа её наперевес, он двинулся к выходу.

Смотрите, сволочи, как умирают армяне, – сквозь сжатые зубы проговорил Арут. Он уже выходил к солдатам, когда раздавшийся сокрушительный взрыв, отбросил его к противоположной стене. Крики, треск огня, ржание коней... всё перемешалось. Арут, шатаясь, поднялся, пытаясь унять страшный звон в ушах. Откуда-то издали до него доносился крик:

Арут, Арут!

Арут схватился двумя руками за голову, пытаясь унять этот звон и осмыслить происходящее. Но ему не дали это сделать. В окне показались головы двух фидайнов. Они скользнули внутрь, схватили Арута под руки и буквально выволокли через окно. Затем его посадили в седло, а дальше... он перестал понимать, чувствуя, что проваливается в какую-то бездну.

Несколькими часами позже, - глубокой ночью, - тяжело раненного Арута, вместе с остальными ранеными, вывезли из города. В эту ночь город покинули более пятисот горожан. Это были в основном женщины и дети. Их уход сопровождали фидаи из отряда Сепуха.

ГЛАВА 4

Константинополь 14 апреля 1909 года
Посольство России

Моложавый мужчина в форме полковника, скрестив руки, стоял в небольшой комнате. Рядом стоял стол с телеграфными аппаратами. Телеграфист, сидевший за столом, повернув голову в сторону полковника, ожидал его слов.

-Шифровка в Генеральный штаб контрразведки, - негромко, но отчётливо произнёс полковник. Сразу после этих слов, раздался стук.

-Докладываю вашему превосходительству. Полученные сведения заставляют предполагать самое худшее в намерениях Османской империи по отношению к России. Имеются доказательства, что в настоящий момент ведутся тайные переговоры между правящей партией Османской империи «Единение и Прогресс» с правительством Германии. Доподлинно известно, что планы, которые обсуждаются на оных переговорах, в том числе и военные, имеют целью нанести вред России. Отмечаю особую угрозу для России, исходящую от правительства Османской империи. Есть доподлинные сведения о том, – полковник сделал небольшую паузу и продолжал тем же отчётливым голосом, - что министерство внутренних дел, возглавляемое Талаат пашой, правящая партия «Единение и Прогресс» при непосредственном участии военного министерства и с участием министра обороны Энвера паши, в полной секретности создали две организации: «Тешкилат» и «Махсусе».

Задача первой организации, которую возглавляет уже известный нам Аскери Сулейман Бей - вести подрывную, шпионскую деятельность среди мусульман

России с целью ослабления могущества нашей империи, а впоследствии и создание на территории России ряда независимых мусульманских государств. Задачи второй организации, который возглавляет Бехаэтдин Шакир, под прикрытием реформ и переустройства уничтожить внутренних врагов империи, коими считаются все те, кто не является мусульманином. В особенности, это касается армянского населения империи, которое, как известно, является многие годы верным другом и союзником России.

С опасением и тревогой докладываю о тайных действиях этой организации. **Ибо уже сегодня они спешно вооружают местное население. В особенности городских дадашей, которые известны своей необузданностью и ненавистью к армянам. Известны так же случаи умышленного освобождения из тюрем лиц мусульманского происхождения, осуждённых за тяжкие преступления. Для каких целей это делается, пока выяснить не удалось.**

Полковник дождался, пока шифровка была полностью передана, и только после этого покинул комнату. В то время, когда полковник покидал комнату, к послу входил дежурный офицер с пакетом в руке.

- Ваше превосходительство, донесение от генерального консула из Эрзерума!

Зиновьев, не переставая писать и не поднимая головы, указал дежурному офицеру на стол. Положив донесение, офицер развернулся и вышел из кабинета.

Зиновьев макнул перо в чернильницу, собираясь продолжить писать, но остановился и, подняв исписанный лист, бросил взгляд на запечатанное донесение из Эрзерума.

Некоторое время Зиновьев раздумывал, ... затем осторожно отложил начатое письмо, наверху которого было выведено большими буквами:

«Министру иностранных дел Извольскому от русского посла в Константинополе».

И взяв донесение, быстро распечатал его. Генеральный консул в Эрзеруме писал:

«Положение в самом Эрзеруме и в Эрзерумском Вийалете целиком остаётся крайне напряжённым и опасным. Особое беспокойство вызывает тяжёлое положение коренного армянского населения. Известны многочисленные случаи ущемления армян. В частности известны факты зверских убийств, сожжения деревень, многочисленных безосновательных избиений, а так же беспричинного отбора имущества у этих людей.

Наблюдая за действиями городских властей, создаётся впечатление, что армяне для них нечто вроде скота и не более.

С опасением и тревогой докладываю о тайных действиях властей города. **Ибо уже сегодня они спешно вооружают местное население. В особенности, городских дадашей, которые известны своей необузданностью и ненавистью к армянам. А так же поставляют оружие местным племенам курдов. Известны так же случаи умышленного освобождения из тюрем лиц мусульманского происхождения, осуждённых за тяжкие преступления. Для каких целей это делается, остаётся неясным».**

-Остаётся неясным! – повторил Зиновьев последние слова донесения. Он свернул послание и сунул в один из ящиков массивного стола. Затем он запер ящик на ключ. А ключ сунул во внутренний карман пиджака. Зиновьев посмотрел на часы. Они показывали без четверти восемь. «Время ужина, – подумал Зиновьев,- Катенька,

наверное, уже ждёт. А есть не хочется. Нужно составить доклад министру. А как это сделать, если обстановка чуть ли не с каждым днём меняется».

-Ваше превосходительство!

Зиновьев оторвался от своих размышлений и посмотрел на дверь, из которой вновь появился дежурный офицер.

-Ашот Эгоян - представитель армянской общины Константинополя - просится к вам на аудиенцию.

Зиновьев улыбнулся, услышав эти слова. Он лично знал Эгояна и глубоко уважал этого человека. Он всегда был рад встрече с ним.

-Просите!

Через несколько минут в кабинет вошёл человек приблизительно одного возраста с Зиновьевым. Эгояну исполнилось 50 лет. Это был невысокий лысоватый мужчина с густой бородой и со спокойным лицом. Эгоян был одет в незамысловатый пиджак с галстуком. В руках он сжимал шляпу.

-Господин Эгоян!

-Ваше превосходительство!

Приветливо улыбаясь, Зиновьев вышел из-за стола и пошёл навстречу Эгояну. Они крепко пожали руки друг друга. После этого Зиновьев проводил Эгояна до своего стола и, пригласив занять свободное кресло, сам прошёл к своему.

Ещё до того как разговор начался, Зиновьев ощутил лёгкое беспокойство. Что-то в облике Эгояна беспокоило посла. Что именно - он не знал, но понял, что и на сей раз предчувствие не обмануло его, едва прозвучали первые слова Эгояна.

-Уезжаю. Проститься пришёл! – коротко сообщил Эгоян, нервно теребя держащую в руках шляпу.

-Жаль, – протянул Зиновьев; ему действительно было жаль терять такого интеллигентного собеседника, спокойного и рассудительного. – Далеко собрались, господин Эгоян?

-Пока в Эрзерум, господин посол. Дальше будет видно. Я в партию «Дашнакцютюн» вступил. Буду выполнять поручения партии.

-Вы шутите? – обескураженный услышанным, Зиновьев аж привстал с кресла. - Вы учитель, человек, который всю свою жизнь призывал к миру и дружбе... вступили в ряды одной из самых экстремистских группировок!?

-Я больше не верю в мир и дружбу, – Эгоян отвечал тихо.

Зиновьев пристально рассматривал лицо Эгояна, пытаясь понять, что заставило совершенно безобидного человека вступить в ряды военизированной группы боевиков. Однако ничего на ум не приходило.

-Почему, Ашот? – Зиновьев смог задать лишь этот вопрос.

-Почему? – Эгоян поднял на него потерянный взгляд и коротко выдохнул одно слово: –«Адана».

-Адана? Что это значит?

-Так вы ничего не знаете, господин посол?

-А что я должен знать?

-Этого города больше нет!

-Как нет? – Зиновьев вскочил с места и в крайнем волнении повторил: - Как нет? Что вы говорите, Ашот?

-Город уничтожен. Всё армянское население вырезано. Вот так, господин посол. И грош цена 61 статье Берлинского договора. Правительство по- своему разобралось с « Армянским вопросом». – В голосе Эгояна чувствовалась глубокая горечь.

Зиновьев в крайне нервном состоянии вернулся на своё место. Услышанное производило тяжелое впечатление. Он вытащил из чернильницы перо и, теребя его в руках, слушал Эгояна.

-После событий 1895 года я был в числе тех, кто призывал к миру и согласию. Я был уверен, что подобное не повторится. Я призывал к дружбе с турками. Я, как и многие другие, жестоко ошибался. Они не успокоятся до тех пор, пока не уничтожат последнего из нас. Они уничтожают армянский народ. И Адана лучшее тому доказательство. Избиения, грабежи, изнасилования, убийства армян происходят по всей империи. Я не буду ждать, пока ко мне домой придут убийцы и на моих же глазах уничтожат всю мою семью. Нет. Я возьму в руки оружие и буду уничтожать врагов нашего народа. Отныне – только этот путь остался у нас.

-Ашот, вы отдаёте себе отчёт в том, что такой путь может ухудшить обстановку в империи?

-Хуже некуда, ваше превосходительство. Благодарю, что выслушали и позвольте откланяться.

Зиновьев не стал задерживать Эгояна. Не стал задаваться вопросом о том, для чего нужен был этот странный визит. Скорее всего, это была обычная вежливость со стороны Эгояна. Он оставался учтивым и культурным человеком, несмотря на резкую перемену взглядов.

Поклонившись, Эгоян покинул кабинет, оставив Зиновьева в глубоких раздумьях. Размышления продолжались недолго. Зиновьев с некоторой поспешностью написал несколько писем. Запечатав письма, он вызвал дежурного офицера. Вручая ему письма, Зиновьев коротко произнёс:

-Секретно. Первое письмо в Санкт – Петербург, министру иностранных дел. Второе – в Тифлис, генерал квартирмейстеру. Третье - титулярному советнику Шелковникову с приказом немедленно отправиться в Адану и составить полный отчёт о происходящих событиях. И ещё... - Зиновьев остановил уходящего офицера,- будьте любезны, сообщите Талаат паше, что я хотел бы встретиться с ним.

-Слушаюсь, ваше превосходительство!

Оставшись один, Зиновьев вновь возвратился на своё место. Он и думать забыл об ужине. Ситуация крайне обострилась. Хотя в Константинополе пока не было и следа каких-либо беспорядков. Тем не менее ситуация в вилайетах оставалась очень тяжелой. И особенно остро вставал вопрос об армянском населении. Что им грозило? Настолько ли велика опасность? И насколько могут оказаться правдивы слова Эгояна о том, что существует реальная угроза уничтожения народа?

Донесения из провинций косвенно подтверждали эти опасения, однако представители правительства и в первую очередь министерства внутренних дел,

категорически отрицали какой-либо злой умысел в отношении армян. Наоборот, они всячески подчёркивали свою непричастность к происходящим событиям.

- Что же на самом деле происходит? – пробормотал в задумчивости Зиновьев. - И что же на самом деле произошло в Адане? Я склонен полагать, что Эгоян существенно преувеличил масштабы трагедии.

Покинув посольство, Ашот Эгоян отправился в дом своего близкого друга, писателя Тиграна Чеокюрана. Уже совсем стемнело, когда Эгоян постучался в дом друга. Двери престижного двухэтажного особняка раскрылись, едва был услышан голос Эгояна. Мать писателя почтенная Ареват самолично встретила Эгояна.

-Какое горе, Ашот джан, какое горе, – с этими словами, почтенная женщина обняла Эгояна.

А чуть позже появился и молодой Тигран. Он был вдвое моложе Эгояна но, тем не менее, между ними возникла крепкая дружба. Едва прошли первые объятия, как почтенная Ареват и Тигран Чеокюран проводили гостя в гостиную. В гостиной уже находилось человек пятнадцать молодых людей. Парней и девушек. Они сидели вокруг стола, пили чай и о чём-то с жаром спорили.

Присутствующие с энтузиазмом встретили приход Эгояна. Многие из присутствующих были наслышаны об Эгояне. Несколько человек сразу потеснились за столом, давая ему место. Сам Тигран остался стоять, а его мать как всякая добрая хозяйка хлопотала за столом. Едва Эгоян оказался за столом, как на него обрушился град вопросов. Большею частью касающиеся происходящего в Адане. Эгоян только и мог, что переводить растерянный взгляд от одного к другому.

-Помолчите же, наконец! – голос принадлежал девушке с весьма решительным лицом. Она поневоле обратила внимание Эгояна. Дождавшись относительной тишины девушка, наконец, задала интересующие её вопросы.

-Господин Эгоян, ответьте нам, что намерена предпринять ваша партия в связи с событиями в Адане? Мы снова будем искать справедливости у всякого рода пашей и европейских эмиссаров? Или, наконец, ответив подлым убийцам так, как они заслуживают?

Эгоян думал недолго.

-Ответим. Всем, чем сможем. К сожалению, наши возможности не велики. К тому же, случившаяся трагедия не смогла образумить константинопольских армян. Они ведут себя так, словно эта беда их не касается. Они не понимают, что время бездействия закончено. Они наивно считают, что армяне получают равные права с местным населением.

-А как считает партия «Дашнакцютюн»? – задала вопрос всё та же девушка.

-Мы считаем, что всем армянам пора взяться за оружие. Мы полагаем, что Адана всего лишь начало. Дальше будет гораздо хуже, – Эгоян отвечал подробно, стараясь донести те чувства, какие испытывал сам.

-Скажите, господин Эгоян, правдивы ли слухи о фидаине, который в одиночку уничтожил сорок турецких солдат?- девушка с прежней настойчивостью задавала вопросы Эгояну. Тот не смог не показать удивления, услышав этот вопрос. Эгоян и

понятия не имел, о ком шла речь. Он посмотрел на Тиграна, словно прося помощи, но тот в ответ лишь плечами пожал, как бы говоря: Я знаю не больше твоего!

-Как же так? – снова заговорила девушка, от которой не укрылся немой диалог Эгояна с хозяином дома. - Партия, которая направляет действие армянских фидаи, поставляет им оружие... и понятия не имеет о таких героях?

-Я в партии совсем недавно, – вынужден был признаться Эгоян. – И, честно говоря, я и понятия не имею, о ком идёт речь. Если это вообще не выдумка.

-Это не выдумка, – в словах девушки послышалась заметная обида. - Этот фидаи из отряда Сепуха в Эрзеруме. Идут слухи, что он возглавлял горстку людей, которая сражалась в Адане, и только благодаря им из города были выведены более пятисот человек.

-И как зовут этого героя? – не смог не спросить Эгояна. Он сам должен был вскоре отправиться к Сепуху по заданию партии, но об этом никто не знал.

-Арут Акопян! – последовал ответ. - Его ещё называют Кес Арут.

-Акопян? – это фамилия ровным счётом ничего не говорила Эгояну. Поэтому он осторожно повернул разговор в другое русло. Говорить о том, что могло быть связано с отрядом Сепуха, он не хотел. Среди присутствующих вряд ли кто-нибудь мог оказаться предателем и донести на него. Но как говорится: « Бережёного бог бережёт».

Разговор снова вернулся к теме Аданы. Эгоян ответил на десятки разных вопросов. Затем, улучив минутку, уединился с Тиграном. Тот с явным удивлением следил за тайными передвижениями своего друга.

-Утром я навсегда покидаю Константинополь, – коротко сообщил Эгоян.

Тигран с нескрываемым удивлением выслушал эту новость.

-А как же твоя семья? Ты их бросаешь здесь? – не мог не спросить он.

-Я отправил семью в Карс к родственникам, – последовал ответ Эгояна, - и тебе совету поступить так же. Бросай писать, Тигран. Бросай писать, бери винтовку и иди с нами. Мы должны сражаться, иначе нашему народу не выжить.

-Глупости, – Тигран отмахнулся от Эгояна, - ты слишком близко к сердцу принял трагедию Аданы. Подобное больше не повторится. Мы все так думаем.

Спокойный Эгоян неожиданно вспылал после слов Тиграна.

-Турки уничтожают наш народ в течение пятисот лет. И каждый раз среди армян находится глупец вроде тебя и говорит: «Подобное больше не повторится». Да поймите вы все, наконец. Армения должна быть свободной и независимой. Только так мы избавимся от опасности быть уничтоженными. Попытки примирения и прощения могут привести к ужасающим последствиям. Эти люди принимают такие попытки за слабость и ещё более ожесточаются против нас. Начиная с 1893 года все убийства армян остаются безнаказанными властями. Даже ты должен понять, что безнаказанность порождает новые волны насилия. Насилия будут продолжаться и каждый раз всё в более изощрённой и отвратительной форме. Мы можем и должны противостоять этому всеми силами, какие только сможем собрать.

Пылкая речь Эгояна не произвела ни малейшего впечатления на Тиграна. Он лишь сочувственно смотрел на своего друга, не желая говорить, что считает его позицию

неправильной. Но Эгоян и так всё понял по взгляду Тиграна. Он понял, что его слова падают в никуда. Они не доходят до слуха его друга.

-Прими совет, Тигран, отправь семью в Карс. Российская империя - единственная, кто защищает нас от полного истребления. Отправь их, иначе тебе придётся горько сожалеть, что ты не послушал моего совета.

Сказав это, Эгоян оставил своего друга. Наскоро попрощавшись с почтенной Ареват, Эгоян взял шляпу и вышел на улицу.

Ночные улицы Константинополя были совершенно пустынно. Дом Эгояна находился в квартале отсюда. Он направился домой. Он шел, постоянно озираясь по сторонам, словно ожидал засады. Однако его опасения оказались напрасными. Ему удалось благополучно добраться до дома. Уже засыпая в пустом доме, Эгоян негромко пробормотал:

-Скорее в Эрзерум. Константинополь смердит тупостью и скудоумием армян!

Глава 5

23 апреля 1909 года

События продолжают развиваться

Небольшая чайхана была битком набита посетителями. Тошнотворный запах гашиша висел в воздухе. Основу посетителей составляли местные жители. На что указывала своеобразная восточная одежда и небольшие шапочки, которые здесь носили даже в самую жаркую погоду. Исключение составлял лишь один человек. Это был, несомненно, европеец. Он сидел в крайнем левом углу и медленно потягивал из блюдечка чай. Европеец сидел один. На него мало кто обращал внимания. Константинополь в последние годы был полон иностранцами. Однако того же самого нельзя было сказать о европейце. Он весьма пристально наблюдал за всеми посетителями и, в особенности, за открытым входом из-под краёв надвинутой на лоб шляпы. Допив чай, европеец подозвал официанта и что-то сказал на местном наречии. Едва официант отошёл, как в чайхану вошёл человек восточной наружности лет сорока одетый в европейский костюм. В руках у него была трость, на которую он опирался при ходьбе. Увидев этого человека, европеец слегка приподнял шляпу. Тот увидел жест. Немного помедлив, он окольным путём подошёл к столу, где сидел европеец и сел напротив него на свободный стул. Этот человек сразу же подозвал официанта и попросил принести чай. Как только официант отошёл, он незаметно улыбнулся европейцу и почти на безукоризненном русском языке тихо произнёс:

-Рад вас видеть, господин Луцев!

-Я тоже, Махмут бей!- так же тихо ответил тот, кого называли Луцевым.

-Вы хотели меня видеть? – снова так же тихо спросил Махмут бей. Задавая этот вопрос, он слегка повернулся вправо, чтобы иметь возможность полностью видеть происходящее в чайхане.

-Меня интересует имя человека, который спровоцировал резню армян в Адане?-

Луцев улыбнулся подошедшему официанту. Принял чай. Налил его в блюдечко и с явным наслаждением отпил поток.

-Их трое! – Махмут бей последовал примеру Луцеву и тоже отпил плоток чая. Ещё раз, настороженно оглядев чайхану, он едва слышно продолжил: - Вали Аданы Джевад паша, санитарный инспектор Эшраф паша и редактор газеты «Итидаль» Ихсан эфенди. Все трое влиятельные члены комитета партии «Единение и прогресс». Они исполнители. Действовали по указанию правительства.

-Какова была истинная цель?

-Их две. Уничтожить армян и набить свои карманы золотом!

-Сведения точные?

-Абсолютно.

-А что наши «друзья» из «Тешкилат»?- задавая этот вопрос, Луцев привстал и приподнял шляпу, приветствуя какого- то знакомого, появившегося в этот миг в чайхане.

Бросив быстрый взгляд на этого человека, и не глядя на Луцева, Махмут бей коротко ответил:

-Несколько дней назад была отправлена группа людей в направлении Саракамыша. Все были одеты в крестьянскую одежду. На самом деле эти люди - военные. «Тешкилат» впервые использует военных в своей работе. Зачем это сделано не известно. Все детали, касающиеся этой операции, содержатся в строжайшей тайне. Но, – Махмут бей понизил голос до полушёпота, и в который раз оглядев чайхану, продолжил: - Есть более точные сведения о второй организации, цели которой вы просили выяснить. В прошлый раз я говорил вам о том, что именно эта организация выпустила несколько сот преступников из тюрем. Все они были осуждены за особо тяжкие преступления. На этом они не остановились. «Махсусе» на сегодняшний день ведёт очень странную деятельность. Сам Бехаэтин Шакир разъезжает по всем тюрьмам страны. Его сопровождают те самые преступники, которых он освободил. Руководствуясь советами этих людей, Бехаэтин Шакир составляет списки преступников в каждой из тюрем. Версий, по поводу этих действий, очень много, но реальной мне представляется только одна. Этих людей готовятся освободить из тюрем, а впоследствии...создать отдельную дивизию «Чётников». Какие задачи будет выполнять эта дивизия – неизвестно. Можно лишь предположить, что им будет отведена так называемая « Чёрная работа».

-Спасибо! – Луцев снова поднёс блюдечку ко рту собираясь отпить чай, когда снова раздался едва слышный голос Махмута бея.

-Это не всё. У меня есть информация о тайном заседании правительства под председательством Талаат паши. Информация совершенно секретная. На этом заседании была утверждена карта Османской империи.

-И что же секретного в этой карте? – внимательно слушающий Луцев отпил чай и поставил блюдечку на стол.

-Карта особенная, – Махмут бей кинул быстрый взгляд на Луцева, а потом снова отвернулся, делая вид, что рассматривает посетителей, а затем шёпотом продолжил: - Карта особенная. На ней указаны все изменения, которые должны произойти в империи вплоть до 1920 года. В частности наименования провинций, количество жителей и этническая принадлежность этих людей.

На лице Луцева отразилось явно выраженное удивление.

-Что же в этом секретного? Все страны производят такие карты, – тихо ответил Луцев.

-Что секретного? На этой карте ни разу не встречается слово «Армянин». А ведь только в Константинополе живёт более 250.000 армян. Я достану копию.

Положив монету на стол, Махмут бей едва заметно кивнул в сторону Луцева и неторопливо покинул чайхану. Луцев ещё оставался несколько минут в харчевне, а потом последовал примеру Махмута бея.

Покинув чайхану, Луцев остановил на улице извозчика. И уже садясь в коляску, коротко бросил на местном наречии:

- Русское посольство.

Через четверть часа он уже входил в здание посольства. А ещё через четверть часа Луцев подошёл к одноименной двери в посольстве. У двери стоял вооружённый охранник. Увидев Луцева, он отковырял ему и открыл дверь. Луцев вошёл внутрь. Это была небольшая комната, где сидели два человека за телеграфными аппаратами. Луцев остановился возле одного из них и отрывисто бросил:

-Шифровка в генеральный штаб контрразведки!

Раздался уже знакомый стук. Началась передача сообщения.

-Есть сведения о том, что в район дислоцирования кавказской армии направлена группа военных. Возможная цель – разведка оборонительных позиций нашей армии в районе Саракамыша. Точнее сообщить не представляется возможным.

Докладываю вашему превосходительству о сложившейся обстановке в Османской империи. Предпринимаемые правительством меры, в коих они заверяют страны Европы и Россию, являются ширмой. События, произошедшие в Аданском Вилайете, являются результатом антиармянской политики властей. Есть доказательства участия в оных действиях чиновников самого высокого уровня. Как в правительстве, так и в министерстве внутренних дел и армии. Что выявляет несомненность совместных действий. И что, в свою очередь, доказывает существование некоего плана, разработанного правительством в отношении армянского населения империи.

-Считаю своим долгом выразить собственное мнение по поводу происходящих событий, – продолжал Луцев сосредоточенным тоном под стук телеграфиста,- стабилизация ситуации и в частности касающейся армянского населения... временна. Меры правительства Османской империи, принимаемые в данный момент для стабилизации обстановки и прекращения поголовной резни – вынужденными, принятыми в первую очередь под давлением со стороны Франции. Правительство которой однозначно выразилось по поводу производящихся бесчинств и пригрозило вводом войск в случае, если убийства армянского населения не будут немедленно прекращены. Считаю, это обстоятельство и твёрдую позицию России, единственными причинами сегодняшней спокойной обстановки. Принимая во внимание вышесказанное, считаю прекращение поголовной резни лишь началом операции, спланированной высшими эшелонами властей Османской империи. Считаю обстановку в части касающейся армянского населения - катастрофической. Прошу рекомендовать ужесточить позицию России по данному вопросу. Прошу

рекомендовать военному ведомству рассмотреть вопрос о начале военных действий силами сухопутных войск и флота.

Немногим позже Луцеву принесли ответную телеграмму. На ней стояло всего несколько слов:

-Ваши рекомендации приняты к сведению!

Луцев скомкал бумагу и в таком виде сунул в ящик стола. Истинное значение этих слов состояло в следующем: «Не лезьте не в своё дело!».

Луцев поднялся и, подойдя к окну, нервно закурил.

«Все только и делают, что кричат об армянском вопросе, – думал Луцев,- все только и делают, что грозят туркам и сочувствуют армянам. Неужели они не видят, что убийства не прекращаются, а наоборот принимают всё более страшные формы? Неужели они не видят, что никто не несёт ответственности за весь этот ужас? Неужели они не видят, какая катастрофа может произойти? И как мы сможем простить себя, если зная обо всём, не помешали этому свершиться?».

ГЛАВА 6

Эрзерум конец мая 1909 года

«Арут... не смотри... беги сынок... беги»

Шестилетний мальчик, босой, голый по пояс в потрёпанных коротких штанишках с перепачканным гарью лицом стоял внутри полыхающего дома и как замороженный смотрел на два тела, распостёртые перед ним на полу. Оба тела были женскими и оба были полностью обнажены. Одно тело принадлежало женщине лет тридцати. Другое – девочки лет двенадцати. У обеих были вскрыты животы таким образом, что ясно виднелись внутренности. Мальчик, не мигая, смотрел на тела и на лужи крови возле них.

В углу рядом с телами лежал истекающий кровью мужчина. Сделав невероятное усилие, он поднялся, шатаясь, подошёл к мальчику, взял его за руку и отволоч к окну, которое ещё не было охвачено огнём. Мужчина приподнял мальчика и бросил через окно, во двор. Падая мальчик, даже звука не издал. Мальчик мгновенно вскочил на ноги и посмотрел на окно, где по-прежнему стоял мужчина. Он стоял всего лишь несколько мгновений. Языки пламени коснулись мужчины. Не издав ни звука, он исчез за окном. Мальчик стоял и смотрел, как огонь охватывает окно. Через несколько минут, объятый огнём, дом рухнул. А мальчик стоял и смотрел, пока огонь не пожрал всё.

Неожиданно... руины сгоревшего дома превратились ... в благоухающий сад. Мальчик удивлённо смотрел на появившуюся невесть откуда девушку в свадебном платье. Девушка была хорошо сложена и необычайно хорошо собой. Карие глаза идеально сочетались с длинными чёрными волосами и смуглой кожей. Правильные черты лица ещё более красила мягкая улыбка. Девушка держала в руках розу.

Мальчик подошёл к ней, взял из её рук розу и приколол к волосам. Сразу после этого девушка нежно поцеловала его в губы. Затем счастливо улыбаясь, она начала куда-то исчезать. Прежде чем совсем исчезнуть, она протянула руки навстречу мальчику и нежно промолвила:

-Я жду тебя, Арут! Приходи, мой суженый!

-Опять стонет..., каждую ночь вот так, – вожак отряда армянских фидаи Сепух бросил взгляд на молодого человека, спавшего в нескольких шагах от костра, около которого сидел он и представитель армянских боевых отрядов, прибывший из Константинополя – Ашот Эгоян.

Оба смотрели на то, как молодой человек мечется во сне. Время от времени из его горла вырывались судорожные стоны.

-Кто такой? – тихо спросил у Сепуха Ашот Эгоян.

-Арут Аюпян!

-Тот самый? Кес Арут? – с уважением глядя на спавшего молодого человека, спросил Эгоян.

-Да!

-Наслышан о нём! Говорят – он даже чёрта не боится. Ещё слышал, как он в Адане бился. Не знаю только, правда или нет?

-Так и есть, – подтвердил Сепух, – парень – огонь. Когда к нам пришёл, ему 17 лет было. Мы все посмеивались над ним. Думали, ну что он – несмышлёныш, юнец. Худой, невысокий, разговаривает мало, стесняется как девушка. Ну и что ты думаешь? В первом же бою нас всех посрамил, – Сепух улыбнулся, вспоминая прошедшие события, – мы тогда засаду устроили. Ожидали увидеть человек семь-восемь из карательных отрядов, а появились сорок. А нас всего двадцать человек. Я уже хотел отменить нападение. Силы были неравны, и... смотрю, глазам не верю. Арут... вышел на дорогу, спокойно подошёл к переднему всаднику. Это был какой-то офицер. Подошёл, без единого слова стащил с лошади и убил. Турки даже не отреагировали. Они были потрясены этим поступком. Они только и делали, что смотрели на Арута, – Сепух, а за ним вслед и Эгоян, рассмеялись.

– Ну и это не всё, – смеясь, продолжал рассказывать Сепух, – мы тоже не хуже турок растерялись. Тоже молчим, звука не издаём. Они молчат, мы молчим, а наш Арут спокойно подходит ко второму и убивает. Тут всё и началось. Не поверишь, Ашот, мы ни одного человека не потеряли в том бою. После этого все наши фидаи начали с уважением относиться к Аруту. Да и сильный парень оказался. Он любого в отряде без усилия уложит. Про его силу у нас в отряде шутка ходит. Мол, на медвежьем молоке вырос. Сколько передраг после этого было. И с турками бились и с курдскими отрядами. Арут всегда впереди всех. И спокойнее всем в бою, когда он рядом бьётся. Все знают – умрёт, но друга не оставит в беде. Арут – душа нашего отряда.

-А что Адана?- задал вопрос Эгоян. - Что там было?

-Наши ребята там целый день бились. Как могли, спасали людей. Воспитанниц гимназии Нерсесяна спасли. Ещё других. Всех вывели из города. Рассказывают и сами удивляются, что в живых остались, да ещё столько людей спасли. Один фидаи только погиб. А что касается Арута, про него лучше не напоминай, – Сепух махнул

рукой,- совсем с головой не дружит этот парень. Только и делает, что смерть свою зовёт. Про него такое рассказывают,... не поверишь, Ашот, даже у меня волосы дыбом встают от страха,

-И что же рассказывают? – Эгоян с не скрываемым любопытством посмотрел на спящего Арута.

-Что?- переспросил Сепух. - Мало, что он только и делал, как напал на всех кто стоял у него на пути, так он ещё додумался с целым полком сразиться.

-Не может быть, - не поверил Эгоян.

-Клянусь тебе, Ашот, так и было, - голос Сепуха не оставлял сомнений в правдивости его слов. - Зашёл один в казарму к туркам... перебил там всех. Взял оружие, патроны и начал стрелять во всех, кого видел. Его сразу же окружили... и конец бы ему, да бойцы наши успели взорвать склад боеприпасов. Представь, там даже охраны не было. Все побежали нашего Арута убивать. Взорвали склад, а заодно и лошадей выпустили из конюшни. Начался переполох. Пока турки приходили в себя, наши взяли патронов, сели на лошадей и убежали. Арута раненого вытащили из казармы. Две пули у него в теле сидели... Наши бойцы клянутся, что запоздай они немного, Арут на весь полк в рукопашную пошёл бы...

Эгоян долго и весело смеялся над рассказом Сепуха.

-Вот такой наш Арут!

Закончив говорить, Сепух снова, в который раз, широко улыбнулся. Оба снова одновременно посмотрели на спящего Арута, который всё так же беспокойно ворочался.

-Беспокоит видно что – то, – заметил Эгоян,- может, стоит разбудить?

-Не надо, – Сепух слегка помрачнел,- Арут родом из Кеса.

-Того самого? – встрепенулся Эгоян. - А я слышал, что всех жителей деревни полностью вырезали.

- Пятеро спаслись. Арут в их числе. Ему тогда шесть лет было. На его глазах турки убили отца, изнасиловали сестру и мать. Вскрыли им животы, а потом заставили его смотреть, как они умирают. А потом они подожгли дом. Арут находился внутри. Каким- то чудом ему удалось выбраться из горящего дома. Он мне сам признавался, что с того дня ни одну ночь не может заснуть без того, чтоб не видеть кошмаров. Сепух замолк. Он молча подбросил несколько сухих веток в костёр. Костёр запыхал ярче. Эгоян сочувственно покачал головой.

-История Арута похожа на тысячи других историй. Вряд ли сегодня найдётся армянская семья, которая не потеряла близких или родственников в этой не объявленной нашему народу войне. Наш долг сделать всё возможное, чтобы не допустить событий, подобных Кесу и Адане.

-Ты думаешь, резня может повториться? – в голосе Сепуха послышалось беспокойство.

-Мы уверены в этом, – Эгоян мгновенно посерьёзней и заговорил с медленной рассудительностью. - Суди сам, Сепух. К власти пришли младотурки. Все знают, что эти люди ярко выраженные националисты. Они давно точат на нас зуб. К тому же, в Константинополе идёт слух о том, что тайно создаются специальные карательные отряды, состоящие из курдов и освобождённых из тюрьмы преступников. Пока это,

слава богу, только слухи, но мы должны быть готовы к самому худшему. Если нас снова начнут убивать, мы должны быть готовы ответить. Это одна из главных задач моей поездки. Мы собираемся повсеместно создать отряды самообороны. И таким образом, чтобы они могли взаимно выручать друг друга в случае опасности.

-А как же Россия, Франция, Англия, Америка? Неужели они бросят нас одних?

-Пока они доберутся до нас, пока будут выражать протесты – уйдёт определённое время. А наши враги рядом. Они живут по соседству. Мы не должны забывать об этом. И рассчитывать, прежде всего, на самих себя. Хотя признаюсь откровенно, Сепух, эту точку зрения разделяют не все. Некоторые считают, что подготавливая боевые отряды, мы вызываем ненависть турков и тем самым приближаем расправу. Сепух подбросил ещё немного веток в костёр. Глядя на костёр, он задумчиво проговорил.

-Глупцы, Ашот. Так могут говорить плупцы и предатели. Неужели наша история ничему не научила этих людей. Османская империя никогда не станет другом армянам. У них руки по плечо в армянской крови. Мы ни улыбаться им должны, а сражаться. Насмерть сражаться. Это ещё не конец. Не конец.

Оба поглощённые разговором не заметили, как молодой человек, о котором они говорили, поднялся и, набросив на плечи плащ, который служил ему одеялом, направился в сторону от горящих костров.

Луна ярко освещала лагерь фидаинов. Лагерь был расположен на небольшом плато, что находилось на самой верхушке горы. Семьдесят человек, составляющих отряд, мирно посапывали возле горящих костров. Несколько человек бодрствовали. Около двух десятков несли охрану по всему периметру лагеря, следя за подходами.

Арут, вдыхая свежий горный воздух, подошёл к самому краю горы, откуда начинался крутой склон вниз и где начинался лесистый массив. Мужественное лицо вначале было обращено к звёздам и на мгновение застыло. Появилось мечтательное выражение. Оно не сходило с лица, когда голова молодого человека слегка склонилась. С верхушки горы открывался потрясающий вид на город Эрзерум. Тысячи огней лежали всего лишь в нескольких километрах от места, где стоял Арут. Он долгое время созерцал огни города. Поглощённый этим зрелищем, он не заметил, как два человека подошли и встали чуть позади него.

Несмотря на это, он даже не шелохнулся, когда позади него раздался голос Сепуха.

-О чём думаешь, брат Арут?

-О девушке, – не оглядываясь, ответил Арут.

-Ну, если парень смотрит на звёзды и думает о девушке – всё ясно.

Услышав незнакомый голос, Арут обернулся. Рядом с Сепухом стоял бородатый мужчина лет пятидесяти и дружески улыбался ему.

-Ашот Эгоян из Константинополя! – представил его Сепух

Эгоян, открыто улыбаясь, протянул руку Аруту. Тот так же открыто пожал её. Сепух дружески похлопал Арута по плечу и, улыбаясь, спросил:

-Так что это за девушка, которая сумела украсть сердце у нашего сорвиголовы?

Арут в ответ на этот вопрос, застенчиво улыбнулся.

- Не знаю, Сепух!

Услышав этот ответ, и Сепух и Эгоян расхохотались. Арут тоже улыбнулся, понимая, насколько странно прозвучали его слова.

-Девушка из моего сна, – коротко пояснил Арут,- она мне уже месяц снится. Каждую ночь. И каждый раз одно и то же. Стоит в саду в свадебном платье и говорит: « Арут, я жду тебя! Приходи, мой суженый!». Она очень красивая...

Сепух подмигнул Эгояну.

-Ты имя-то спросил? Как зовут девушку?

-Каждый раз хочу спросить, но она уходит, – признался Арут. По его лицу было заметно, что девушка из сна производила на него неизгладимое впечатление.

Сепух снова подмигнул Эгояну.

-Брат Арут, когда узнаешь имя девушки, обязательно скажи мне.

-Скажу, – коротко пообещал Арут.

Сепух незаметно потянул Эгояна за руку, показывая, что следует оставить Арута одного. Парень явно не был расположен к разговору. После их ухода Арут обратил лицо в сторону звёзд. В светло серых глазах застыла робкая надежда. Мечтательный взор устремился ввысь.

Эгоян и Сепух вновь уселись подле костра и продолжили прерванный разговор.

-Станный он, – кивая на одинокую фигуру Арута, отчётливо заметную в лунном свете, произнёс Эгоян,- влюбился в девушку, которая ему приснилась.

-Мы все мечтаем, – коротко ответил на эту реплику Сепух,- как же жить без этого? К Сепуху подошёл один из часовых несущих дежурство. Наклонившись, он коротко произнёс:

-Ахмед пришёл!

-Турок? Здесь в лагере? – Эгоян мгновенно всполошился. - Наверняка шпион. Убить его. Нет,... лучше сперва допросим. Узнаем что ему известно.

В ответ на это Сепух не смог сдержать улыбки.

-Сделаешь это, Ашот, и поверь, Арут до Константинополя доберется, чтобы тебя найти. Арут всех нас на тот свет отправит, вздумай мы причинить вред Ахмеду.

-Ты смеёшься надо мной, Сепух, – поражённый услышанным, Эгоян не знал, что и думать.

На его глазах один из фидаинов провёл худощавого паренька лет восемнадцати укутанного с ног до головы в чёрную одежду в сторону одиноко стоявшего Арута.

Эгоян увидел, как Арут повернулся и как потом крепко обнял паренька.

-Арут считает Ахмеда родным братом. В Кесе турки ударили Арута саблей и бросили умирать. Его, окровавленного, умирающего, подобрал отец Ахмеда – Мусават Али. Он несколько месяцев боролся за жизнь Арута, и только ему он обязан тем, что остался тогда жив, – пояснил, улыбаясь Сепух.

-Мусават Али? Имам?

-Он самый, – подтвердил Сепух и продолжал: - Ахмед тоже идёт по следам отца. Он учится в медресе, и готовится принять духовный сан. Он сильно рискует, приходя в наш лагерь. Его могут убить свои же. Но парня ничего не может остановить. Раз в месяц он приходит к нам. Иногда приносит домашнюю еду, а чаще они садятся с Арутом и часами о чём-то разговаривают. Как сейчас.

Эгояну оставалось только удивляться и издали наблюдать за обоими. А Арут тем временем строго выговаривал Ахмеду. Тот стоял с опущенной головой и молча слушал.

-Я же тебя просил не приходить. Ты понимаешь, как опасно здесь? Нас в любой момент могут атаковать? На тропинках устраивают засады. Любой может попасть под пулю, а ты... всё равно лезешь головой в петлю. Ты подумал о том, что я скажу отцу? Что скажу матери, если с тобой что-нибудь случится? Как посмотрю им в глаза? Ахмед... – внезапно Арут осёкся. Он осознал, что парень сильно расстроен.

-Да ладно, – неожиданно произнёс Арут,- по правде говоря, я тебя очень рад видеть, брат!

-Правда? – лицо Ахмеда засветилось от радости.

-Правда, – признался, улыбаясь, Арут. Взяв Ахмеда за плечи, он усадил его рядом с собой на одном из валунов разбросанных вокруг них. – Рассказывай, как отец? Как мама? Как Эрзерум? Как медресе? Что нового?

Арут минут пятнадцать слушал сбивчивый рассказ Ахмеда и почти всё это время улыбался. Парень совсем не изменился. Всё, даже любую мелочь, Ахмед воспринимал слишком эмоционально. Поэтому ответы на обычные вопросы Ахмед превращал в увлекательный рассказ. Арут в который раз поймал себя на мысли, что ему нравится слушать Ахмеда. Он говорил красиво и всегда открыто и искренно. На мгновение Арут задумался. На память пришли дни, прошедшие в доме имама. Странно, но чувство семьи он получил от тех же людей, которые уничтожили его семью и против которых он боролся. Сквозь размышления Арут уловил имя «отец» и тут же переспросил Ахмеда:

-Что отец? Он нездоров?

В ответ последовал удивлённый и слегка обескураженный взгляд Ахмеда.

-Брат, ты меня не слушаешь? Отец хочет поговорить с тобой. Он договорился с властями. Тебя не тронут, если ты бросишь фидаинов и придёшь с повинной. Подумай, брат, зачем тебе такая жизнь, как сейчас? В Эрзеруме у тебя будет свой дом. Ты женишься. Заживёшь спокойной жизнью.

-Спокойная жизнь не для меня, – коротко ответил Арут, - а отцу передай, что я обязательно приду. Даже если буду знать, что по дороге меня ждёт смерть, я приду на его зов.

-Отец это знает, – с чувством произнёс Ахмед, он сказал мне: не может сын не услышать зова отца. Да ещё, чуть не забыл, – спохватился вдруг Ахмед, - ко мне уже раз десять приходил Мушег.

-Мушег? Тот, чей отец торгует табаком на базаре? И что ему надо?

-Теперь он сам торгует на базаре табаком. Его отец умер.

-И зачем он приходил?

-Тебя искал. Ему девушка одна понравилась. Хочет её украсть. Просит твоей помощи. Сказал, что хорошо заплатит, если поможешь ему.

-Подумаешь, девушку украсть? – несколько удивлённо произнёс Арут. - Зачем моя-то помощь нужна? Пусть попросит своих родственников.

-И я ему так сказал, – закивал головой Ахмед.

-Ну, а он?

-Говорит, девушка - княжеская дочка. Дом большой. Много мужчин. Слуги. Ему не под силу такое осуществить.

-Ишь ты, княжескую дочку захотел, – Арут неопределённо покачал головой и тут же негромко добавил: - Ну да ладно, поможем Мушегу. Хороший человек. Увидишь, скажи, приду на днях. Зайду с отцом поговорю и заодно княжну эту выкрадем.

-Обязательно передам. Её и красть не надо будет. Узнают, что ты пришёл – сами отдадут, – Ахмед засмеялся.

В ответ Арут улыбнулся и слегка полюбнвя Ахмеда, похлопал по спине.

-Ну, а теперь пора в обратный путь. Тебе надо засветло добраться до города.

Вставай, я провожу тебя до дороги.

Через несколько минут, вооружившись винтовкой, Арут пошёл провожать Ахмеда.

Глядя им вслед, Эгоян коротко спросил у Сепуха:

-Не выдаст?

-Никогда, – последовал уверенный ответ Сепуха, - Ахмед хороший человек. Для него не существует ни религий, ни национальностей. К тому же, он скорее умрёт, чем позволит волосу упасть с головы Арута.

-Глядя на эту дружбу, начинаешь надеяться, что не всё потеряно... а, Сепух? Может, придёт тот день, когда мы с турками перестанем враждовать и сядем за стол как добрые друзья?

Сепух поднял на Эгояна тяжёлый взгляд.

-Каждый раз расплатой за подобные слова становились десятки тысяч убитых армян. Почему ты думаешь, что сейчас будет по-другому?

Эгоян не нашелся, что ответить на эти суровые слова. Сепух был прав. И он это понимал лучше, чем кто бы то ни было. Однако рассвет был уже близко. Эгоян ещё около часа проговорил с Сепухом, обсуждая предстоящие взаимные действия, поставку оружия и ещё много насущных вопросов, которые стояли перед обоими. И уже под утро в сопровождении двух фидаи из отряда Сепуха отправился дальше в сторону города Карса.

Глава 7

Пути господни неисповедимы

Спустя три дня после этих событий, Арут с разрешения Сепуха переоделся в торговца и, прихватив с собою только кинжал, который он глубоко запрятал в одежды, отправился в Эрзерум. Он рассчитывал попасть в город сразу после вечернего намаза. Путь от лагеря до въезда в город прошёл практически без каких-либо происшествий. У въезда его встретил Ахмед, и они вместе вошли в город. Башибузуки, охранявшие подступы к городу, не обратили ни малейшего внимания на них. И скорее всего благодаря присутствию Ахмеда.

Пробираясь по знакомым улочкам Эрзерума, Арут едва сдерживал свою радость. Всё здесь было до боли знакомым и родным. Ремесленники и торговцы, кричащие на улицах и бесперебойно предлагающие свои товары. Женщины, большей частью ходившие в парандже и лишь изредка встречающиеся с открытым лицом. Вокруг

него всё дышало спокойствием. Не было и намёка на то смертельное противостояние, в котором они находились.

Вот и знакомая калитка. Арут, вслед за Ахмедом, пригибаясь, вошёл внутрь. Здесь ничего не изменилось за эти годы. Те же фруктовые деревья. Молельня. Минарет, возвышающийся позади дома. Арут, несмотря на уговоры Ахмеда, остался стоять во дворе. Ему претило входить внутрь. Ведь неизвестно ещё что скажет и как примет его достопочтенный Мусават Али. Ахмед же вошёл в дом и через минуту вышел.

-Отец сейчас выйдет, – коротко сообщил Ахмед,- поговори с ним, а я пока пойду за Мушегом. Он ждёт не дожждётся тебя.

Арут в ответ на эти слова молча кивнул. Ахмед ушёл, а Арут с плубоким волнением следил за дверьми дома, из-за которых должен был появиться Мусават Али. Прошло совсем немного времени, когда из дверей показался пожилой худощавый мужчина с острой бородкой, облачённый в восточный халат.

Арут склонил голову, ожидая, когда он подойдёт.

-Да благословит тебя Аллах!

Голос Мусавата Али прозвучал мягко, и в нём слышалась неприкрытая радость. Он сделал жест рукой, приглашая Арута последовать за ним. Арут молча повиновался этому знаку. Мусават Али провёл Арута внутрь двора, где находилась небольшая летняя беседка. Полы в ней были устланы коврами, на которых лежала дюжина подушек. Мусават Али опустился на ковры и, опёршись спиной о подушки, взял лежащие рядом с ним чётки и начал перебирать их длинными пальцами. Вслед за этим он сделал рукой, державшей чётки, жест, приглашающий сесть Арута напротив него. Арут снял обувь, вошёл внутрь беседки. Он не сел, а встал напротив Мусавата Али. Это был один из маленьких знаков уважения, которое он оказывал человеку считавшего своим отцом. Мусават Али заговорил мягко, с присущей ему медленной рассудительностью.

-Один Аллах ведает, сколько бессонных ночей я провел, волнуясь за тебя, сын мой. С того момента, когда я увидел тебя впервые, ты занял место в моём сердце и до сих пор остаёшься там. Я не стал останавливать тебя, когда ты решил покинуть нас. Я знал, куда ты идешь, и я знал, что ты станешь убивать. Да простит Аллах все твои прегрешения! Я думал, что, возможно, мой сын убьёт моего родственника, соседа или близкого друга. Я знал это, но всё равно не стал тебя останавливать. Ибо кому, как не мне, известно, что душа твоя была истерзана. А сердце наполнено горечью. Кому, как не мне, известно, что злые люди погубили всю твою семью. Аллах свидетель, в течение долгих лет я пытался добротой и любовью загладить этот грех. Я относился к тебе как к собственному сыну, но... ты так и не нашёл успокоения. Я понял одно, мой сын. Лишь насытившись мезтью, твоя душа обретёт покой. И я не стал тебе препятствовать, хотя любое убийство считаю величайшим грехом. С того времени утекло много воды. Ты утолил свою мезть. Пролил много крови. Отомстил за смерть своей семьи людям, которые не были повинны в том. В Эрзеруме твоё имя произносят шёпотом из-за опасения вызвать твой гнев. Ты стал более знаменитым разбойником, чем сам Сепух. И теперь я спрашиваю тебя, сын мой: не достаточно ты пролил крови? Не пора остановиться?

-Разве у меня есть выбор, отец? – тихо спросил Арут, молчаливо выслушавший Мусавата Али.

-Аллах всем его даёт. И у тебя он есть!

-Что вы хотите, чтобы я сделал? – так же тихо спросил Арут.

-Брось всё. Возвращайся в Эрзерум. Я уже присмотрел для тебя дом. Женишься, заведёшь свою семью. Займёшься торговлей. Хватит крови, сын мой. Нужно остановиться, – произнеся последние слова, Мусават Али с глубокой надеждой посмотрел на Арута.

-Жениться? Завести семью? Бросить моих друзей? – глухим голосом спросил Арут.

- А если... если придёт день, когда... когда придут в мой дом... начнут убивать моих детей у меня на глазах... как я смогу простить себя?

-Никогда этого не будет, – с глубокой убеждённостью ответил Мусават Али. - Аллах не допустит такой несправедливости. Тебе никогда не придётся раскаяться, если ты сегодня последуешь моему совету.

После короткого молчания, Арут негромко произнёс:

-Хорошо, отец. Обещаю, что подумаю над вашими словами!

-Я буду ждать твоего ответа, – Мусават Али поднялся, подошёл к Аруту и, погладив по голове, прошептал: - И да хранит от всех бед тебя Аллах!

Арут поклонился Мусавату Али и вышел из беседки. Наскоро обувшись, он направился к калитке. За калиткой на улице его ждал Ахмед. А с ним здоровенный парень лет двадцати пяти. Это был Мушег. Один из немногих оставшихся в Эрзеруме друзей Арута. Все трое направились в дом Мушега.

Ахмед с усмешкой следил за действиями домочадцев Мушега. Все как один с опаской поглядывали на одиноко сидевшего за столом Арута, который о чём-то разговаривал с Мушегом. Пока они разговаривали, домочадцы успели накрыть стол. Ахмед высунулся из окна, оглядывая улицу. В который раз ему в нос ударил сильный запах табака. Мешки с табаком стояли повсюду в доме. Чуть погодя он присоединился к Аруту и Мушегу за стол. Арут, отдавая должное столу, снова начал задавать вопросы Мушегу:

-И как ты познакомился с этой...

-Мириам!- подсказал Мушег.

-И как же ты с ней познакомился, брат Мушег?

-На базаре увидел, - почему-то таинственно зашептал Мушег.

-На базаре? – от удивления Арут даже есть перестал. - Она что, у тебя табак покупала?

-Её отец покупал, а она стояла рядом и смотрела на меня! Она в меня сразу влюбилась.

-Она тебе сама это сказала? – решил уточнить на всякий случай Арут.

-Нет, брат Арут. Я после этого её не видел, но всё разузнал. Где живёт. Кто отец. Какая семья. Всё.

- Весёлый ты, брат Мушег, – Арут улыбался, тогда как Ахмед едва сдерживался, чтоб не рассмеяться. - И как же ты понял, что она влюбилась в тебя? Из-за отца? Потому что он у тебя табак покупал?

Ахмед не выдержал и рассмеялся после этих слов. Но на него тут же обрушился с гневом Мушег. С угрозой в голосе он спросил у Ахмеда:

-Ты надо мной смеёшься?

Ахмеду не дал ответить Арут. По-прежнему улыбаясь, он спросил в ответ у Мушега:

-А если над тобой? Что тогда?

-Ничего, брат Арут, – с поспешностью и слегка заискивая, ответил Мушег. - Пусть смеётся, сколько хочет. Для меня главное - дело сделать.

-Сделаем, брат Мушег, но вначале ответь: с чего ты решил, что она в тебя влюблена?

Видел один раз, когда отец её у тебя табак покупал. Ну, посмотрела она на тебя и что? Может ей показалось твоё лицо знакомым? Может ещё что?

-Я точно знаю, влюбилась, – совершенно авторитетно заверил Арута Мушег, - она так смотрела на меня, как будто говорила: «Укради меня, Мушег, укради».

-Дубинка есть?

-Чего? – Мушег, явно не ожидавший такой вопрос, разинул рот от удивления.

-Но не будем же убивать родственников, если они бросятся её защищать, – пояснил Арут, - возьмём с собой дубинку, если что - просто поколотим и всё.

-А нельзя тихо выкрасть? – с надеждой спросил Мушег.

-Если ты прав, и она тебя действительно любит, то можно. А если нет... - Арут выразительно посмотрел на Мушега, хотя, если ты уверен...

-Нет, нет, лучше возьмём дубинки, – поспешно согласился Мушег.

-Ну что ж, - Арут поднялся из-за стола, - спасибо этому дому за хлеб соль. Пора идти. Время позднее, а мне ещё возвращаться обратно придётся.

Распрощавшись с родственниками Мушега, Арут в сопровождении его самого и Ахмеда вышел из дома, при этом не преминув прихватить с собой злополучные дубинки. Увидев, что Ахмед идёт за ними следом, Арут остановился.

-А ты куда? – он строго посмотрел на Ахмеда.

Тот понурил голову, а в следующее мгновение с надеждой посмотрел на Арута.

-Брат Арут, позволь пойти. Я никогда не видел, как крадут девушек!

Арут засмеялся, услышав эти слова. Он махнул рукой, позволяя Ахмеду следовать за ним.

Втроём, в кромешной тьме, они направились через весь город к дому, где проживала та, которую они собирались похитить из отчего дома. Не раз за время пути Арут спотыкался и, чертыхаясь, проклинал неровно уложенные камни на мостовой. И Мушег, и Ахмед втайне посмеивались. Привык брат Арут ходить по гладким склонам гор. Через час с небольшим они достигли намеченной цели. Арут, спотыкнувшись в последний раз крайне болезненно, пребывал в чрезвычайно раздражённом состоянии. У него руки чесались. Он уже подумывал о том, не разбудить ли домочадцев и устроить хорошую потасовку, а уж потом забрать девушку. Пока он думал, раздался обеспокоенный голос Мушега:

-Я не знаю, где комната Мириам!

Арут расхохотался.

-Самое главное забыли. И как же мы её найдём? Может, постучим в ворота и попросим показать её комнату? Что думаешь, брат Мушег?

-Арут, ради бога, перестань смеяться, нас ведь могут услышать, - зашептал обеспокоенный Мушег.

«Дай-то бог», - подумал Арут.

Они стояли перед железными воротами. Калитка была заперта. Внутри двора возвышался П-образный двухэтажный особняк с выступающими вперёд балконами. И балкон, и двор были хорошо освещены, что явно действовало против их планов. Да и забор в полтора человеческого роста, сделанный из добротного дерева, мешал проникнуть внутрь. Кто или что находилось в самом дворе, они видеть не могли. Поэтому приходилось действовать наугад.

-Подсади-ка, – бросил Арут Мушегу.

Тот с готовностью прижался к забору и опустился на корточки. Арут влез ему на плечи, а в следующее мгновение Мушег сделал усилие и выпрямился с Арутом на плечах. Высоты хватило, чтобы дотянуться до края забора. Арут схватился за край и, подтянув гибкое тело, сел верхом на заборе. Он некоторое время осматривал двор, а потом спрыгнул внутрь. Раздался лёгкий шум после его приземления. Через минуту и Мушег, и Ахмед слышали шум отодвигающегося засова. Калитка открылась. Показалось улыбающееся лицо Арута.

-Собак нет. Двор пуст. Остаётся найти комнату твоей Мириам, - весело сообщил Арут.

Осторожно оглядываясь, Ахмед, а за ним Мушег, вошли во двор. Мушег оставил калитку открытой. Чтобы сподручнее было бежать, если возникнет такая необходимость. Двор действительно был пуст. Создавалось ощущение, что в этом доме никто не живёт. Кроме лошади, впряжённой в коляску и посматривающую на них с явной симпатией, ничего живого не было заметно. Мушег понемногу начал успокаиваться и почти уверовал в успех задуманной миссии, когда увидел Арута. Тот невесть откуда притащил лестницу и приставил к балкону второго этажа. При этом он жестом пригласил Мушега подняться наверх. Мушег крадучись подошёл к нему, и с явной опаской поглядывая на лестницу, шёпотом спросил:

-А почему на второй?

-Комнаты молодых девушек всегда находятся наверху. Они скрыты от постороннего взгляда. Тебе ли это не знать, брат Мушег. У тебя дома всё так же.

-И то правда, – согласился Мушег.

-Лезь первым. Я за тобой!

Мушег осторожно ступил на первую ступеньку. Потом на вторую. Покачав слегка телом, он проверил прочность лестницы. К его удовлетворению лестница оказалась достаточно прочной. Стараясь шуметь как можно меньше, Мушег полез наверх.

Арут снизу наблюдал за его движениями. Ахмед по настоянию того же Арута отошёл к самой калитке и оттуда наблюдал за всем.

-Добрался, – послышался сверху шёпот Мушега.

-Перелезай на балкон, я поднимаюсь!

Арут только успел взяться за лестницу собираясь подняться, ... когда услышал сильный треск, а в следующее мгновение мимо него пролетел Мушег с обломком деревянного поручня. Он грохнулся оземь рядом с Арутом и сразу же резко застонал.

Почти сразу же после этого раздались многочисленные голоса. Сильный шум, топот ног... похоже, грохот всполошил всех обитателей дома.

Арут склонился над стонущим Мушегом.

-Брат Мушег, если ты не поднимешься, нас могут убить!

-Сейчас, сейчас, – с явно выраженным испугом, пробормотал Мушег и всё ещё стоная начал подниматься.

Арут повернулся к Ахмеду. Тот уже стоял с дубинкой, которую Арут оставил на улице. Арут протянул руку. Ахмед немедля кинул ему дубинку. Она упала рядом с ним. Арут поднял её, и, опираясь на неё рукой, стоял и смотрел, как Мушег поднимается. Не успел тот выпрямиться, как из дома высыпали около полутора десятка мужчин в ночных халатах, а некоторые даже успели набросить на себя кое-какую одежду. Все они с криками «Воры», «Воры» в мгновение ока окружили Арута и Мушега. Они кричали и кружили вокруг них. Кроме этого на балконе дома начали появляться женщины. Они тоже кричали и одновременно призывали на помощь соседей не осознавая того факта, что имеют слишком явное преимущество.

Женщины держали в руках платки. Мужчины – палки. Они готовы были в любую минуту обрушиться на незваных гостей. Единственное, что их останавливало - это непринуждённая поза Арута, который и ухом не повёл при виде разъяренных домочадцев. По-прежнему опираясь на дубинку, он с ухмылкой наблюдал за их действиями. Один из домочадцев,- пожилой мужчина в ночном халате,- подошёл довольно близко к Аруту и замахнулся на него палкой. Не раздумывая, Арут мгновенно сменил безразличие на действие и отвесил хороший удар этому наглецу.

-Не бей, это её отец! – закричал Мушег и тут же начал получать со всех сторон удары палками.

-Знаешь, брат Мушег, твои семейные дела меня не касаются. Отец, брат, родственники... они все здесь... и что... позволить им избить меня? – приговаривая эти слова, Арут всю орудовал дубиной, не подпуская к себе ни одного человека и в то же время пытаясь помочь несущему значительные потери Мушегу. Неизвестно, что бы произошло дальше, если б не раздался голос Ахмеда.

-Вы пожалеете, что напали на моего брата Арута Акопяна!

Арут едва ли не с сожалением смотрел, как разъяренные домочадцы один за другим утихают и опускают палки. Все как один молча уставились на Арута. Даже женщины наверху затихли. Мушег, которого, наконец, оставили в покое, с опаской оглядываясь на своих будущих родичей, подошёл к Аруту. Тот едва взглянул на слегка разбитое лицо Мушега. Сам он не пострадал вовсе. Арут молча смотрел на приближение того самого человека, которого ударил в самом начале. Это был действительно отец девушки. У него всё так же в руках была палка. Он остановился в двух шагах от Арута и, оглядывая его хмурым взглядом, спросил:

-Арут Акопян? Фидаи? Кес Арут?

Арут молча кивнул головой.

-И что тебе надо в моём доме? Почему ты пришёл сюда ночью как вор? Пришёл бы днём, мы бы встретили тебя со всем уважением.

Арут улыбнулся. Кивая на Мушега, он отвечал:

-Мой друг попросил. Твоя дочь ему понравилась, князь. Отдай её в жёны Мушегу, и станем добрыми друзьями. Не отдашь – силой возьмём. Ну как?

-Мою дочь, значит, пришли забрать? – с плохо скрываемым гневом спросил князь, а в следующее мгновение он замахнулся на Арута палкой. Арут ждал этого удара, поэтому не стал медлить. Быстро размахнувшись, ... он ... так и застыл с поднятой дубинкой в руках. А удар князя пришёлся прямо ему по плечу. Но Арут даже не среагировал на него. Его немигающий взгляд был устремлен куда-то вверх. Видя, что он бездействует, все домочадцы одновременно набросились на него и начали избивать. Мушег успел отбежать к калитке. Он вместе с Ахмедом только и делали, что кричали Аруту, чтобы он сопротивлялся. Однако удары сыпались, крики продолжались, а Арут так же безмолвно, не мигая, смотрел куда-то вверх. Избиение продолжалось едва ли несколько минут. Наконец Арута оставили в покое. Оставили с заметным удивлением. С момента начала избиения и до конца даже поза руки, державшей дубинку, не изменилась у Арута. Со лба текла кровь, лицо было в кровоподтёках, губа разбита, одежда местами разорвана. С уха сочилась кровь, но ... взгляд был по-прежнему прикован к чему-то. Это настолько заинтриговало домочадцев, да и не только ... а и Мушега и Ахмеда, что все как один одновременно проследили за его взглядом...

На балконе, между двух женщин ... стояла молодая девушка. Она была самым очарованием. Смуглая кожа идеально сочеталась с длинными чёрными волосами. Глаза отсвечивали в пламени свечей загадочностью и глубиной и неотрывно смотрели на Арута. Девушка была боса. Из одежды на ней была лишь ночная рубашка. Под взглядами всех домочадцев девушка оставила женщин и ушла с балкона. Через несколько мгновений она показалась во дворе. В руке девушки был зажат платок. Ступая босыми ногами по земле, под ошеломлённые взгляды своих домочадцев, девушка напрямик направилась в сторону Арута. Девушка подошла вплотную к Аруту. Она дотронулась до его руки сжимающей дубинку. Арут безмолвно выпустил дубинку из рук и застыл, замороженный видом девушки. Её глазами, в которых выражалась нежность, мягкость, очарование и ... любовь. Девушка медленными движениями начала вытирать платком кровь с лица Арута. Сделав это, она молча протянула ему руку. Арут взял протянутую руку, по-прежнему не сводя с неё взгляда. Взявшись за руки, они так же молча направились в сторону калитки. При этом оба не отрываясь смотрели друг на друга.

Домочадцы совсем растерялись. Они переглядывались друг с другом, не в состоянии что-либо сказать или что-либо предпринять. Лишь один Мушег, который был растерян не меньше других, не выдержал и закричал:

-Арут, что ты делаешь ... Мириам моя невеста. Куда ты её ведёшь?

Однако ни Арут, ни Мириам не обратили на него ни малейшего внимания. Они проследовали на улицу. За ними последовали обескураженные Ахмед с Мушегом, а за ними остальные домочадцы.

Шум привлёк внимание соседей. Некоторые из них выходили на улицу и едва ли ни сразу испытывали потрясение при виде этой странной процессии. Впереди шла девушка в одной ночной рубашке и с босыми ногами. Она держала руку парня, который выглядел прилично избитым. За ними шли двое молодых людей, с виду

прилично одетых, а за ними человек пятнадцать мужчин с палками в руках и одетых во что попало. Никто не задался вопросом: а куда направляется процессия? Даже среди участников самой процессии. Настолько всё было необычно.

Через четверть часа после того как процессия покинула дом, показались стены одной из старейших армянских церквей в Эрзеруме. Двери церкви были отворены настежь. Не останавливаясь, Мириам и Арут вошли внутрь. Когда остальные вошли следом за ними, то увидели, что Мириам и Арут преклонили колени перед алтарём. Свидетели происходящего так и застыли с открытыми ртами в проходе. Они никак не могли понять, что это за шутка.

Услышав шум, откуда-то из-за маленькой двери появился местный священник, отец Григор. Он на мгновение остановился, с изумлением оглядывая странных посетителей, а более всего молодую пару, коленапреклоненную перед алтарём, затем вздохнув, взял Библию и подошёл к алтарю.

-Моя дочь что, ... замуж выходит? - раздался в полной тишине обескураженный голос князя.

В ответ на эти слова священник приложил палец к губам, а в следующее мгновение раздался монотонный голос означающий начало брачного обряда.

Под сводами церкви раздался вопрос:

-Арут, клянёшься ли ты быть рядом с Мириам до самой смерти?

-Клянусь!

-Мириам, клянёшься ли ты быть рядом с Арутом до самой смерти?

-Клянусь!

Последовала короткая речь после этих вопросов и сразу после этого священник объявил их мужем и женой. К довершению полной растерянности присутствующих, священник откуда-то достал обручальные кольца и у всех на глазах Арут и Мириам обменялись кольцами, скрепив свой необычный союз ко всему прочему и нежным поцелуем. Оставив молодожёнов, отец Григор улыбаясь, подошёл к группе домочадцев Мириам и, обращаясь к отцу девушки, воскликнул:

-Воистину - пути господни неисповедимы!

-Я ничего не понимаю, – признался князь, - моя дочь вышла замуж... этот Арут...она себя так странно вела и...он тоже... потом ты... и эти кольца...

-Твоя дочь принесла кольца неделю назад, – улыбаясь, сообщил отец Григор.

-Моя дочь?- поразился князь. - Они, что, были знакомы раньше?

-Нет! Твоя дочь видела его во сне. Она знала, что его зовут Арут. Она знала, что он придёт за ней. Она говорила, что их соединил господь. Она принесла кольца и сказала, чтобы я готов был обвенчать их. Тогда я посмеялся над твоей дочерью. А сейчас мне остаётся ещё раз повторить:

Пути господни воистину неисповедимы!

Глава 8

Посольство России. 24 июня 1909года

Спустя две недели после описанных событий, Зиновьев быстрыми шагами вошёл в помещение экстренно созданного штаба при посольстве. Несмотря на то что обстановка в Константинополе оставалась по-прежнему спокойной, в самом посольстве она больше напоминала военную. Когда Зиновьев вошёл в помещение созданного штаба, там за круглым столом сидели пятеро. Четверо военных и один штатский. Стол был буквально завален всякого рода депешами и телеграммами. Зиновьев знал всех кроме одного. Моложавый военный сразу же представился Зиновьеву.

-Штабс-капитан Гревич! Прислан лично командующим кавказским фронтом для выяснения обстановки на месте!

-Добро пожаловать, штабс-капитан!

Затем коротко оглядев присутствующих, Зиновьев произнёс:

-Мне надлежит подготовить и отослать полный и точный доклад министерству иностранных дел. По этой причине, господа, я попрошу вас быть предельно точными. Сведения, которые мы с вами отправим, не должны подлежать никакому сомнению. Мне нужны только факты. Факты без эмоций. Хотя, признаюсь откровенно, господа, трудно порой сдерживать гнев, когда вокруг происходят такие бесчеловечные зверства. Однако правительство и военное ведомство должны иметь объективную картину происходящих событий в Османской империи. Для начала это всё. По итогам нашего совещания будет составлен полный отчёт и направлен в Санкт-Петербург. Если у кого-то из нас будет особое мнение, об этом будет доложено.

-Приступим?

Садясь за стол, он обратился к человеку в штатском и попросил его доложить результаты поездки. Титулярный советник Шелковников, было, встал, но Зиновьев попросил рассказывать сидя. Разговор предстоял долгий. И в таких совершенно ненужных деталях не было необходимости.

-Слушаем вас, господин Шелковников!

Шелковников откашлялся и голосом с лёгкой хрипотцой заговорил:

-Я составил письменный отчёт по поводу увиденного мной в Адане..

-Мы хотели бы выслушать вас лично, господин Шелковников, - перебил его Зиновьев, - а доклад будет приложен ко всем остальным документам и отправлен министру иностранных дел.

Шелковников кивнул и через мгновение раздался его голос:

- Девятого июня я прибыл в Адану. Вид разрушенных кварталов не поддаётся никакому описанию. Уцелели лишь мусульманские кварталы, примыкающие к реке Сейхуну. Остальные дома, а их было не менее шести тысяч - это груды камней, щебня, кирпичей... обгорелых стен с выбитыми окнами, провалившимися потолками и сгоревшими полами. Повсюду в этих кварталах стоит мёртвая тишина. Увидеть можно лишь бродячих собак, кошек и ворон. И лишь изредка несчастного армянина разгребающего остатки своего дома в поисках неизвестно чего.

Доподлинно известно, что сразу после начала Аданских погромов в город были введены регулярные войска. Однако, вместо того чтобы оградить мирных граждан

от обезумевших убийц, они присоединили свои усилия к оным. И вместе довершили полное уничтожение христианского населения. По самым скромным оценкам, в самой Адане и гаварах вырезано более тридцати тысяч христиан. Более половины из них составляли армяне. Преступники, совершившие это злодеяние, даже не думают скрываться. А зачем им скрываться, если у них есть суды и они сами вершат наказание. Власть и есть преступники. Они нашли зачинщиков погрома. Шесть армян были казнены на площади по обвинению в беспорядках... Право, шутка злейшая. Власти пытаются делать вид, что в Адане совершено праведное наказание, что и было мне высказано во время моего нахождения в городе. В ответ на эту нелепость я указал на действия крупных армейских соединений. Даже при крупномасштабных боевых операциях такие потери и разрушения не допустимы. И уж совсем не понятно отношение европейских государств к данному вопросу. На момент начала массовой резни Александристу и Мерсину заняли десанты. В порту Мерсины стояли семь военных судов. Они не предприняли никаких мер, тем самым поощряя власти к массовым убийствам. -Правительство отрицает свою причастность к этим беспорядкам, – сосредоточенно слушавший Зиновьев заговорил с глубокой озабоченностью, - они утверждают, что эти злодеяния совершили курдские отряды, неподвластные им, и некоторые из бывших сторонников султана Абдул Гамида. События, произошедшие в Адане, стали достоянием всей Европы. Многие державы выразили протест против бесчеловечных убийств, однако... правительство и в частности Талаат паша, а так же Джемаль паша, заверили всех нас, что они сами не имеют и малейшего отношения к происходящим событиям, и что... они предпримут все меры для обеспечения христианского населения надёжной защитой, и в особенности коренного армянского населения.

В ответ на слова Зиновьева, Шелковников надел пенсне, прикреплённое к костюму, и достав из кармана какие-то бумаги начал читать:

«31 марта под председательством вали города Адана Джевада паши, состоялось секретное заседание губернского совета, на котором было принято решение об уничтожение армян.

В уезды разослали секретные указания относительно даты начала резни. Населению было роздано оружие и боеприпасы. Из тюрьмы освобождено 500 преступников. 1 апреля 1909 года на улицах Аданы появились толпы бесчинствующих турок. Они начали погромы, которые длились три дня. Жертв в эти три дня было малое количество. 10 апреля из Румелии в Адану прибыли силы, направленные правительством, якобы для поддержания порядка. Однако... вместо того чтобы оградить мирных жителей от бесчинствующих толп, они сами стали убивать. В итоге всё вылилось в страшную резню.

12 апреля в Адану входят регулярные войска и присоединяются к резне мирного населению. Она длится два дня. За эти две недели вырезано полностью армянское, болгарское и греческое население Аданы.

Погромы так же произошли во многих гаварах вилайета Аданы. В частности, с точностью известно о населённых пунктах Сис, Мисис, Айяс и Пайяс. Так же известно о зверствах, чинимых в Алеппском вилайете. И в частности, в населённых

пунктах: Кирик - хан, Бейлан, Кесаб, часть Антиохии, Хаджин, часть Мараша, Келис, Османие, Хамидие и множество мелких армянских селений были вырезаны и сожжены полностью».

Шелковников сложил документ и, глядя на присутствующих поверх пенсне, добавил: - Как я уже говорил, жертвы резни - несколько десятков тысяч мирных граждан; но их могло быть несоизмеримо больше. В ряде населённых пунктов, в частности мне известно о Зейтуне, Шейх Мурате, Аджне... местными армянами были организованы отряды самообороны. Что не позволило повториться случившемуся в Адане. Убийцам был дан жёсткий отпор.

Закончив, Шелковников положил документ перед Зиновьевым. За столом все молчали, осмысливая услышанное. Зиновьев, глядя на Шелковникова, добавил:

-Прошу заметить, отчёт господина Шелковникова полностью совпадает с донесением генерального консула господина Мавромати. И о том же телеграфировал в посольство князь Гагарин. Продолжим, господа?

Общая обстановка на сегодняшний день? – Зиновьев снова посмотрел на Шелковникова.

Тот снова прикрепил пенсне к карману костюма и уверенно ответил:

-Обстановка полностью стабилизировалась. Есть небольшие очаги, но это по большей части мелкие стычки. В общем можно на сегодняшний день считать обстановку в государстве достаточной спокойной. Христианское население успокаивается. Думаю, правительство на данный момент осознало свои ошибки и принимает меры к их устранению. Немало в этом вопросе сыграла роль европейских государств. И в частности Франции, Англии, Америки. Они оказали существенное давление на правительство младотурков.

Зиновьев кивнул, соглашаясь с такой оценкой ситуации.

-Несмотря на стабилизацию обстановки, мне поручено в самой жёсткой форме вручить ноту турецкому правительству. Министерство иностранных дел требует от правительства провести расследование произошедших зверств в Адане и строго наказать виновных. Здесь наша позиция совпадает с позицией других государств. Особым условием будет присутствие наших представителей на судебных заседаниях. Это обеспечит справедливую работу судов.

Зиновьев заметил, что один из находящихся за столом военных практически не слушает его. Это был мужчина лет сорока пяти в форме полковника. Он лишь покручивал усы и легонько постукивал пальцем правой руки по ладони левой. Он явно игнорировал весь разговор. Зиновьев не сдержался и обратился к нему со скрытым сарказмом:

-А что, господин Лушев... контрразведке не интересно присутствовать на нашем разговоре?

-Нет, господин Зиновьев, – не меняя позы, коротко ответил полковник.

-И почему же, позвольте узнать?

-Мы знали о том, что произойдёт и предупреждали правительство. Наша точка зрения на сложившуюся ситуацию была доведена до его императорского величества... но, к сожалению, - Лушев развёл руками при этих словах, - ей не придали значения. Как и сейчас игнорируют все наши донесения. Полнейший

абсурд, господа, но именно так обстоят дела. Именно недооценка ситуации приводит к разрушительным результатам.

Слова представителя контрразведки, несомненно, привлекли внимание присутствующих.

-И какова ваша оценка сегодняшней ситуации, господин Луцев? – задал ему прямой вопрос Зиновьев.

-Какова наша оценка? – повторил Луцев, направляя прямой взгляд на Зиновьева. - Мы считаем необходимым начать военные действия силами сухопутных войск и флота.

-Война? – вскричал Зиновьев. - Да вы в своём уме, господин Луцев? На сегодняшний день нет ни одной причины для таких мер. Как вы смеее такое предлагать?

-Смею, – резко ответил Луцев, при этом он не сводил твёрдого взгляда с Зиновьева, - смею, господин Зиновьев. И моя позиция доведена до высшего командования. Османская империя является союзником Германии, а мы на пороге войны с ней. Так что рано или поздно нам придётся объявить ей войну. И поверьте, господа, рано или поздно нам всё равно придётся сделать то, о чём я говорю. Но тогда это будет сделано под влиянием вынуждающих обстоятельств, когда сейчас в наших силах остановить надвигающееся безумие. Мы не должны позволить свершиться этому чудовищному преступлению.

Зиновьев, как впрочем, и все остальные за столом с недоумением посмотрел на Луцева.

-О каком преступлении вы говорите, господин Луцев?

-У нас на руках есть неопровержимые доказательства того, что правительством Османской империи подготовлен тайный план. И этот план предусматривает полное уничтожение армянского народа.

Глава 9 Талаат паша

Встреча Зиновьева с одним из трёх лидеров Османской империи состоялась в роскошном особняке Талаат паша.

Талаат паша- невысокий мужчина с уверенным взглядом. Он носил усы и обычную здесь папаху. Одевался всегда как европеец. В модный костюм, рубашку с высоким воротником, который опоясывал элегантный галстук. Таким он и появился перед Зиновьевым. Разговор состоялся в одной из гостиных дворца. Зиновьев и Талаат паша сидели на низеньких диванчиках, расположенных напротив друг друга. Между диванчиками стоял стол уставленный фруктами. Они встречались впервые, и некоторое время изучали друг друга. После короткого осмотра у Зиновьева осталось неприятное впечатление. Он почувствовал, что перед ним очень непростая личность. И сразу понял, что не сможет доверять ни одному слову этого человека. Видимо паша понимал, что чувствует посол. На этот факт указывала едва заметная улыбка паша.

-Слушаю вас, господин посол, – нарушил молчание паша.

-Ваше превосходительство, речь как вы уже поняли, пойдёт о событиях в Адане, - Зиновьев говорил твёрдо и при этом смотрел прямо в глаза паше,- совершенно чудовищном по масштабам преступление. Мы в курсе всех событий и с точностью знаем обо всех убийствах и преступниках учинивших эти злодеяния. Но даже произошедшие события в Адане не кажутся нам законченными.

-Каждый день поступают новые сообщения о зверствах чинимых вашими нотаблями и частями регулярной армии в отношении мирных армян. На сегодняшний день у меня на руках доказательства и свидетельства о десятках сожженных сел и деревень, население которых полностью вырезано. Убитых десятки тысяч. В связи с этими обстоятельствами Россия выражает решительный протест вашему правительству. В случае продолжения подобных действий, Россия оставляет за собой право принять необходимые меры. Экстренные меры. Надеюсь, вы меня понимаете, ваше превосходительство?

Талаат паша молча кивнул.

-Отлично понимаю, господин посол. В первую очередь хотел бы отметить, что нас не пугают угрозы. С чьей бы стороны они не исходили. Это первое, – Талаат паша встал и, заложив руки за спину, начал прохаживаться вдоль дивана. Его голос звучал негромко и размеренно.- Хотя мне понятна ваша позиция и ваша реакция на события в Адане. Что же касается вашей оценки происходящего,... не могу согласиться с вами, господин посол. Выражение «мирных армян» не уместно совершенно. В ответ на это я хочу напомнить о двух совершенно радикальных армянских партиях действующих на территории нашей империи. «Гнчак» и «Дашнакцютюн». Они занимаются распространением газет и листовок антигосударственного содержания. Они организуют теракты и снабжают оружием так называемые отряды разбойников «фидаи», которых по самым скромным подсчётам около ста. И все они действуют на нашей территории, - Талаат паша остановился и выразительно посмотрел на Зиновьева, словно придавая значения словам, которым он вскоре произнёс: - Более всех событиями в Адане возмущается Франция и вы русские. Но никто из вас не говорит о том, что армяне ежедневно убивают граждан нашей империи...

-Это вы стоите за резнёй в Адане!

-Да как вы смеете такое говорить...- Талаат паша побагровел от гнева, услышав эти слова от Зиновьева.

-Ведь вы армян даже гражданами своей страны не считаете!

Зиновьев встал.

В течение сегодняшнего дня вы получите официальный документ подтверждающий наши намерения в отношении происходящих событий. Честь имею откланяться. Талаат паша долгим и непонятным взглядом проводил Зиновьева. Едва посол покинул комнату, как в неё вошли два человека. Оба были приблизительно одного возраста с пашой и одеты точно так же. Они сели на диван, туда, где только что сидел Зиновьев.

-Ты допустил промах. Гуяр всё понял, – сказал один из них.

-Неважно, – отмахнулся Талаат паша, - поднялось слишком много шума из-за Адана. Мы должны приостановить все действия. У нас отношения с русскими хуже

некуда. Русская армия стоит у наших границ. У наших берегов курсируют французские крейсера. А если подумать о том, с какой истерикой Франция бросилась защищать этих недостойных неверных, ... может случиться всё, что угодно.

-Что же нам делать? Отказаться от наших планов?- спросил второй.

-Отказаться? – глаза Талаат паши сверкнули. На губах появилась злобная улыбка.- Неверные подохнут. Все до единого подохнут. Подохнут как собаки. Такова воля Аллаха... и наша! Подготовим втайне план и одним ударом уничтожим это грязное племя.

-Не будет армян, не станет и «Армянского вопроса»!

Все трое обменялись злобными взглядами после этих слов. Всё ещё расхаживая, Талаат паша продолжал говорить:

- А до тех пор кричите на всех углах, что во всём виноваты сторонники Абдул Гамида. Во всём виноваты курды, на которых мы не имеем влияния. Это они убили несчастных армян.

Зиновьев вернулся в посольство. Он пребывал в удручающем состоянии. Почти сразу же после прибытия он попросил уведомить Луцера, что хочет с ним встретиться. Луцер не заставил себя ждать. После прихода, он некоторое время наблюдал за послом. Он видел, что посол находится не в духе и гадал о причине предстоящего разговора.

-Я думаю, вы были правы, господин полковник! – этими словами Зиновьев начал разговор. По - видимому Адана не конец, а начало. Я решил довести до высочайшего слуха эти соображения. Но прежде хотел посоветоваться с вами. Стоит ли это делать?

-Не стоит!- не раздумывая, ответил Луцер.

-И почему же, позвольте спросить? Не так давно вы сами говорили о необходимости начала военных действий. Что изменилось? Вы говорили, что существует план по уничтожению армянского народа, разработанный правительством Османской империи. Вы сомневаетесь в своих словах?

-Отнюдь, – возразил Луцер, - я лишь говорю вам: не стоит заниматься бесполезным делом.

-Объясните, – попросил Зиновьев.

-Ещё в прошлом году каталикос всех армян удостоился аудиенции царя. Каталикос поставил в известность царя о бедственном положении армян. В частности, речь шла и о возможных массовых преследованиях со стороны правительства Османской империи. В ответ на это его императорское величество ограничился лишь заявлениями симпатий к армянскому народу. Наше ведомство проводит огромную работу. С риском для жизни добываем сведения, ...но всё безрезультатно. Никому, по большому счёту, нет дела до армян. Всё, на что способно наше правительство – это выражать соболезнования и протестовать против этих зверств. Насколько мне известно, в других странах ситуация обстоит так же. Все говорят об «Армянском вопросе», но никто и пальцем не хочет пошевелить, чтобы этот вопрос разрешился справедливым образом. И такой подход сильно ухудшает положение армян.

-Почему вы так думаете?

-А разве не ясно? Османское правительство видит, что вокруг одни разговоры. Действия не предпринимаются. У них развязаны руки. Они осуществляют свои гнусные планы, как только наступит такая возможность, или найдут настоящий повод. В моём понимании такой повод появится, когда начнётся война России с Германией. Уж тогда у них будут полностью развязаны руки.

-Ну и что нам остаётся делать?

Лучев безразлично пожал плечами.

-Наблюдать и выполнять приказы! Вот и всё. Остальное не в нашей власти.

-Похоже, это единственный выход, – не мог не согласиться Зиновьев, - к тому же, мы вполне можем ошибаться. И опасность, быть может, не так велика, как нам кажется.

-Вы думаете? – Лучев невесело усмехнулся. - Факты говорят обратное, милостивый государь. Факты говорят о том, что очень скоро правительство Османской империи впишет кровавую летопись в историю.

ГЛАВА 10

Решение

Родственники, друзья, соседи... друг за другом входили в дом Констандянов. Хозяин дома лично стоял у ворот и приветствовал каждого входящего. С его лица не сходила кислая улыбка. Он то и дело оборачивался посмотреть на дочь, которая вместе с остальными женщинами хлопотала за очень длинным столом, сооружённым посередине двора. За стол постепенно усаживались гости. На столе постепенно появлялось вино, армянский лаваш, зелень, отварное мясо из баранины и ещё несколько блюд из национальной кухни. Пока всё это выставлялось на стол, князь Констандян встретил последнего гостя. Оставив ворота открытыми настежь, он проводил женщину к столу и самолично усадил её. Усаживая её, он в которой раз угрюмо покосился на щебечущую вокруг стола Мириам и с недовольством произнёс:

- Сядь за стол как положено невесте.

Мириам, не прекращая своих хлопот, бросила на отца лукавый взгляд.

-Пап джан, я уже замужем. Свадьба прошла.

-Прошла у неё свадьба, – пробормотал Констандян,- да кто её только видел? Да и... жениха... мужа твоего нет. Ох, ох... всё не по нашему обычаю. Всё у вас не так.

-Муж спит. А что ему ещё делать? Он ведь всю ночь не спал...- Мириам осеклась, поняв, что сказала нечто, не подумав над возможным смыслом своих слов. Она украдкой взглянула на отца. Тот стоял с остолбеневшим видом. Многочисленные гости поглядывали на отца и дочь широко улыбаясь. Пока Констандян собирался с силами для того, чтобы сказать пылкую и назидательную речь о недопустимости оскорбительных нравах сегодняшней молодёжи... Мириам залилась настолько заразительным смехом, что ему оставалось только рукой махнуть и забыть о её словах. Что он и сделал.

Гостей собралось более ста человек. Всем хватило места. Хлопоты всё ещё продолжались над столом, когда Констандян попросил всех наполнить бокалы

вином. Когда это было сделано, он поднял наполненный бокал с вином, и, оглядывая по очереди всех гостей, громко, с глубоким чувством заговорил:

-Спасибо всем за то, что пришли сегодня поздравить мою дочь! Так уж получилось, что она вышла замуж...неожиданно, - нашёл подходящее слово Констандян и продолжал таким же особенным голосом: - Счастье пришло в наш дом. Большая радость. Пусть не так, как положено по нашим обычаям... всё равно... это большая радость для нашего дома. Сегодня у нас радостное событие,... но первый тост я не могу выпить за счастье своей дочери,... первый тост я поднимаю в память о наших братьях и сёстрах, погубленных в Адане. В память о греках, болгарах... невинно убиенные всегда останутся в нашей памяти и памяти наших потомков.

Все гости как один встали и, не чокаясь, выпили. Опорожнив бокал, Констандян сел в центре стола, на место хозяина дома. В полной тишине гости приступили к трапезе. Мириам поставила на стол ещё два кувшина с вином, а затем, легонько подобрав полы длинного незамысловатого платья, торопливо направилась во флигель, находившийся за домом. Маленький деревянный домик с двумя отворёнными окнами... у Мириам сердце зашлось, когда она подошла к окну и, встав на цыпочки, посмотрела через него. Арут по-прежнему спал. Он лежал на животе, обнимая правой рукой подушку, на которой спала Мириам. Мириам с глубокой нежностью и болью смотрела на шрам и следы пулевых ранений. Два старых ранения и два новых. Одно чуть ниже шеи, второе в правом плече, рядом со следом старой пули. Мириам почувствовала, как нечто неудержимое несёт её к Аруту. Не теряя времени, она подтянулась и влезла в окно, а оттуда спустилась внутрь флигеля. Она только на мгновение во время этих перемещений потеряла Арута из виду.

-Дверь же есть, – раздался голос Арута.

Мириам ойкнула и быстро подняла на него взгляд. Арут лежал, опираясь на руку, и с глубокой нежностью и радостью улыбался ей. Мириам зарделась мгновенно от этого взгляда и этой улыбки. Она подошла к кровати и присев на корточки, очень нежно поцеловала Арута. Оторвавшись от него, Мириам мягко произнесла:

-Нас гости ждут!

-Иду, - Арут снова улыбнулся ей.

Мириам выпорхнула так же стремительно, как и появилась. Правда, на этот раз через дверь. Арут поднялся с кровати, разминая тело. На стуле лежала чистая одежда. В первые же минуты пробуждения он почувствовал, сколько радостей несёт в себе семейная жизнь. А Мириам... Мириам была чудом, которое послал ему бог. Она в одно мгновение стала для него миром прекрасного и счастливого, того... что он никогда не знал прежде.

Погружённый в счастливые мысли о Мириам, Арут оделся и вышел из флигеля. Чуть ранее одна из гостей за столом, пожилая женщина лет семидесяти с печатью глубокого страдания на лице... поднялась, держа наполненный кубок в правой руке. Видя, что женщина собирается что-то сказать, присутствующие замолкли, устремляя на неё взгляды. Чуть выждав, когда разговоры за столом затихли, женщина заговорила негромко. Голос её прерывался временами, видимо от чувств или воспоминаний.

-Я поклялась, ... где бы я ни была, за каким бы столом ни сидела, обязательно подниму тост в честь одного из самых достойных армянских сынов, - женщина сделала паузу и, вздохнув полной грудью, под совершенную тишину, прерывистым голосом полным переполнявших её чувств, продолжила: - Я поехала в гости к дочери в Адан. Я была в Адане первого апреля. Я видела собственными глазами смерть несчастных. Я видела смерть своей дочери и зятя. Их выводили из домов и... резали ножами, саблями, топорами. Меня, двух моих внуков и ещё двадцать армян, согнали в кучу. Но нас не убивали. Я подумала, что нас пожалели... что они не станут убивать детей и женщин, ну а потом... потом, - женщина судорожно вздохнула, - нас всех повели на второй этаж какого-то балкона. В конце балкона полыхал огонь. Горел соседний дом. Пламя вырывалось из окон. Нас всех погнали туда. Турки хотели нас сжечь живьём...

Почти у всех сидевших за столом, почернели лица, ... руки сжимались в кулак.

Судорожно всхлипнув, женщина продолжала:

-Я бога молила о смерти... я молила, чтобы он не позволил мне увидеть... такую смерть моих внуков. И тогда... тогда... я увидела этого человека. Он появился позади турков. Я увидела его глаза, ... в них была боль и гнев армянского народа. В тот миг я поняла, что мы спасены...

Женщина не выдержав, несколько раз судорожно всхлипнула.

- Он с горсткой людей спас нас. В тот день я ещё не раз слышала имя этого человека. И не только от армян. Я слышала разговор турок, которые говорили о «шайтане» который летает по городу и убивает всех. Тем же днём, ночью, когда нас из города выводили фидаи Сепуха, я снова увидела его. Он лежал на носилках. Он был в беспамятстве. Его ранили. Нас было несколько сот человек, и каждый из нас мог рассказать историю о том, как его спас этот человек. Мы все несли носилки. Несли по очереди. Никто не желал отказываться от этой чести. Даже раненые. Даже я несла их. Всю ночь пока мы шли, фидаи рассказывали о том, что совершил этот человек. Слушали со слезами на глазах. И всю ночь мы слышали, как он в беспамятстве повторял одни и те же слова: «Грек или армянин?»

Женщина высоко подняла руку и с невыразимой гордостью произнесла:

-За Арута Акопяна! За Кес Арута!

Все встали. Констандян замер с бокалом в руках. Он не ожидал услышать имя, которое произнесла женщина. Сама же женщина собиралась выпить и уже поднесла вино к губам, но... так и застыла... а через мгновение она поставила бокал на стол и выйдя со своего места куда-то направилась. Все удивлённо проследили за ней.

Женщина обошла стол и подошла к одиноко стоявшему молодому человеку.

Всхлипнув, она опустилась перед ним на колени и прижалась губами к руке. Арут взял её за плечи и поднял.

-Не позорь меня перед всеми, мать, - прошептал Арут, обнимая женщину, - это мне нужно стоять перед тобой на коленях.

Арут проводил женщину до её места. Он уже собирался снова заговорить с женщиной, успокоить её, когда заметил стоящую в воротах одинокую фигуру Мусавата Али. Арут оставил женщину и быстро направился к нему. Остановившись в двух шагах от Мусавата Али, он склонил голову, приветствуя его приход.

-Отец...

-Ничего не говори, - остановил его Мусават Али. В глазах имама, которые неотрывно смотрели на Арута, светилась глубокая нежность, - я всё слышал и всё понимаю. Время такое... когда сердце приходится разрывать пополам. Я пришёл сказать, что тебя ищут. За твою голову назначена награда. - Мусават Али дотронулся рукой до головы Арута, а потом прижал к своей груди и прошептал: - Больше мы не увидимся. Я буду молить аллаха, чтобы он даровал тебе долгую жизнь... сын мой!

Сказав эти слова, Мусават Али ушёл. Арут долго смотрел ему вслед, а потом вернулся за стол и сел рядом со счастливой Мириам, которая не сводила с него взгляда. Погружённый в мысли об отце, Арут не замечал восхищённых взглядов направленных в его сторону. Как не замечал, что гости один за другим, поднимались и провозглашали тосты в честь него. Арут задумался. Слова Мусавата Али позволили ему полностью осознать происходящее. А ведь в последние дни он мечтал о спокойной семейной жизни. О детях. О Мириам. О своём доме... но, по всей видимости, его мечтам не суждено было сбыться. Мириам видела, как помрачнело лицо Арута, и взяла его за руку. Арут встрепенулся, отрываясь от своих размышлений. Послышался голос Констандяна, в котором явно слышалось глубокое уважение:

-Арут джан, я не знал про Адану!

Арут только бросил взгляд в его сторону и коротко ответил:

-Если бы меня не ранили, я остался бы до конца в городе!

-Мы должны отомстить за Адану, - слышался за столом чей-то гневный голос.

-Отомстить? – Арут гневно сверкнул глазами. - Мы не мстить должны, не мстить.

Как вы все не понимаете. Вот ты, - он обратился к говорившему, - что ты будешь делать, если завтра придут к тебе домой и убьют твою семью? Тебе нужна будет месть? Что это даст? Твоя жизнь будет хуже смерти. Ты будешь завидовать тем, кого уже не будет на этом свете... не мстить мы должны за мёртвых, а защищать живых. Только так мы сможем выжить. Нужно сплотиться... всем вместе и каждый из нас должен защищать семью другого так, как будто это его собственная.

Арут залпом опорожнил бокал вина. Все слушали его с глубоким вниманием. За столом раздался робкий голос:

-Что скажешь, брат Арут? Нам что, надо всё бросить и податься фидаи?

-Нет, – прозвучал твёрдый ответ, - Но взяться за оружие придется всем, иначе нам конец.

Констандян поднялся, желая прекратить эти разговоры. Как- никак, сегодня состоялась свадьба его дочери. Достаточно о плохом. Настал и веселья час. Констандяна сразу поддержали. Как бы тяжело не было на душе, мы должны веселиться, мы должны предаваться радостям жизни, когда выпадает такая возможность. Ведь кто знает... что нас ждёт впереди. Пир длился до поздней ночи. И уже глубокой ночью гости начали расходиться по домам. За столом остались лишь сам Констандян, домочадцы, Арут и Мириам. Они о чём- то шёпотом разговаривали, когда Арута спросили о том, что он думает делать дальше. У Арута был ответ на этот вопрос. Он хотел ответить, но снова слышался голос Констандяна:

-Арут, сынок, может, правда бросишь свою жизнь? У меня есть хорошее дело. Дам тебе равную долю. Останешься в нашем доме. Будем считать тебя родным. Всё у тебя будет. Ни в чём не будешь терпеть недостатка. И мне хорошо. Ты рядом. Дело сразу в гору пойдёт. Что скажешь? Да и Мириам будет рада...

Арут посмотрел на Мириам. Она гладила его руку и смотрела с такой любовью, что он почувствовал себя плохо. Он почувствовал, что ему не хватит мужества признаться ей в том... что решение уже принято. У него было такое чувство, будто он обманет Мириам, если выскажется с полной откровенностью. Пока Арут мучился, не зная, что ответить, послышался голос Мириам:

-Место Арута там, где его друзья. Там, где льётся наша кровь. Там, где он может помочь обречённым и дать им надежду. А я... я буду ждать его. И каждую минуту, проведённую с ним, почту за великое счастье, - Мириам дотронулась рукой до его щеки и прошептала: - Не думай обо мне. Думай о нашем несчастном народе!

-Такая жена как ты... подарок божий. Я бы лучше не выразил свои мысли...

Арут крепко обнял Мириам.

-Что бы ни случилось, Мириам, как бы далеко я не был... мы всегда будем вместе, Мириам... клянусь тебе.

Констандян и остальные домочадцы молча смотрели на обоих и втихомолку вздыхали. Чуть позже Мириам собрала вещи Арута в узелок и ещё один узелок с едой. Положив всё это в хурджин, она отдала его Аруту. Арут стал прощаться со всеми. Констандян куда-то исчез. Напоследок Арут прощался с Мириам. Они несколько минут шёпотом разговаривали и сразу после этого Арут, вскинув хурджин за плечо, направился к воротам. У самых ворот его остановил голос Констандяна. Он появился, ведя в узде лошадь. Он подвёл её к Аруту и протянул поводья.

-Коня-то возьми, а то люди скажут... зять Констандяна и ходит пешком.

Арут широко улыбнулся, а в следующее мгновение обнял тестя и вскочил в седло.

Ещё долго Констандян обняв за плечо свою дочь, смотрел вслед ускользавшему Аруту. Они чувствовали себя почти счастливыми. Позади были тяжелейшие годы гонений и репрессий. Сотни тысяч армян погибли. Но им удалось выжить... да и не только, а и налаживать свою жизнь.

Кровавый 1909 год близился к завершению.

Глава 11

Константинополь. Утро 24 апреля 1915 года

Российское посольство

Телеграфист с заметным сочувствием смотрел на бледного и потерянного Лущева. Полковник ещё, уже в который раз, взъерошил свои волосы и чуть подумав, показал рукой на аппарат.

-Ещё одну шифровку.... Телеграфист приготовился

-Прошу...нет ... умоляю ваше превосходительство содействовать в скорейшем начале военных действий России против Османской империи на территории Западной

Армении. В нынешней обстановке дорога каждая минута.

Чуть позже телеграфист протянул обратную телеграмму.

-Предпринимаю все возможные действия. Однако военные действия возможны лишь через несколько месяцев.

Луцев схватился за голову.

-Несколько месяцев... несколько месяцев

Он вышел из телеграфной и напрямик направился в кабинет к Зиновьеву. Посол находился едва ли не в худшем состоянии, чем сам Луцев.

-Шесть лет мы их предупреждали,...а они говорят...через несколько месяцев, - с ходу бросил Луцев и буквально упал в кресло,- понятия не имею...что делать... всё так отвратительно, что и слов нет. А у вас есть новости?

Посол отрицательно покачал головой.

-Ни одной хорошей. Все дипломатические представительства считают, что происходящее является внутренним делом Османской империи. Нам не позволяют вмешиваться в события. Только наблюдать.

-Как это мерзко, как бесчеловечно, - Луцев выглядел необычно мрачным, на лице проглядывались оттенки презрения; весь мир вопил об армянском вопросе, а теперь... когда армяне попали в тяжелейшее положение...никому и дела нет. Мерзость...

Повисло тягостное молчание. Неизвестно, сколько бы оно продлилось, если б в дверях не появился сотрудник посольства.

-Ваше превосходительство, некто Махмут бей просится к вам на приём!

-Кто?- Луцев едва не подпрыгнул в кресле, услышав это имя.

-Вы его знаете?- Зиновьев посмотрел на Луцева.

-Знаю. Это наш резидент. Долгие годы работает на нашу контрразведку. Не понимаю, как он решился прийти сюда. Если об этом станет известно, он и дня не проживёт.

Услышав этот ответ, Зиновьев кивнул головой сотруднику посольства. Тот ушёл, а через несколько секунд возвратился в сопровождении Махмута бея и сразу же вышел. Махмут бей был бледен и необычно взволнован. В руках он держал какой-то свёрток.

Луцев пошёл ему навстречу.

-Ты же сильно рискуешь, - начал было Луцев, но Махмут бей резко прервал его:

-Не время, господин полковник! – Махмут бей подошёл к столу, за которым сидел Зиновьев и положил на него свёрток.

-Здесь все документы, касающиеся планов Османского правительства в отношении армян. Мы передадим эти данные во все дип.консульства. В какие сможем - поправился Махмут бей. - Вы все будете знать, что произойдёт. И не говорите потом, что вы ничего не знали. Честь имею!

Махмут бей собрался выйти, но его остановил Луцев.

-Что произошло, Махмут бей? – негромко спросил он.

-Что? – переспросил Махмут бей. - А вы не знаете? К власти в нашей стране пришли палачи. И они собираются потопить страну в крови невинных. Они собираются повесить на нас клеймо убийц, изуверов и мучителей. Знаете, что сказал Энвер паша

на совещании правительства? Привожу дословно: «В нашей стране не должно остаться ни одного христианина». Ещё сегодня до полуночи начнутся аресты. Они станут началом плана, разработанного Энвер пашой, Джемаль пашой и Талаат пашой, при участии практически всей верхушки страны, некоторых военных советников из Германии. Задействованы все, начиная от преступников, которыми спешно комплектуются отряды «четников», местного населения, которому раздаётся оружие, полиции и регулярных армейских частей. Всё, что будет происходить с сегодняшнего дня, – Махмут бей обвёл рукой комнату, - останется на нашей совести.

Он покинул кабинет посла столь же стремительно, как и вошёл. После его ухода, Зиновьев и Луцев развернули свёрток. Под свёртком находилась связанная стопка бумаг. Они развязали бумаги и разложили и на столе. При первом же взгляде на принесённые бумаги, оба побледнели. Они не верили тому, что видели.

-Господи, – едва слышно пробормотал Луцев, разглядывая бумаги,- мы даже отдалённо не представляли, что готовится. Я ошибался,...это не кровавая летопись Османской империи... нет, это преступление не имеющее себе равных в истории. Боже...

Зиновьев с Луцевым просидели до вечера, изучая документы, принесённые Махмут беем. Не раз за это время то у одного, то у другого вырывался прерывистый вздох. Они смотрели и сопоставляли. Изучали и запоминали. К концу оба выглядели совершенно измученными. Но, несмотря на это, следовало немедленно что-то предпринимать. Дата 24 апреля 1915 года, дата начала осуществления всех этих гнусных замыслов, стояла почти на всех документах. Это была сегодняшняя дата. Оба, - и Зиновьев, и Луцев,- взяли некоторые из документов и, не сговариваясь, отправились в телеграфную. Там они некоторое время раздумывали, как лучше поступить, потом решили, что лучше информировать в первую очередь правительство о полученных сведениях. Они были слишком важны.

Зиновьев был сосредоточен, как никогда прежде в своей жизни. В руках он держал документы. И глядя на них, он начал диктовать телеграмму. Голос звучал ровно и отчётливо.

-Министру иностранных дел Сазонову от посла в Константинополе Зиновьева.

Едва стук отзвучал, как Зиновьев стал диктовать дальше.

-К нам попали документы чрезвычайной важности. Документы раскрывают тайный план Османского правительства, который в деталях предусматривает полное уничтожение армянского народа. План предусматривает несколько этапов:

1. Во избежание вооружённого противостояния, под предлогом службы стране, в действующую армию было призвано мужское население лиц армянской национальностей в возрасте от 20 до 45 лет.

По уже готовым спискам, в армии находится около 100-150 тысяч армян. Все они подлежат уничтожению. Время начала этой акции датируется 24 апреля 1915 года.

2. Готовится уничтожение армянской интеллигенции Константинополя. В списках врачи, писатели, композиторы, журналисты, духовенство. В списках более 800 имён. Начало акции датируется 24 апреля 1915 года.

3. Сооружены и сооружаются концентрационные лагеря в Сирии и Месопотамии. Концентрационные лагеря сооружаются в местах: Хаме, Хомсе и рядом с Дамаском. А так же в местах: Баб, Мескене, Зиарет, Ракка, Семга, Рас - ул- Айн и Дейрэз – Зоре. Упомянуется так же о пустынях Марате и Сувар.

4. План депортации предусматривает создание так называемых «колонн смерти». Армянское население будет разбиваться по частям и помещаться в эти колонны. Колонны будут направляться в концентрационные лагеря и там полностью уничтожаться.

5. Постановлением Османского правительства создан так называемый комитет трёх. Комитет будет возглавлять и направлять уничтожение армян. В состав комитета вошли три человека. Это: Назим, Бакаэтдин Шакир и Шюкри.

Зиновьев на мгновение остановился и перевёл дух. Затем, вновь углубившись в чтение, продолжал диктовать.

-Привожу копии секретных циркуляров разосланных по всей стране.

1. Правительство по приказу Джемиета решило стереть с лица земли всех армян проживающих в Турции. Те, кто не подчинится приказу, не должны служить в руководящих органах. Не различая женщин и детей, больных и немощных, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами, ни прислушиваясь к голосу совести, покончить с ними... Министр внутренних дел Талаат паша.

2. Решение об истреблении армянского народа было принято заранее. Однако обстоятельства не давали возможности для осуществления этого святого намерения. В настоящее время, поскольку устранены все препятствия с нашего пути, настал час для очищения нашей родины от этого опасного элемента. Мы требуем не проявлять к этим отверженным ни малейшего сострадания. Уничтожить их полностью.

Искоренить в Турции само слово «армянин». Сделайте всё, чтобы выполнение этой программы было возложено на преданных патриотов нашей родины...

Министр внутренних дел Талаат паша.

3. Право армян «жить и работать»- ликвидировано. Правительство берёт на себя всякую ответственность и приказывает уничтожить всех. Даже армянский ребёнок в колыбели - преступник и подлежит уничтожению.

Зиновьев снова сделал паузу, но чуть передохнув, стал диктовать дальше.

-Это лишь некоторые из документов. Все сведения, имеющиеся у нас, полностью и частично подтверждают факт существования плана уничтожения армянского народа. Ждём ваших инструкций в отношении дальнейших действий... посол в Константинополе Зиновьев и... - в ответ на взгляд Зиновьева, Луцев кивнул,- и полковник Луцев.

-Будем ждать!

Оба вернулись в кабинет Зиновьева. По просьбе посла в кабинет принесли чай и немного еды. Они решили остаться в посольстве и следить за ходом событий.

Документы подразумевали начало осуществления плана именно сегодня.

-Сколько времени? – нервно спросил Луцев.

Зиновьев посмотрел на часы.

-Четверть одиннадцатого!

За окном стало совсем темно. День близился к завершению, однако город дышал обычным спокойствием. Время шло, и Луцев с Зиновьевым понемногу успокаивались. Обоих охватили сомнения. И вслух их выразил Луцев.

-А если это всё фикция? План властей направленный на дезинформацию европейских государств и в первую очередь России.

-Это не похоже на провокацию, – возразил Зиновьев,- вспомните, Луцев... вспомните, сколько раз происходили резни...

-Но не в таком масштабе, – в свою очередь возразил Луцев, - это слишком чудовищно, чтобы оказаться правдой.

-Ну что ж, посмотрим, – протянул Зиновьев и добавил: - Не могу не заметить, что вы противоречите себе, говоря о провокации.

-Отнюдь. Я лишь пытаюсь внушить себе, что окружающий нас мир не столь отвратителен, как я думаю.

Оба снова замолчали. Время тянулось чрезвычайно медленно. Зиновьев чуть ли не ежеминутно поглядывал на часы. Наконец часы начали отбивать одиннадцать часов. Луцев услышав этот звон, вздохнул с огромным облегчением. Едва он собирался заговорить с Зиновьевым и сказать, что он несказанно рад, как вдалеке раздался звук выстрелов. С каждой минутой звуки выстрелов учащались. Стали слышаться какие-то крики. Город в одночасье наполнился невообразимым шумом.

Именно в этот момент Зиновьеву принесли телеграмму. В ней значились несколько слов:

-Всеми силами содействуйте переходу армян на территорию России. Высочайшим приказом открыты границы. Армиям приказано немедленно начать подготовку к контраступлению. Удар будет нанесён в район Ван – Эрзерум.

Громкий стук в дверь в мгновение ока разбудил весь дом. Не понимая, кто мог прийти в такое позднее время, писатель Тигран Чеокюрян накинул на себя халат и пошёл открывать дверь. В течение времени, который он потратил на путь из спальни к входной двери, стук неоднократно повторялся. Подойдя к двери, он открыл её и сразу наткнулся на озлобленные лица жандармов.

-Что так долго не открывал дверь, собака, - с этими словами жандарм ударил Чеокюряна по челюсти. Тот упал. Из рта пошла кровь. В дом вошли около десятка жандармов.

– Одевайся, пойдёшь с нами, – прозвенел над ним жёсткий голос.

-Сейчас, - Чеокюрян поднимался, когда увидел на лестнице, ведущей в холл, свою жену.

-Что происходит? – вскричала женщина, бросаясь к мужу. Тот попытался было её остановить, но жена стремительно подбежала к нему и поддержала за руку.

-Собирайся, – с угрозой повторил один из жандармов.

Жена заслонила мужа собой и с яростью в голосе ответила:

-Он никуда не пойдёт. Мой муж не совершил ничего плохого. Уходите вы. Вам здесь нечего делать.

Без излишних слов один из жандармов достал револьвер и, приставив его к голове женщины, нажал на курок.

Кровь жены хлынула на писателя. С криком отчаяния Чеокюрян упал на пол вместе с мёртвым телом своей жены. На шум выстрела выбежали мать, служанка и трое детей писателя. Два жандарма схватили рыдающего писателя и потащили наружу. Оставшиеся в доме жандармы, в упор расстреляли всех пятерых.

Чеокюрана привезли в тюрьму и сразу же бросили в одну из переполненных армянами камер. Поглощенный своим горем писатель, никого и ничего не видел. Он только и знал, что повторял:

-Почему я не послушал Ашота? Почему?

Все, без исключения сидевшее в камере, пытались как-то помочь ему... утешить. Хотя никто из них не понимал, почему арестован. Всё происходящее казалось злой шуткой. Из камер раздавались крики, требующие объяснить причины, по которым они задержаны. Люди протестовали против беззакония. Высунув руки из решёток камеры в коридор, они махали ими и кричали. Наконец их услышали. В проходе между двумя рядами камер, появились четверо жандарм. На губах у них играли отвратительные улыбочки. Крики на время стихли. Все ожидали разъяснений, однако вместо них послышался вопрос, заданный вкрадчивым голосом:

-Кто тут недоволен своим положением?

Чеокюрян бросился к решёткам и, вцепившись в них, с глубокой ненавистью закричал:

-Убийцы! Мясники!

-Он недоволен, – задававший вопрос жандарм указал остальным на писателя.

Жандармы тут же выволокли писателя. В проходе появился стол и стул. Чеокюряна, под настороженными взглядами остальных арестантов, посадили на стул.

Привязали ноги к стулу, затем отвели руки за спинку и связали их. Появился ещё один жандарм с кипящей кружкой в руке. Говоривший был, по всей видимости, главным среди жандармов. Он принял эту кружку и зашёл за спину Чеокюряна. Затем жандарм занёс кружку над торчавшими ладонями писателя и стал медленно переворачивать её, выливая содержимое. Чеокюрян издал дикий крик и стал вырываться. Чёрная кипящая масса лилась ему прямо на руки.

-Смола! Смола! – раздались крики ярости среди арестантов. - Они жгут руки смолой.

Чеокюрян кричал и дёргался не переставая. Жандарм вылил всю кружку, не обращая ни малейшего внимания ни на крики арестантов, ни на страдания писателя.

Яростные крики возмущения среди арестантов прекратились на мгновение. Они увидели появившегося жандарма в проходе. Он нёс железные щипцы. Все замерли, не в силах поверить происходящему. Мучитель писателя взял щипцы в руки и, оплядевав арестантов, с ехидной усмешкой пояснил:

-Я облегчил ему страдания полив смолой руки. Теперь ногти легче будет вытаскивать.

-Вы не посмеете, – снова раздались голоса полные ненависти и ярости.

-Смотрите сами, – жандарм наклонился и взяв руками большой палец левой руки писателя, ухватил его щипцами.

Затихший было писатель, снова начал дико кричать и выворачиваться. Арестанты замерли от ужаса при виде происходящего. А жандарм тем временем продолжал говорить:

-Ничего, если вместе с ногтем я вырву немного мяса? Руки чёрные, плохо видно, где ноготь...

Раз за разом жандарм с кропотливостью и настойчивостью вырывал ногти писателя. Это продолжалось до тех пор, пока все ногти не были вырваны. Чеокюрян больше не мог кричать. Он лишь глухо стонал. Связанные сзади руки стали багрового цвета и постоянно дёргались. Кровь струилась не прекращаясь. По лицу жандарма было заметно, что он не очень доволен работой. По его кивку другой жандарм зажёл спичку и поднёс её к рукам писателя. Налипшая смола на руке мгновенно вспыхнула.

Среди всеобщего молчания голос одного из арестантов с мучительной болью произнёс:

-Неужели вы люди?

Жандармы злорадно заулыбались. Они с глубочайшим презрением оглядывали арестантов. Снова раздался голос главного жандарма:

- Вы - нечестивые собаки и убить вас святое дело!

-Так убейте. Зачем вы мучаете его? – раздался голос полный ярости. - Убейте его или вызовите врача.

-Вызовем. Обязательно вызовем, – с виду серьёзно заверил говорившего главный жандарм, - только подкуём немного и вызовем врача,... а может, убьём. Нет, убивать не будем. Пусть лучше мучается, нечестивая собака

В следующие четверть часа невыносимо мучающегося писателя положили на пол и вбили в каждую ступню по три гвоздя. После этого его бросили обратно в камеру.

Писатель мучился до утра. А утром, наконец, испустил дух.

Писатель стал первым замученным армянином. План уничтожения армян, во всей своей зловещей сущности, начал свой путь.

ГЛАВА 12

В ночь на 8 июля 1915 года.

Стояла полная луна. И это очень беспокоило Ахмета. Вокруг было слишком светло и это могло погубить брата, которого везде искали. Жандармы могли нагрянуть и сюда, к нему домой, в любой момент.

Ахмед с некоторым облегчением увидел, как Арут привязал коня у ворот и скользнул в отворённую калитку. Ахмед услышал слабый вскрик Мириам.

-Мой Арут!- а вслед за ним донеслись едва слышные всхлипы. Конь нетерпеливо заржал. Ахмед подошёл к коню и, взяв его за уздечку, начал поглаживать по морде, утихомиривая его.

Арут, обнимая беременную жену, направился через двор к дому. По пути он только и делал, что обнимал, нежно целовал прильнувшую к нему Мириам. Когда они

вошли в дом, там уже был накрыт лёгкий ужин. В доме, несмотря на позднее время, его уже ждал тесть, тёща и один из трёх братьев Мириам. Арут со всеми обнялся и поцеловался.

-Он здесь? – сразу спросил Арут.

-Здесь, - ответил старший Констандян, - прячем его от греха подальше. Он уже услышал твой голос, наверное, сейчас появится.

Не успели прозвучать эти слова, как в комнате появился Ашот Эгоян. Они с Арутом крепко обнялись. И не некоторое время простояли обнявшись.

-Прошу за стол, - раздался голос госпожи Констандян.

Едва расселись за столом, как Эгоян, который выглядел очень усталым, нетерпеливо спросил у Арута:

-Получили оружие?

Арут кивнул.

-Спасибо, Ашот. Хорошие винтовки. Для всех хватило. Ребята рады. Некоторым ведь кремневыми ружьями приходилось воевать. Жаль револьверов мало. Немногим досталось. С ними в рукопашной сподручней. Можно и стрелять и саблей рубиться. При этих словах Мириам с болезненной мучительностью издала вздох. Арут бросил на неё ободряющий взгляд. В ответ она попыталась улыбнуться.

-Что поделаешь, брат Арут, - в свою очередь вздохнул Эгоян, - собрали всё что смогли. Остальное придётся у турок отобрать.

-Отберём, - уверенно сказал Арут и, отвлекшись на время от разговора с Ашотом, с явным беспокойством, задал несколько вопросов тёще о самочувствии Мириам. При этом он неоднократно поглядывал в сторону Мириам, которая буквально млела от его взглядов. Тёща, как могла, успокоила Арута по поводу самочувствия дочери. Они рядом. Они сделают всё возможное. Так что беспокоиться нечего. Арут успокоился и вновь, в который раз, посмотрел на округлый живот своей жены. Оставалось совсем немного до родов. Услышав слова почтенной госпожи Констандян, Эгоян сомнительно покачал головой и тут же посоветовал:

-Обстановка с каждым днём всё хуже и хуже. Лучше будет, если вы уедете на время, пока не станет до конца ясно, что именно хотят сделать турки.

-Чего нам бояться? – удивился Констандян. - Мы живём близко к границе России.

Русская ария наступает. Они скоро будут здесь. Да к тому же, у меня есть влиятельные связи в городе. Не дай бог что, сумею защитить свою семью.

Услышав эти слова, Арут слегка помрачнел. Однако высказывать тестю, что ему не понравились его слова - не стал.

-Связи? – переспросил его Эгоян. – Прости, князь, за мои слова, но только плуец может надеяться на это. Или ты не слышал, что произошло в Константинополе? Все за столом, включая Арута, удивлённо переглянулись, а затем так же удивлённо посмотрели на Эгояна.

-И что произошло в Константинополе? – спросил за всех старший Констандян.

-Там всех влиятельных армян арестовали в первую очередь. А ты говоришь связи? Что говорить о связях, если сам Комитас брошен в тюрьму.

При этих словах все вздрогнули. По лицу старшего Констандяна было заметно, что он сомневается в словах Эгояна.

-Не посмели бы турки посадить Комитаса. Его весь мир знает и уважает! – с уверенностью произнёс он.

-Посмели. Ещё как посмели. Комитас сидит. А с ним все известные армяне Константинополя. Идут слухи, что в тюрьме их подвергают пыткам.

-За что?- вырвалось у Констандяна. - Что сделали эти несчастные?

-Родились армянами!

-Это не может быть правдой, Ашот! Наверное, просто слухи.

-Слухи? – Эгоян помрачнел. - Убили всю семью моего друга Тиграна Чеокюрjana. А его самого замучили насмерть в тюрьме.

Новости были столь мрачные, что присутствующие пришли в ужас. Эгоян говорил о страшных вещах. Арут бросил взгляд на жену. Она бодрилась, как могла, но его это не обмануло. Он видел истинные чувства Мириам. Они ясно были написаны на её милом лице. Арут наклонился к ней и несколько минут шептал что-то на ухо. С каждым словом Мириам успокаивалась, а Эгоян тем временем продолжал:

-Идут слухи, что турки собираются повторить 1895 год. Я слышал, что они хотят убрать всех армян подальше от границ с Россией. В любом случае происходит нечто непонятное. Что и говорить, если армян, которые служат в армии, помещают по 300- 400 человек в отдельные батальоны и отправляют на какие-то непонятные работы. Всего не знаем, но чувствуем... неспроста это делается.

-Хватит пугать мою жену, брат Ашот, – с наигранной весёлостью прервал Эгояна Арут. – Будут на нас нападать - ответим.

-Ты не понимаешь...

-Понимаю, - уже жёстче перебил Арут, - но сейчас не место и не время об этом говорить. Лучше давай вдоволь покушаем. Кто знает, когда ещё придётся за таким домашним столом посидеть.

Арут сразу приступил к делу. Мириам прислонила свою голову к его плечу. Эгоян, чуть помедлив, последовал его примеру. Домочадцы тоже последовали их примеру, правда, с неохотой. Видно, никому из них не хотелось есть. Они хотели услышать, ещё что-нибудь от Эгояна. Но облик Арута явно показывал, что не стоит говорить больше на эту тему. Несколько минут молчания вылились в вопрос Констандяна, обращённый к Аруту:

-Что собираетесь делать? В горах сидеть?

-Сепух здесь останется, – не переставая жевать, ответил Арут, - а я со своим отрядом пойду в Трапезунд.

-В Трапезунд? – Мириам вздрогнула и с явным беспокойством посмотрела на Арута. - Это же опасно. Путь не близкий, а вокруг полно жандармов, полиции и военных. Что будет, если вас увидят?

-Бой, – коротко ответил Арут, но увидев, что жена побледнела, тут же поспешно добавил: - Но мы не будем драться. Мы окольными путями пойдём. Мы должны пойти, Мириам. Жители города и окрестных деревень Трапезунда прислали гонца. Он рассказал, что городские власти выставили списки. В этих списках 2800 человек. Все они должны собраться в каком-то месте на берегу моря. И оттуда их собираются увезти куда-то на кораблях. То ли в Батум к русским, то ли ещё куда...

не знаю. Мы хотим помешать туркам... Мы не бараны, которых можно кинуть на корабль и везти неизвестно куда.

На лице Арута резко заиграли скулы. Он отодвинул от себя тарелку.

-Ну да ладно. Пора идти. Скоро выступать. Вы поговорите... А мы сейчас, - Арут взял за руку Мириам и вывел из комнаты. Сразу после их ухода за столом завязался оживлённый разговор, инициатором которого являлся старший Констандян. Вопросы посыпались на Эгояна один за другим.

А Арут, нежно поддерживая за руку Мириам, поднимался по деревянной лестнице на второй этаж. Там Мириам осторожно сняла со стены горящий светильник и так же осторожно толкнула одну из дверей. Арут вошёл в полутёмную комнату, освещённую лишь едва колышашемся пламенем светильника, вслед за Мириам. Мириам поставила светильник на тумбу и повернулась лицом к мужу. Арут... не отрываясь, смотрел на кровать, в которой сладко спали двое детей. Мальчик и девочка. Мальчику исполнилось четыре года, девочке чуть поменьше. У обоих были ангельские лица, поразительно напоминающие любимое им лицо Мириам. Арут сделал два шага и опустился на край постели. Он долго и с невыразимой нежностью смотрел на своих детей, затем протянул руку и с величайшей осторожностью погладил голову мальчика, а потом девочки. Несмотря на лёгкость движений, мальчик открыл глаза. При виде склонённого над собой лица, мальчик счастливо заулыбался.

-Папа, - мальчик протянул руки и обвил руками шею Арута. Арут с силой прижал к себе ребёнка.

-Ваан, мой сын!

-Ты навсегда пришёл папа, или опять уйдёшь?

Арут оторвался от сына и снова погладил его по голове. С нежностью и любовью глядя на него, он тихо ответил:

-Уйду, сынок. Ведь я могу положиться на тебя? Ты уже мужчина и сможешь защитить свою сестричку.

Мальчик покосился на сестру и с важностью ответил:

-Я на улице ото всех защищаю Наринэ.

-Защищай всегда свою сестру, дочь и мать! Это наш первый закон,- Арут крепко поцеловал сына, затем прикоснулся губами ко лбу дочери и поднялся. Когда они вышли из комнаты детей, Арут взял двумя руками лицо жены и тихо сказал:

-Береги наших детей. Береги себя и нашего будущего ребёнка! - несколько раз крепко поцеловав жену, Арут прижал её к своей груди.

-И ты себя береги, любимый муж мой. Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится.

-Со мной ничего не случится, - Арут оторвался от жены, а в следующее мгновение подмигнул ей, вызвав тем самым лёгкий смех, который тут же сменился вздохами, - а если и случится,... ты не должна думать обо мне, Мириам... ты должна думать о детях. Они важнее нас с тобой.

Они спустились вниз. Наскоро попрощавшись со всеми, Арут вместе с Эгояном вышли из дома. Ахмед дожидался Арута за воротами. Арут без лишних слов крепко

обнял Ахмеда. Через минуту он уже был в седле. Позади него устроился Эгоян. Конь галопом понёс седоков по направлению к лагерю Сепуха.

Несколько часов спустя, отряд из семидесяти фидаи возглавляемый Арутом, собрался в центре лагеря. Отряд был отлично вооружён. Отряд взял с собой небольшой запас провианта и гораздо больший - боеприпасов. Все молча стояли и смотрели на Сепуха. Сепух подошёл к Аруту, стоявшему во главе отряда. Они обменялись взглядами, понятными только им обоим. После этого послышался голос Сепуха:

-Все добровольцы, я знаю,...но всё-таки береги людей, Арут. Береги их. Ведь нас так мало. Идите,... и да поможет вам святой Саркис. Мы все будем ждать вашего возвращения.

Арут с Сепухом крепко обнялись. Затем Арут подал знак отряду. По движению его руки фидаи тронулись с места. Первым начал спуск по склону горы Арут. За ним шли два брата, Арсен и Вазген, за ними все остальные. Когда они уже немного отделились от лагеря, сверху раздался крик Сепуха:

-Сарик, Покр Вазген ... верните обратно моего командира живым.

Два богатыря переплянули между собой и, усмехаясь в густые бороды, ускорили шаг. Вскоре они догнали шагавшего впереди Арута и взяли его в кольцо с двух сторон. Раздался голос Покр Вазгена, в котором прозвучала явная угроза:

-Вздумаешь плусть выкинуть,... мы тебя побьём, свяжем и отправим обратно в лагерь.

-Всё зависит от того, что нас ждёт впереди, - Арут был необычно сосредоточен,- хотел бы я вообще не сражаться... работать, воспитывать детей... жить как все люди... но разве нам это позволят?

-Придёт такой день, брат Арут ... обязательно придёт!

Глава 13

Утро 9 июля 1915 года. Окрестности Мамахатума.

Отряд с величайшей осторожностью скользил вперёд, прикрываясь густыми рядами деревьев. Справа от них тянулось нескончаемое поле. Трава росла слишком низко, и поэтому не было возможности пересечь поле и остаться при этом незамеченными. А из леса необходимо было выйти. Скудные запасы провианта заканчивались.

Следовало запастись провиантом и заодно пополнить запасы воды. Арут остановил отряд. Он часто давал короткие передышки своему отряду. Это позволяло постоянно находиться в боевой готовности и избегать столь ненавистной усталости, которая могла сыграть роковую роль в решающий момент. Расположив отряд на отдых, Арут выслал вперёд несколько человек для того, чтобы они разведали обстановку впереди пути. А сам, вместе с остальными, устроился у одного из деревьев. Прислонившись спиной к стволу, Арут закрыл глаза. Следовало немного поспать. В отличие от своих людей, он почти не отдыхал перед походом. Час отдыха, вот всё что ему было нужно. Однако разведчики, высланные вперёд, вернулись гораздо раньше. Они

рассказали, что на расстоянии двух километров заметен дым. Слышны одиночные выстрелы. Услышав эти новости, Арут мгновенно скомандовал:

-Идём туда!

Несколько минут и отряд, почти не прячась, вышел из леса и вдоль поля двинулся в указанном разведчиками направлении. Шли быстро, по четыре человека в колонну. С обеих сторон по пути следования и впереди, в некотором отдалении от основного отряда, Арут выставил по три человека. Они должны были известить отряд в случае появления врага. Через пятнадцать минут пути весь отряд уже ясно видел вдалеке вздымающиеся столбы дыма. Арут ускорил ход отряда. Все побежали лёгкой трусцой. Минут через десять дорога начала уходить резко вверх. Погода была прохладная, дул лёгкий ветерок. Однако, несмотря на это, почти все фидаи сильно вспотели и на ходу расстегивали рубашки.

Как только они начали преодолевать подъём... до них донеслись несколько одиночных выстрелов, а вслед за ними они услышали голос, кричавший на турецком языке:

-Во имя аллаха! Убивайте их! Убивайте! Никого не щадите!

Сильнее прижав ремень винтовки, чтобы приклад не бил по ногам, Арут побежал так быстро, как только мог. Никто от него не отставал. Все отчётливо понимали, что каждую секунду может оборваться чья-то жизнь. В голове Арута билась неотвязная мысль: - Почему он не слышит крики людей? Если на них напали... если их убивали, то они должны были кричать, звать на помощь... Но ничего. После этих выстрелов и криков... ничего полная тишина. Преодолев подъём, они сразу увидели деревню. Она находилась в низине. Метрах в пятистах от того места где они находились. В деревне было не более тридцати домов. Часть из них горела. Остальные оставались совершенно нетронутыми. Ни в домах, ни вокруг них, не было заметно ни единой души. Вообще никого.

Стал накрапывать лёгкий дождь. Отряд вначале остановился. Бегло оглядев всё, они начали спуск в деревню. Когда они вошли в неё, то сразу начали заходить в целые дома. Везде было одно и то же. Перевернутое вверх дном жилище и не единой живой души. В полнейшем смятении все фидаи собрались посередине деревни. Все смотрели на Арута. Тот только и знал, что почёсывал голову, пытаясь понять происходящее. Невозможно,- думал он,- невозможно, чтобы ни одного человека в деревне не было. Куда все подевались? И откуда шли крики?

Внимание Арута привлекла бродячая собака. Единственное живое существо. Собака пробежала мимо них, явно к чему-то принюхиваясь. Арут вначале проследил за ней взглядом, потом повинуясь возникшему инстинкту, направился вслед за ней. Мало кто понимал его поступок, но, тем не менее, все отправились вслед за ним.

Собака забежала на какую-то тропинку и обогнув дома, исчезла. Арут последовал за ней. Он не мог отдать себе отчёт в том, зачем следует за этой собакой. Он только чувствовал, что его неудержимо тянет за ней. Тропинка привела к полю. Едва они достигли поля, как совсем недалеко показались крылья мельницы. Её вид поразил фидаинов не меньше, чем вид пустой деревни. По причине того, что... крылья вертелись. Мельница работала.

Арут ускорил шаг. Он взгляда не мог оторвать от крыльев мельницы, раз за разом совершающих оборот. Показались несколько куч зерна. Они с каждым шагом приближались к мельнице. Отчётливо слышался своеобразный скрип мельницы. Донеслись какие-то невнятные, глухие голоса. Арут внезапно замер. Он как замороженный смотрел на собаку. Это была та же самая собака, за которой он шёл. Но теперь она возвращалась. В зубах был зажат кусок мяса...

Арут издал глухой стон и, рванувшись, побежал изо всех сил. Когда он ворвался на мельницу, ... то мгновенно замер от холодного ужаса, не в силах верить тому, что видели его глаза. Кровь была повсюду. Даже зерно, лежащее грудями на мельнице, ... стало ярко красного цвета. И повсюду валялись искромсанные человеческие останки. На жерновах прилипли человеческие органы. С каждым оборотом они со скрипом выбрасывали их вместе со струями крови. И среди всей этой человеко – бойни... среди всего этого мрачного ужаса ... пять здоровых мужчин сидел вокруг сложенных мешков с зерном, на которых лежала еда и выпивка. Они вели себя так, будто пришли на праздник. Поднимали тосты и что-то говорили. Что? Арут не слышал. Он был в состоянии полного оцепенения. Он не был в состоянии что-либо сказать или сделать. Он почти с безразличием смотрел на двух братьев, которые ворвались следом за ним и сразу бросились к пирующим... и стали с яростью втыкать штыки в их мерзкие тела. Он не слышал крики этих нелюдей, он не смотрел на их смерть. Он видел только окружающий его ужас. Неизвестно, сколько это продолжалось. Один из фидаинов потянул его за руку. Арут послушно последовал за ним. Метрах в тридцати от мельницы находились ямы. Обычно они служили для людей неким амбаром. Хранилищем зерна. Арута подвели к одной из таких ям. Она была доверху набита мёртвыми телами. Арут сел на край ямы и схватился двумя руками за голову.

-Арут, - послышался над ним осторожный голос Покр Вазгена,- мы нашли на мельнице одного живого старика. Он лежал связанный.

-Приведи его, – глухо ответил Арут,- я хочу знать, что здесь произошло...

-Арут...

-Приведи, – закричал Арут.

-Сейчас брат, сейчас...ты только успокойся...

Арут всё ещё сидел на краю ямы. Когда позади него раздался пустой, безжизненный, старческий голос.

-А что рассказывать...нас двадцать пять армянских домов было и семь греческих.

Пришли турки, вытащили нас всех из домов. Потом привели сюда, на мельницу.

Сперва начали бросать по одному под жернова... но им показалось, что мы слишком медленно умираем...времени много уходит на нас... да и женщины очень сильно кричали...вот они и подогнали оставшихся в живых к этой яме и начали убивать топорами ... а потом бросать в яму. Ещё сказали, что спешат в соседнюю деревню... не то бы всех перемололи. Все уехали, а эти пятеро остались... повозки ждали, чтобы зерно вывезти.

-Только турки были? – спросил, не оборачиваясь, Арут.

-Турки, а кто же ещё.

-Сколько их было?

-500... а может больше...но не меньше.

-Куда пошли, видел?

-Туда, – дед махнул рукой, показывая в сторону Трапезунда.

-Давно ушли?

-С час назад.

-Пойдём за ними, – Арут вскочил на ноги, - может, ещё нагоним. А ты, дед, похорони останки... Пошли!

Весь отряд последовал за Арутом. Никто не задавал вопросов. Все хотели только одного – нагнать и уничтожить этих зверей. В полном молчании отряд покинул деревню. В отличие от предыдущего дня, они шли не прячась. Всякие меры осторожности были забыты. У всех в головах билась только одна мысль: - Догнать... догнать и убить!

В течение двух часов люди двигались на пределе своих сил. Иного выхода у них не было. Настигнуть пешими конный отряд...представлялось практически нереальным. Но отрядом двигала ненависть. Никто из них не задумывался над тем, удастся ли нагнать убийц. Они просто знали, что обязаны их настичь. Все взмокли. Жара стояла невероятная. Невозможно было укрыться от палящих солнечных лучей. Да и пыль, поднимающаяся вдоль дороги, оседла на лицах людей и забивалась им в рот. Третий час погони близился к концу. Погода на глазах начала меняться. Небо внезапно потемнело, подул сильный ветер, а вслед за ним разразился настоящий ливень. Следовало незамедлительно найти укрытие, а заодно и передохнуть. Все люди в отряде устали и нуждались в нём. Приблизительно в километре от дороги были заметны очертания полуразрушенного сарая. Именно туда и направился отряд. Через несколько минут фидаины уже вбегали в сарай через полуистлевшую дверь. Справа от двери лежали несколько охапок сена. Люди валились прямо на них, не обращая внимания на мокрую одежду. Арут нашёл себе местечко в углу.

Прислонившись головой к деревянной стене сарая, он закрыл глаза.

Ливень усиливался с каждой минутой. Капли дождя всюду тарабанили по ветхой крыше сарая. Арут открыл глаза и посмотрел вверх. Деревянный потолок намок. Отовсюду свисали капли. Они с размеренной медлительностью падали на пол сарая. Арут оглядел людей. Многие, пользуясь возможностью, спали. Другие, просто лежали, закрыв глаза.

«Так не пойдёт, – думал Арут, глядя на усталые лица людей, - надо срочно найти лошадей. Мы не сможем сражаться в таком состоянии». Придя к такой мысли, он посмотрел на Арсена. Заметив этот взгляд, Арсен немедленно поднялся и подошёл к нему. Арут сделал жест рукой. Арсен опустился рядом с ним на корточки.

-Я знаю, вы все устали. Но нам нужны лошади. Без них нам придётся очень тяжело. Арсен кивнул, в знак того, что понимает, о чём говорит Арут.

-Возьми несколько человек, Арсен. Пройдись вокруг. Здесь должны быть армянские деревни. В этой части их очень много. Поговори с людьми, объясни всё. Может, удастся найти лошадей. Получится - хорошо, нет...придётся и дальше пешком идти. Сможешь сделать? – закончив говорить, Арут вопросительно посмотрел на Арсена. Тот в ответ уверенно кивнул. Арсен молча поднялся. Так же молча поднял двух человек. Что-то им сказал. А вскоре все трое, не обращая внимания на ливень,

вышли из сарая. Арут снова закрыл глаза и прислонился головой к стенке. Он сам не заметил, как на него накатила дремота. Арут забылся коротким, но тяжёлым сном. Когда он снова открыл глаза, Арсен успел вернуться. Арут увидел, как Арсен с опаской посмотрел на него. Это его удивило. Да и выглядел Арсен... необычно для себя. Лицо было бледным, губы слегка дрожали. Если б Арут не знал Арсена, то наверняка бы подумал, что тот чего-то испугался. Едва он об этом подумал, как увидел лица фидаинов, которые уходили с Арсеном. Они выглядели гораздо хуже Арсена. Арут мгновенно вскочил на ноги и подойдя к Арсену, с тревогой спросил: -Что произошло?

-Ничего, брат Арут, – у Арсена появился удивлённый вид. Но Арут почувствовал, что это удивление... напускное. Фальшивое, как и слова Арсена. Зачем он так вёл себя, было непонятно для Арута. Ну да ладно, это его дело. Арут некоторое время смотрел на него, затем негромко спросил:

-Нашли что –нибудь?

-Нет, – сразу ответил Арсен. При этом он, почему-то вопросительно, посмотрел на своих спутников. Арут нахмурился и, бросив на Арсена испытывающий взгляд, резко спросил:

-Ты что от меня скрываешь?

-Ничего, брат Арут, ничего, – поспешно ответил Арсен. Отвечая, он явно избегал взгляда Арута. Арут смотрел на Арсена и ясно понимал, что тот лжёт. И от осознания этого факта Арут нахмурился ещё больше. По лицу заходили скулы.

-Хорошо, я сам пойду и осмотрю всё вокруг!

Арут развернулся и направился к двери. У самой двери его настиг голос Арсена:

-Не ходи, брат Арут...не надо.

Голос Арсена заставил Арута замереть на месте. Тоска... безысходная тоска и...боль прозвучали в голосе Арсена. Появилось предчувствие неотвратимой беды. Не оплядываясь, Арут вышел из сарая. Он практически сразу увидел деревянные постройки. Не обращая внимания на дождь, Арут направился к ним. Он шёл, не чувствуя, что ноги постоянно попадают в лужи, образовавшиеся на земле. Арут слышал топот ног за своей спиной. Через несколько минут Арут увидел деревню. Как ни странно, все дома стояли нетронутыми. Арут, свернул с тропинки, срезая угол и двигаясь напрямик к ближайшим домам. Ноги часто скользили, но каждый раз Арут удерживал равновесие. Появились низкие ряды кустарников. Арут не стал их обходить, а пошёл напрямик. Едва закончились кустарники, как он вышел на окраину деревни. Справа и слева от Арута тянулись ряды красивых деревянных домов. Правый ряд домов располагался немного выше, нежели левый. Арут двинулся по дороге вглубь деревни. Неожиданно он замедлил движение, а потом совсем остановился. Взгляд Арута был прикован к маленькому проулку, пересекающему дома. С него, через дорогу, подгоняемый ливнем, струился тонкий ручеёк. Ручеёк был...красного цвета.

Арут медленно подошёл к забору. Перебирая руками деревянную ограду, он приближался к проулку. Вот и проулок. Арут вышел из-за угла и остановился. Метрах в двадцати от места, где он стоял...был пригорок. Прямо под ним росло крупное дерево. А чуть ниже дерева стоял колодец. Рядом с колодцем валялось

ведро. Красный ручеек вытекал из маленькой выемки на пригорке. С пригорка ручеек стекал к дереву, а оттуда к колодцу. А уже от колодца вниз. Посреди мёртвой тишины раздавался глухой скрежет железного ведра, которое толкал вниз ручеек. Арут молча наблюдал за всем, а затем двинулся с места, направляясь к пригорку. Сзади снова раздался голос Арсена:

-Остановись, брат Арут...не смотри...богом тебя прошу, не ходи туда.

Арут только ускорил шаг. Через несколько мгновений он взобрался на пригорок и сразу же... замер...чувствуя во всём теле леденящий ужас. Со лба Арута заструился холодный пот при виде представившейся картины.

Не меньше двухсот человек самых разных возрастов, лежали на земле, образуя идеальный круг. Головы всех людей смотрели внутрь круга. В центре был вбит кол. У всех людей были связаны за спиной руки. От связанных рук каждого человека к торчащему колу вела отдельная верёвка. Но самое ужасное было в том, что у всех людей...были отрублены ступни.

Кровь, вытекающая из ног людей, по всему кругу образовала ров. Именно из этого рва вытекал ручеек. Многие из лежащих перед Арутом людей были уже мертвы. Некоторые всё ещё были живы. Их тела содрогались в непрерывных конвульсиях.

-Кровавое солнце, – раздался за спиной Арута чей-то наполненный болью голос. Арут спустился в ров и медленно побрёл в крови, не мигая глядя на лица мучеников. Какое-то время он брёл, затем остановился, вышел из рва и встал на колени, рядом с головой старой женщины. Арут погладил морщинистое лицо этой женщины, а потом положил руку на её ладонью вниз. Женщина всё ещё была жива. Её взгляд поразил Арута едва ли не больше, чем всё это кровавое зрелище. Женщина смотрела на него...с жалостью. Побелевшие губы умирающей открылись, и едва слышно прошептали на армянском языке:

- Тебе тяжелее...чем нам...я вижу...по твоим глазам.

Отряд двигался по ухабистой дороге очень быстро. Никто не произносил ни единого слова, но все были напряжены до предела. Через час с небольшим пути до них начала доноситься интенсивная стрельба. Отряд ускорил ход. Ещё через четверть часа показались густые клубы дыма. До них начали доноситься отчаянные крики помощи. Весь отряд побежал одновременно. Они бежали несколько минут, когда перед ними показалась долина и стройные ряды деревенских домов, часть из которых уже пылала. Арут остановил отряд.

-Башибузуки, - раздался чей-то голос полный ярости...

Оставив лошадей, башибузуки метались по всей деревне. В руках у них были кнуты и сабли. Они вытаскивали людей из домов, стегая их кнутами. Кто оказывал сопротивление, немедленно убивали. Всех жителей сгоняли к длинному сараю. Несколько девушек связали и бросили отдельно. Здесь же возле домов. Фидаи всё это наблюдали несколько секунд, а то и меньше.

-Заходим за домами, - коротко приказал Арут, - выйдем как раз за их спинами. Как только выходим из-за домов... один залп и сразу штыковая атака. Они вошли в

деревню с задов. И задами, через сады, начали пробираться к сараю. По пути встретились несколько перепуганных мальчиков. Они со страхом смотрели на цепочку вооружённых людей, которые почти бесшумно скользили мимо них. Тем временем несколько сот обезумевших людей, как скот, начали загонять в сарай. И били кнутами, заставляя войти внутрь. Всех загнали внутрь. Заперли дверь на засов... и сразу после этого начали подносить охапки соломы и складывать их у стен сарая. Истошные, душераздирающие крики не прекращались ни на минуту. Башибузуки окружили со всех сторон сарай. Отдельно стояли человек семьдесят-восемьдесят. Они стояли перед запертыми воротами и большей частью кнутами указывали на сарай и чему-то радовались. Подожгли солому, сложенную у стен. Стены мгновенно запылали. Внутри начал проникать густой дым. Люди начали ломиться во все стены. Слышался надрывающий детский плач. Одна из перегородок проломилась. В неё сразу же полезли люди... но они тут же были зарублены саблями.

-Убивайте всех! Убивайте во имя аллаха! Не щадите никого! – раздались дикие голоса башибузуков.

Никто из них не замечал, как за их спинами, один за другим появляются вооружённые люди.

-Истинно так, - прошептал Арут, беря на мушку одного из офицеров. Грянул выстрел, который послужил сигналом для остальных. Офицер свалился на землю. Раздался одновременный залп в упор. Несколько десятков башибузуков повалились на землю. Башибузуки замешкали. Расстояние между ними было в несколько десятков метров. Арут быстро перезарядил винтовку и снова выстрелил. За ним раздался ещё один залп, который внёс панику и опустошение в рядах башибузуков. Не давая им опомниться, отряд бросился в штыковую атаку. Несколько человек сразу бросились к дверям сарая и отодвинули засов. Из сарая, вместе с густым дымом, повалил народ. Едва они выбежали из сарая и увидели, что вокруг них кипит сражения, как тут же хватали всё, что попадалось под руку... ружья, сабли, палки, камни и с диким воем бросались на башибузуков. Не были исключением даже женщины. Они бросались на башибузуков и с криками ярости раздирали их лица в клочья. Штыковая атака, принесшая значительные успехи фидаинам и урон противнику, перешла в рукопашный бой. Бились на саблях, стреляли, дрались голыми руками... натиск был жесточайший со стороны фидаинов. Они бились даже без намёка на усталость. И яростнее всех бился Арут. Он одного за другим валит своих противников. Оставалось лишь человек тридцать- сорок башибузуков, которые всё ещё сопротивлялись. Остальные начали убегать. Арут увидел это и закричал что было силы:

-Вазген, Арсен... не дайте башибузукам добраться до лошадей.

Крикнув это, Арут с новой силой вступил в бой. Каждый раз, сражаясь с башибузуком, он кричал:

-Детей рубите... меня попробуй зарубить!

Ещё несколько минут ожесточённого боя, и оставшиеся башибузуки дрогнули. Ряды начали отступать. Это и стало их полным концом. Драка начала превращаться в бойню. Вначале уничтожили всех, кто находился возле сарая. Затем начали искать

по всей деревне. Их вытаскивали откуда только возможно, и убивали на месте.

Троих вытащили из колодца. Человек восемь прятались в сене.

Их выискивали несколько часов после боя. Выискивали и уничтожали. Около двух десятков башибузуков было уничтожено, когда они пытались скрыться на лошадях. Когда всё закончилось, Арут собрал всех свои людей. Четырнадцать человек погибли. Несколько человек были ранены. Для него это были почти неприемлемые потери. Отряд и так был малочисленный. Но что он мог поделать? В таком бою могли быть потери гораздо большие. Фидаинов хоронили всей деревней. С ними вместе были похоронены двадцать восемь человек местных жителей. Священник тоже погиб. Поэтому молитву над усопшими прочитали, как могли. После похорон все собрались во дворе у старосты. Арут сидел на крыльце дома и, прислонив винтовку к плечу, о чём-то сосредоточенно думал. И фидаины, и местные жители молча ждали, пока он заговорит. Прежде чем это сделать, Арут обвёл всех тяжёлым взглядом.

-Турки убивают нас... горе одного должно стать горем другого. Помогайте друг другу. Не оставляйте в беде даже тех, кого не знаете или тех, кто грек или болгар... все мы в одинаковом с ними положении. И уж если суждено умереть, берите в руки ножи, топоры и умрите, убивая тех, кто посягает на вашу жизнь, семью, кто хочет растоптать ваше имя, родину, вашу религию... не верьте словам этих палачей.. в них ваша смерть и ваше бесчестие...будьте сильны духом... ибо дух и вера нашей нации - единственное, что помогало нам выживать в течение долгих столетий. Все люди слушали его затаив дыхание и не сводили с него взглядов.

-И ещё у меня есть одна просьба к вам, – продолжал Арут, обращаясь к местным жителям,- часть лошадей мы оставим себе, часть вам, а часть... часть нужно отправить в наш лагерь. Нужны человек десять для того, чтобы отогнать лошадей в лагерь. Я дам одного человека, который покажет вам, куда вести лошадей.

В воздух сразу поднялись несколько десятков рук.

-Спасибо, – Арут коротко кивнул и как бы оправдываясь, сказал: - Мы должны стать конным отрядом, чтобы иметь возможность быстро приходить на помощь. И ещё просьба...нам нужна вода и немного еды... совсем немного... лишь бы до Баберда хватило... там ещё возьмём.

Вперёд вышел пожилой человек и с явным упрёком произнёс:

-Не обижай нас, сынок. Нас живьём хотели сжечь, вы всех нас спасли... неужто куска хлеба пожалеет для вас. Берите столько, сколько вам нужно...- мужчина остановил протестующий жест Арута,- слушать ничего не хочу, сынок. Возьмёте - и всё. У нас хватит еды, не беспокойся.

Арут кивнул в знак согласия. И уже собирался уйти, когда послышался юношеский голос:

-Фидаи, возьми меня к себе!

Арут начал выискивать взглядом человека, который произнёс эти слова. Вперёд вышел паренёк чуть моложе его самого с весьма решительным взглядом. Сзади появилась какая-то женщина и что-то зашептала ему на ухо. Парень не слушал её. Он во все глаза смотрел на Арута. Тот раздумывал. Не хотелось его брать, но люди нужны были как воздух. Пока он сомневался, снова раздался голос паренька:

-Нас собралось тридцать семь человек. Мы все хотим вступить в твой отряд. Возьми нас. Клянусь тебе, не пожалеешь. Мы можем стрелять. Можем драться на палках, можем бороться... можем готовить.

-Да вы, похоже, всё можете, - Арут только покачал головой, а в следующую минуту громко воззвал:

-Сарик Арсен, Покр Вазген!

Оба брата вынырнули, откуда-то и встали перед Арутом. Их вид явно вызывал всеобщее почтение. Люди с явным уважением взирали на две мощные фигуры. Арут показал на паренька.

-Берём с собой. Надо найти для них оружие и объяснить наши законы.

Не дожидаясь ответа, Арут ушёл с крыльца в дом. Он был измотан и больше всего на свете хотел немного поспать. После его ухода жители не расходились. Они некоторое время в нерешительности стояли, созерцали двух великанов, а потом тот самый паренёк решился высказать то, о чём думали в этот миг все без исключения.

-Вы, правда, Сарик Арсен и Покр Вазген? Два брата?

Оба бородача в ответ кивнули пареньку.

-А мы слышали, - с настойчивостью продолжал паренёк, - что вы воюете в отряде Кес Арута. Это тоже правда?

Бородачи снова кивнули.

-Какой он, расскажите нам, – попросил паренёк, - мы так много слышали о нём.

Говорят, что он в одиночку может перебить целый батальон. Про него столько всяких историй рассказывают. Турки его «Шайтан Арут» называют. Говорят у него жена очень красивая... Самая красивая армянка из всех... говорят...

-Говорят, - перебил его Покр Вазген, - что ты нас спрашиваешь? Его бы и спросил.

-Кого? – не понял паренёк.

-Того с кем разговаривал.

-А с кем я разговаривал?

-С ним. Это Кес Арут и был!

Глава 14

Эрзерум. Утро 10 июля 1915года

-Девочка! Красивая... вся в мать!

Повитуха держала завёрнутого в руках ребёнка и широко улыбалась, слушая её крики. Роды прошли на удивление легко. Мириам чувствовала себя хорошо. Она, улыбаясь, протянула руки к ребёнку. Однако повитуха сперва передала ребёнка бабушке. Мать Мириам, радостно улыбаясь, приняла ребёнка на руки и только потом передала его матери. Мириам тоже улыбалась, глядя на розовое личико девочки. Она нежно коснулась губами маленького лобика и поправила складки материи, в которую был завернут ребёнок.

-Как назовёте? – послышался голос матери Мириам.

-Арут хотел дать имя своей матери... Сирануш.

Мать нагнулась над Мириам и, взяв ребёнка за маленький пальчик, мягко произнесла:

-Ну, давай знакомиться, сируник Сирануш... я твоя бабушка.

В этот момент снизу раздался голос Констандяна, зовущий её. Оставив Мириам и внуку, женщина вышла из комнаты и спустилась во двор. Констандян выглядел крайне взволнованным, что сразу обеспокоило женщину.

-Случилось что? – тихо спросила она у мужа.

Констандян некоторое время молчал, собираясь с силами, а потом коротко сказал:

-Собирайтесь. Мы немедленно уезжаем из города.

-Как уезжаем?- поразилась женщина. - А как же дом? А Мириам? Она только что родила...

-Кого?

-Девочку! Назвали Сирануш!

-Сирануш? - с горечью повторил Констандян. Проклятые турки... даже порадоваться на внуку не дадут... Собирайся быстро. Собирай детей... внуков... бери самое необходимое из одежды. Еды побольше... кто знает, что ждёт нас впереди

-Да что случилось? Скажешь ты, наконец,... отчего мы бежим?

Констандян хмуро посмотрел на жену.

-Конец всему. Только что состоялось заседание под председательством вали Эрзерума, Тахсин бея, и с участием всех нотаблей. Они постановили выслать всех армян из Эрзерума в Алеппо. С минуты на минуту начнутся погромы. Мы должны поблагодарить вали за то, что он не позволил нас убивать, как того требовали многие. Хотя кто знает, что нас ждёт впереди... в общем, времени нет всё объяснять. Собирайся. Мы должны немедленно покинуть город, иначе один бог знает что будет.

-Но как же Мириам? Она только родила... она не сможет...

-Сможет, - зло закричал Констандян на жену, - или лучше оставить её для турок? Ты знаешь, что они с ней сделают?

-Господи, господи, - причитая, женщина побежала в дом. А Констандян остался во дворе и начал готовиться к отъезду со своими сыновьями. Они вывели четырёх лошадей, которыми запрягли две повозки. На повозки сразу начали укладывать кое какую одежду и продукты. На одной из повозок оставили немного места, чтобы там могла лечь Мириам. Всё делалось быстро. Никто не проронил и звука. Констандян лишь взглядом торопил сыновей. Но те и без того трудились изо всех сил. Пока они собирались, на соседних улицах послышались крики, топот ног, выстрелы.

-Все выходите из домов, – кричали на турецком языке,- берите с собой немного одежды и еды. Любой, кто останется, будет убит на месте.

Констандян лишь на мгновение оstanовился, а потом с удвоенной силой принялся за работу. Вскоре крики начали раздаваться совсем рядом. Было отчётливо слышно, как армян выгоняют из домов. Наконец, всё было уложено. Внуков,- Ваана и Наринэ, -Констандян посадил в первую повозку и на всякий случай прикрыл их старым одеялом.

-Сидите тихо, - предупредил он обоих.

Те словно понимали происходящее. Оба затихли, хотя до этого бойко разговаривали друг с другом. Все были готовы к отъезду. Дожидались госпожу Констандяна с

Мириам. Наконец и они вышли. Мириам с ребёнком посадили во вторую повозку и тепло укутали. После этого Констандян отворил ворота и... сразу уткнулся в конных жандармов. Один из них остановился у ворот и, указывая нагайкой направление, громко крикнул:

-Быстрее. Двигайтесь быстрее.

Констандян, радуясь, что не происходит худшего, погнал лошадей быстрее. Через несколько минут обе повозки смешались с огромным потоком людской массы. Армян начали строить в колонну. Колонна растянулась на несколько километров. Со всех сторон её окружали жандармы и конные отряды дадашей. Понадобилось несколько часов, чтобы колонна понукаемая криками и ударами кнутов, побрела в сторону выхода из города. В Эрзеруме больше не осталось ни одного человека армянской национальности. Все шли в колонне. Куда они шли, многие не знали. Люди думали, что их отправляют в места временного проживания в связи с военным положением. Как ранее и объявляло во всеуслышание правительство.

В то время как армян, подгоняя палками и дубинками, выводили из Эрзерума, в кабинете Зиновьева появился Луцев. Вопреки обыкновению последних дней, Луцев просто сиял от радости. Зиновьев аж подался вперёд при виде Луцева. Вид полковника буквально заинтриговал Зиновьева. Луцев не стал тянуть и прямо с порога объявил новость:

-Наши части захватили город Ван! Идёт крупномасштабное наступление на всю Западную Армению. Французы и англичане начали военные действия на юге Османской империи. Вскоре последует ряд наступательных действий.

Зиновьев, широко улыбаясь, захлопал, аплодируя действиям России, Франции и Англии. Луцев упал в кресло, в котором имел обыкновение сидеть.

-Но каковы армяне, милостивый государь?- Зиновьев улыбнулся восхищению, с которым Луцев произнёс эти слова. - Подумать только, крошечным отрядом... в окружении женщин и детей, дать бой регулярным войскам турецкой армии, да и не только... а ещё сражаться двадцать девять дней и фактически выйти победителями. Когда наши части вошли в город, его полностью контролировали армяне. Вы понимаете, милостивый государь, что это значит? Турки жестоко ошибаются. Даже если им удастся претворить гнусные планы в действительность, это ничего не даст. Ничего, милостивый государь. По очень простой причине. Этот народ невозможно поставить на колени. Это гордый народ. И Ван показал это со всей очевидностью. Bravo, Ван! Bravo! Молодцы! Других слов для этих мужественных людей у меня нет.

Луцев выглядел довольным и радостным. Ещё бы, столько новостей сразу. Зиновьев не хотел омрачать его настроение, но делать было нечего. Они постоянно делились информацией и зачастую вместе принимали решение.

-Есть и не очень хорошие новости, - заговорил Зиновьев серьёзным голосом.

-Что?- улыбка мгновенно сошла с губ Луцева. У него появился сосредоточенный вид.

-Есть сведение, что в ряде населённых пунктов начались массовые избиения армян.

-Началось? Вы думаете правительство, несмотря на серьёзные поражения, которые нанесли им наши армии, всё равно осуществит резню?

-Похоже на то,- Зиновьев кивнул головой, - хотя и не хочется в это верить.

-Я подумывал выехать из Константинополя. Хочу собственными глазами посмотреть, что происходит на самом деле в этой стране.

-Вы в своём уме, полковник?- Зиновьев явно не ожидал таких слов от Луцева. - Мы официально находимся в состоянии войны. А вы решили устроить себе путешествие. Это очень и очень опасно. Что я доложу в Петербург, если с вами что-то случится.

-Ничего не случится, - заверил его Луцев,- поверьте, милостивый государь, у меня достаточно обширные связи. Едва ли не в каждом городе имеются надёжные люди. К тому же,- добавил Луцев,- не забывайте специфику моей работы. Мне не раз приходилось действовать в экстремальных ситуациях. Так что, меня вряд ли можно напугать этими «Дадашами», «Чётниками», «Башибузуками» и прочими матёрыми мясниками.

-Вам решать, в конечном счете, полковник!

-Именно, - на этот раз Луцев согласился,- мне. Вот я и поеду... по этим самым Вилайетам, то бишь губерниям. Я буду иметь объективную картину происходящего, и вы будете в курсе событий.

Дальнейший разговор был прерван появлением секретаря посольства. Он положил донесение на стол Зиновьева.

-Срочно. От генерального консула в Эрзеруме.

Зиновьев кивнул. Не дожидаясь, пока секретарь покинет его кабинет, он начал читать. Донесение было длинным. Вначале Зиновьев прочитал его молча и уж потом озвучил его для Луцева.

-Послушайте, полковник, что пишет наш консул.

«Докладываю вам о сведениях, которые мной получены. Заранее оговорюсь, что сведения не подлежат никакому сомнению, ибо получены они от самих участников происходящих событий, - Зиновьев сделал паузу и взглянув на Луцева, который слушал со всем возможным вниманием, продолжил читать:

- Доподлинно известно, что губернатор Эрзерума Тахсин бей получил от правительства телеграмму следующего содержания:

-Все армяне, живущие в самом Эрзеруме и в Вилайете в целом – должны быть жестоко уничтожены. Однако не убивайте их на месте. Этим собак слишком много. Зловония от их трупов могут нанести вред нашим частям, которые сражаются с русскими. Да и населению тоже. В виду этих причин, приказываю собрать всех и отправить в Кемах. Там их уже ждут. Так же, вдоль дороги из Эрзерума до Кемаха, этих собак будут ждать отряды правоверных. Приступить к исполнению приказа немедленно».

-Мерзкие твари, – Луцев гневно сжал кулаки.

-Слушайте дальше! – Зиновьев продолжил прерванное чтение.

«Получив телеграмму, Тахсин бей вызвал четебаши Амрванли Эюб-оглы Гадыра и показал ему полученный приказ из Константинополя. «Здесьних армян я поручаю тебе, доведёшь их до Кемаха. Там на них нападут наши люди и курды. Ты для вида

покажешь, что хочешь их защищать. Стрельнёшь разок другой против нападающих, но, в конце концов покажешь, что не можешь справиться. Оставишь там всех и уйдёшь». На что Гадыр ответил губернатору: « Ты велишь мне связанных по рукам и ногам овец и ягнят отвести на бойню. Это- жестокость мне не подобающая. Я солдат. Пошли меня против врага. Там либо он меня сразит, либо я его. А марасть руки в крови невинных, я не буду». Несмотря на долгие уговоры, Гадыр был твёрд в своём решении. Он наотрез отказался подчиниться приказу. Вслед за ним, - продолжать читать Зиновьев,- был вызван к губернатору Мирза- бека Вераншехерли. Этот согласился с приказом губернатора. В данное время, - продолжал Зиновьев, - в городе творится настоящий ужас. Этих несчастных выводят из домов грубостью, побоями и угрозами смерти. Армян строят в колонну, как скот, гонимый на бойню. Число этих людей никак не менее 19000. Они охраняются жандармами и частями регулярной армии. Всем армянам оглашён жёсткий приказ. Любой, кто покинет колонну - будет немедленно казнён. Арабскому же населению Эрзерумского вилайета, известного своим добрым отношением к армянам, вынесено жесточайшее предупреждение: « Любой, кто подаст хлеб или воду армянам - будет немедленно повешен напротив собственного дома». Мы находимся в глубочайшем смятении, ибо знаем происходящее, но не в силах помешать этому... даже слов найти невозможно для описания этой, в высшей степени ужасающей, сущности. С глубокой надеждой ждём новостей от вас. Генеральный консул в Эрзеруме».

Закончив читать, Зиновьев положил донесение на стол и посмотрел на Луцева. Даже выразить нельзя, в каком состоянии пребывал полковник Луцев. Он был настолько подавлен, что Зиновьев какое-то время его не беспокоил. Но время шло. Надо было немедленно что-то предпринять.

-Известим командование?- осторожно спросил Зиновьев.

Луцев кивнул.

-Но это ничего не даст. Мы просто не успеем помешать этому безумию. Наша армия далеко, а путь... смерти уже начал своё движение. Я немедленно отправляюсь в направлении Эрзерума, - Луцев встал и направился к двери.

-Вы не сможете это остановить!

-Но я смогу помочь несчастным. Я постараюсь что-то сделать, иначе попросту жить не смогу, - Луцев бросил на Зиновьева прощальный взгляд, - я должен поехать. Сидеть и смотреть, как 19000 человек, в том числе женщин и детей, ведут на бойню?... нет ... только не русский офицер.

ГЛАВА 15

Окрестности города Битлиса.

9 часов вечера 10 июля 1915 года.

В небольшом одноэтажном сером здании, на восточной окраине Битлиса, располагалась миссия Красного креста. Миссия была создана совсем недавно. Инициатором создания миссии стало французское посольство в Константинополе.

Работали в миссии на совершенно добровольной основе врачи, приехавшие из Франции Франсуа Андани и Жерар Мони. Вместе с ними уход за больными осуществляли несколько медсестёр так же прибывшие из Франции. Два французских врача и сестры милосердия ночевали здесь же в здании Красного креста. Для этого было выделено две комнаты рядом с больничной палатой. В здании ещё находились маленькая операционная и небольшой уголок, где обычно перевязывали больных с лёгкими ранами.

В описываемый нами вечер Андани утомлённый работой отдыхал, а Мони остался дежурить с двумя сёстрами милосердия. Палата была пуста. В течение дня несколько больных, имеющих симптомы лёгкого недомогания, были осмотрены. Затем им дали необходимые лекарства и отправили домой. За неимением пациентов, Мони улёгся на одной из десяти имеющихся в палате коек и задремал. Спал он всего лишь несколько минут, так как был разбужен взволнованным голосом одной из сестёр, которая непрерывно повторяла:

-Доктор, доктор, доктор...

Мони открыл глаза. Ещё не успев отойти от сна, он словно ужаленный вскочил на ноги и что было силы, закричал:

-Андани! Скорей!

Рядом с сестрой милосердия стояла молодая женщина. Глаза полные слёз выражали мольбу. На руках у женщины лежала двухлетняя девочка. Голова девочки была запрокинута. Лицо было серого цвета. На горле зияла глубокая рана. Из раны буквально хлестала кровь. Девочка была в беспамятстве. Мони буквально выхватил девочку из рук матери и, зажимая рукой рану, побежал в операционную. Мать пошла следом. Но сразу же была остановлена сестрой милосердия.

-Моя дочь, - только и повторяла на армянском языке, рыдая женщина, - моя дочь!

-Всё будет хорошо, - успокаивала её сестра милосердия. Она говорила на французском, но, тем не менее, по всей видимости, женщина понимала её.

Невзирая на сопротивление, она усадила несчастную женщину на кровать, а сама торопливо прошла в операционную. Над девочкой уже хлопотали Мони и Андани, прибежавший в расстёгнутой рубашке.

-Что?- сестра милосердия вытянула голову, пытаясь рассмотреть быстрые точные движения врачей.

-Всё будет хорошо, - не оглядываясь и не переставая хлопотать над девочкой, ответил Мони, - рана неглубокая. Мы спасём девочку. Её счастье, что она вовремя принесла малышку. Ещё минут десять - пятнадцать, и мы были бессильны.

Сестра сразу же сообщила новость матери на ломанном турецком языке. Другого она не знала. Мать, услышав новость, заплакала ещё сильнее. Бедняжка, она уже потеряла надежду. Она считала свою дочь погибшей.

Следующие четверть часа прошли в относительном спокойствии. Слышны были лишь отрывистые слова на французском, которыми перебрасывались два врача. Наконец, всё было благополучно закончено. Девочке перевязали шею. Она находилась вне опасности. Мать проводили в операционную. Девочка всё так же лежала на столе, но дыхание у неё понемногу восстанавливалось. Женщина

бросилась обнимать врачей, которые с явным удовольствием приняли знаки благодарности. Затем женщина начала беспрестанно целовать ребёнка.

-Софи, - обратился Андани с просьбой к сестре милосердия, - не могли бы вы спросить у неё, как это произошло?

Сестра кивнула, а в следующее мгновение заговорила с женщиной на ломанном турецком. Женщина отстранилась от ребёнка, внимательно выслушала сестру, а затем начала что-то рассказывать. Оба врача увидели, как побледнело лицо Софи. Едва женщина закончила, как сестра повернулась к врачам.

-Она говорит, что к ним домой ворвались турки. Они убили её мужа и свёкра, перерезали горло девочке. Хотели убить её, но ей удалось взять ребёнка и бежать из дома.

Оба врача явно растерялись, услышав этот ответ. Андани снова обратился к сестре.

-Софи, спросите ещё раз. Верно, вы что-то не так поняли. Невозможно, чтобы взрослый мужчина перерезал горло столь юному созданию. Это слишком бесчеловечно, чтобы оказаться правдой.

Сестра снова обратилась к женщине и оба врача увидели, как она в ответ кивает головой. Оба врача переpleянулись между собой.

-Я ей не верю, - признался Андани, - скорее всего женщина недосмотрела за девочкой. Возможно, девочка упала и... чёрт, что это за крики?

Последние слова вырвались у Андани, когда он услышал снаружи дикие вопли. И пока оба раздумывали над тем, чтобы это могло быть... в здание Красного креста ворвались несколько десятков женщин с детьми. Волосы этих женщин были влажмочены, одежда разорвана... глаза выражали неопиcуемый страх и глубокий ужас. Не переставая истошно кричать, женщины, сжимая в объятиях своих детей, заметались по больнице. Все искали убежища. Они пытались спрятаться. Некоторые лезли под кровати. Другие пытались укрыться за белыми занавесями окон, третьи раскрывали шкафы с медикаментами и пытались всунуть туда своих детей. И всё эти действия сопровождались поистине ужасающими криками.

Андани и Мани были не в силах отвести глаза от мечущихся обезумевших женщин.

Буквально через минуту после их появления в здание Красного креста ворвалась толпа людей, вооружённых палками и топорами. С дикими криками эта толпа бросилась на женщин. Их вытаскивали из под кроватей, отрывали от ножек кроватей, за которые держались несчастные и тут же на полу проламывали палками головы. Многие матери прятали детей под себя, чтобы защитить их от убийц. Тогда их убивали, затем переворачивали мёртвое тело и тут же несколькими ударами раскраивали череп ребёнка, прерывая истошный детский плач. В течение нескольких минут всё здание Красного креста было превращено в кровавое побоище. Повсюду валялись мёртвые тела женщин и детей. Были убиты все до единого. Леденящий ужас охватил французских врачей при виде всего этого кошмара. Они, не мигая, смотрели на происходящее. К ним в операционную ворвался один из убийц с топором в руках. Глаза его были налиты кровью.

-Это тоже армянка?- спросил он на турецком, указывая на девочку, и размахнулся топором...

-Нет! - одновременно вырвался крик ужаса у врачей и сестёр...они застыли от холодного ужаса. Мать девочки с диким криком попыталась защитить дочь, но убийца ударом кулака отбросил её в угол, а в следующее мгновение... топор взлетел в воздух и опустился над головой девочки. Струя крови брызнула на мать.

Обезумевшая от горя женщина бросилась на палача своей дочери и в мгновение ока разодрала ему всё лицо в кровь. Она вцепилась в него и, не переставая кричать, рвала ногтями его лицо. Кожа сходила с лица палача целыми полосами. Выпустив топор, он закричал от боли. Женщина оставила его, немедленно подняла топор и начала бить его. Она била его не переставая. Убийца уже лежал на полу, а женщина наносила один удар за другим, кромсая тело в клочья. В операционную ворвались несколько человек. Они схватили обезумевшую женщину за волосы, вытащили из операционной и, бросив на пол, забили до смерти палками. Убив её, они покинули здание Красного креста. После их ухода все сёстры разбрелись по зданию и, не переставая рыдать, смотрели на ужасающую душу побоище.

Мони взял со стола уже ненужный окровавленный бинт и, прижав его к лицу, зарыдал как дитя. Он сидел в углу и, закрыв голову руками, рыдал.

-Слушайте меня! - неожиданно закричал Андани: каким-то чудом ему удавалось сохранить хладнокровие. - Сейчас не время рыдать. Мы должны сделать всё возможное, чтобы спасти жизни людей. Берите лекарства, берите медикаменты... побольше бинтов, ваты, жгуты... берите всё, что у нас есть...пойдём в город... пойдём в деревню...пойдём, даже если нам самим суждено умереть, пойдём ради спасения хотя бы одной жизни...слышите!

Андани наклонился над плачущим Мони.

-Вставай.

-Не могу...- сквозь плач раздался голос Мони,- смерть этой девочки...это невыносимо...

Андани оторвал руки Мони и дал ему несколько пощёчин, затем встряхнул и, подняв Мони, прижал его к стене:

-Ты можешь спасти такую же девочку, Мони... ты можешь спасти. Возможно, она сейчас истекает кровью и ждёт твоей помощи...ну, Мони... ты же храбрый человек!

Мони тряхнул несколько раз головой и вытер руками слёзы.

-Да, да ... ты прав... ты тысячу раз прав... дай мне минуту... я справлюсь... справлюсь...

И Мони действительно справился с собой. Через несколько минут оба врача, сопровождаемые четырьмя сёстрами милосердия шагнули в ночной ужас обезумевшего города. Знак Красного креста было единственное, что защищало их от полчищ кровожадных убийц, бродивших по городу в поисках очередных жертв. Выйдя из помещения, врачи едва сразу же не стали жертвами этих людей. На них набросилась толпа людей, но увидев знак Красного креста, они оставили их в покое и побежали наверх, по улице, ведущей к центру города. Врачи на мгновение остановились в растерянности. Вокруг них были сотни домов, часть из которых была объята пламенем. Отовсюду доносились крики, молящие о помощи. Куда идти? Кого спасать?

После короткого раздумья врачи решили заходить в каждый дом с открытыми дверями. Решение было принято. С железной решимостью они принялись за дело. Они вошли в первый же ближайший дом, окна которого были выбиты полностью. Одна сторона входной двери была вырвана из петель и валялась возле порога, вторая наполовину сломана. Врачи вошли внутрь. Они сразу увидели тело взрослого мужчины, которое лежало, ничком уткнувшись в землю. Проверили пульс. Его не было. Мужчина был мёртв. Врачи обследовали все комнаты, и нашли несколько мёртвых тел. Только мёртвые тела и ни одной живой. Таким образом они обследовали семь домов. Ни в одном не было ни одной живой души. Только мёртвые тела. Но врачи не падали духом. Где-то должны были оставаться раненые. И они с мужественной настойчивостью снова пустились на поиски. Приходилось всё время шараться от бесчинствующих толп. Часто их осыпали насмешками. Толпы убийц останавливали их. Проверяли. Убедившись, что они действительно врачи из Красного креста, кричали:

-Врачи армянам не нужны. Прислали бы лучше вместо вас... гробовщиков, а то эти нечестивые собаки скоро вонять начнут.

Врачи даже вида не показывали, что испытывают настоящий шок от такого поведения и таких слов. Они целенаправленно обследовали город в поисках тех, кто нуждался в их помощи. Они снова зашли наугад в какой-то дом. В конце коридора лежал пожилой мужчина с раной в боку. Мужчина часто дышал. Но всё ещё был жив. Врачи в течение очень короткого времени оказали ему помощь. Рана была перевязана. Мужчине стало намного легче. Он с благодарностью принял помощь, но от дальнейшей опеки категорически отказался.

-Другим хуже, чем мне, - едва слышно произнёс он.

Пришлось его оставить. Когда врачи уже выходили, они услышали голос этого мужчины, который произнёс одно единственное слово. И слово это было произнесено на ломанном французском языке:

-Спасибо!

Выйдя из дома, врачи начали спускаться по улице вниз. Они шли туда, где полыхали дома. По пути начали попадаться тела. Они валялись прямо на улице. Как ни старались врачи нащупать хоть какой-нибудь пульс, ничего не получалось. Все были мертвы. Всё чаще и чаще им попадались бесчинствующие толпы, с дикими криками бегущие по обе стороны их движения. Содрогаясь каждый раз от ужаса и глубочайшего презрения, врачи неумолимо шли вперёд. Крики начали вновь доноситься. Это было ужасно... слышать их. В этих криках врачи безошибочно распознавали предчувствие надвигающей смерти. Справа от них полыхали два дома. Пламя, выбивающееся из окон, достигало едва ли не середины улицы. Врачи, прикрываясь руками от невыносимого жара, пробежали мимо горящих домов. Улица закончилась. Слева показалась небольшая площадь окружённая деревьями. Отблески пламени плясали на здании разрушенной школы. Плотнo примыкая к ней стояла армянская церковь. Двери были настежь отворены. Несколько десятков мужчин лежали на ступенях, ведущих в церковь. До них ясно доносились стоны. Врачи со всех ног бросились к раненым. На счастье никого из убийц уже рядом с ними не было. Нескольких человек с тяжёлыми ранениями тут же оттащили в

школьный двор. Положив их возле одной из стен, врачи немедленно приступили к оказанию помощи. Андани оставил своих товарищей и, взяв немного медикаментов, побежал в церковь. Он слышал голоса, доносившиеся изнутри, и надеялся, что и там оставались живые люди. Оказавшись внутри, он в который раз за сегодняшний день... замер от ужаса. Пламя горевших свечей, стоявших перед иконами святых, освещали картину кровавого побоища...

Не менее сотни тел... лежали окровавленные на скамьях, висели на них. Проход был завален мёртвыми телами, лежавшими вперемежку с церковной утварью. На головах некоторых тел лежали разбитые иконы. Одна женщина стояла коленапреклоненная, обнимая ноги Христа на распятии. В спине у неё торчал нож. Тела убитых принадлежали... только женщинам и детям.

Слух Андани резанул отвратительный хохот. Ещё не отдавая себе отчёт и не в силах оторваться от кровавого зрелища, он медленно двинулся вдоль стены. Дойдя до её конца, он увидел отворённую дверь. Оттуда и доносился этот мерзкий хохот. Андани заглянул внутрь. Казалось, ничто не могло его ужаснуть больше...но.....он увидел троих отвратительных типов и священника. Священник был привязан к кресту. Изуверы постоянно хохотали и били его руками, а священник шептал окровавленными губами:

-Прими, господи, души невинно убиенных... прими, господи, души невинно убиенных...

Затем изуверы поднесли огонь к бороде священника. Борода запылала, но священник не переставал шептать слова молитвы. Видя, что эти чудовища собираются уходить, Андани отбежал назад и лёг на пол, раскинув руки. Все трое прошли рядом с ним и всё так же отвратительно хохотали. Едва затихли их шаги, как он поднялся и побежал в келью священника. Огонь уже коснулся длинных волос священника. Андани руками, одеждой, всем, чем мог, останавливал огонь. Сделав это, он отвязал стонущего священника от креста и, уложив на пол, занялся ожогами. Бороды у него больше не было. Вместо неё был кусок обугленной массы. Обработав рану, Андани подхватил священника под руку и вывел из церкви. Он отвёл его к остальным раненым. Несмотря на то, что священник испытывал сильные боли, он немедленно принялся помогать врачам.

-В церкви раненые есть?- раздался голос Мони.

Андани взглянул на священника и, превозмогая себя, глухим голосом ответил:

-Нет. Там...никого нет.

В течение часа всем раненым была оказана посильная помощь. Оставив возле них священника и одну из сестёр, врачи собрали оставшиеся медикаменты, собираясь двинуться дальше, когда раздалось слова священника, сказанные на армянском языке:

-Благослови господь вас и ваше потомство!

Если бы он только знал, какие чувства владели врачами. Если б он только знал... но что они могли сделать? Как помочь? Только ходить и искать живых... вот всё, что они могли сделать. И они это делали, невзирая на тень смерти, которая висела над всеми ними в эту ночь. Врачи оставили школу и направились снова вниз. Они шли, постоянно вздрагивая от криков. С одной стороны доносились крики:

-Убивайте всех! Убивайте без жалости!

С другой стороны, не переставая, слышались мольбы о помощи. От этих криков, непрекращающихся ни на одно мгновение, от этого истошного плача, разрывающего душу... можно было сойти с ума. Ужас, кошмар, окружал их повсюду. Повсюду в домах были выбиты окна, сломаны двери. Часто у самого порога валялись мёртвые тела и почти всегда это были мужчины. Слева от них раздались едва слышные стоны. Врачи без промедления вбежали в полуразрушенный дом. Здесь то же самое. Недалеко от порога лежали два мёртвых тела. Одно принадлежало взрослому мужчине, другое юноше. Юноша лежал согнув ноги. В руках был зажат кухонный нож. Осторожно обойдя мёртвые тела, они двинулись дальше. Со двора в дом вела длинная лестница, переходящая потом в балкон. Она начиналась прямо от угла первого этажа дома. Врачи начали подниматься по лестнице и сразу наткнулись ещё на одно тело. Тело принадлежало старику. Он сидел на ступени в собственной крови. Голова была просунута между двух деревянных стоек поддерживающих перила лестницы. Остекленевший взгляд был направлен вниз. Снова донеслись стоны. Врачи бросились вверх. Вот и балкон... а вот и дверь, из которой доносились стоны. Врачи вбежали внутрь... и тут же застыли на месте... холодный пот мгновенно заструился по их лицу. Прямо перед ними, на полу лежали две взрослые... совершенно обнажённые женщины. Ноги у них были раскинута, а руки... руки сжимали животы. Сквозь окровавленные пальцы проступали их внутренности.

-Господи! – закричал Андани, бросаясь перед ними на колени. - Скорей... боже мой... скорей

Он тотчас вытащил непослушными руками... медикаменты и попытался убрать руки одной из женщин, но она резко захрипела... Андани посмотрел на неё.

Остекленевшие глаза, в которых была кровь, показали куда-то вправо. Андани повернул голову. Слева от него была полуотворённая дверь. Он ещё раз посмотрел на женщину... она снова показала туда. Андани поднялся и, оглядываясь на женщин, для которых пытались сделать всё возможное остальные врачи, направился к той комнате. Он уже подошёл к двери, когда услышал крик, полный невыразимой горечи, исходящий от Мони.

-Мы ничем не сможем помочь. Ничем... они умирают... невыносимо страдая умирают!

Андани открыл дверь и в ту же секунду из его груди вырвался душераздирающий крик. Все, Мони и медсёстры, мгновенно посмотрели на него. Андани не зашёл внутрь. Он закрыл дверь и повернулся к ним. Лицо его было белее снега, губы слегка приоткрыты. Цепляясь за стену, он сполз вниз и рухнул на пол, раскинув ноги. Взгляд стал совершенно безжизненным. Мони поднялся и побежал к нему... а в следующую минуту, он потянулся к двери...

-Нет,- раздался крик Андани,- нет,-... крик превратился в шёпот,- не входи... туда...

-Что там?- Мони выглядел совершенно бледным.

-Ни... чего - сделав нечеловеческое усилие над собой Андани поднялся, лицо по прежнему выглядело совершенно белым, - облегчи страдания этих ...несчастных... я пока побуду один... мне нехорошо... мутит... от всего...

-Конечно, конечно, - согласился Мони и сразу же вернулся обратно.

Сделав несколько глубоких вдохов, Андани шагнул внутрь комнаты и сразу же закрыл за собой дверь. Оказавшись в комнате, Андани прижался спиной к двери и, запрокинув голову наверх, снова несколько раз судорожно вздохнул. Из глаз медленно потекли слёзы. Слёзы шли не переставая. Андани опустил голову и с безысходной печалью посмотрел на то, что лежало на полу, в трёх шагах от него. Это было обнажённое тело девушки...лет шестнадцати или семнадцати. Девушка всё ещё была жива. Её глаза...они смотрели прямо на Андани. И смотрели с такой тоской, что у Андани душа разрывалась от боли. Возле её тела образовалась огромная лужа крови. Обе руки выше локтя и обе ноги...выше колен... были отрезаны и ...валялись рядом с ней.

Андани прошёл два шага и встал перед ней на колени. Затем он лёг рядом с ней и, обняв её за голову,...зарыдал как дитя.

Прошло более часа. Все начали беспокоиться, когда из комнаты вышел Андани. Его одежда...она вся была в крови. Врачи было бросилось к нему...но Андани остановил их.

-Со мной всё в порядке! Как женщины?

-Умерли!- последовал ответ

-Ну что ж... идём в город... у нас ещё много работы...

Через несколько минут врачи вышли из дома. Они прошли менее ста шагов, когда до их слуха донёлся яростный рёв. Кричали явно на армянском языке, но это не были крики помощи. Врачи одновременно побежали. Едва они добежали до перекрёстка...когда метрах в двухстах от них...им предстала такая картина. Перед зелёным двухэтажным домом...собралась огромная толпа. Человек триста...не меньше. Все они были вооружены палками, ножами, топорами... некоторые держали в руках бульжники. Другие - горящие факелы И все они пытались прорваться к воротам. Перед воротами стояли человек пятнадцать мужчин... вооружённых топорами и саблями. Прямо перед ними лежала гора трупов. Раз за разом эта горстка с диким рёвом отбрасывала кровожадную свору. Врачи остановились потрясённые этим необыкновенным мужеством. Трупы с каждой минутой увеличивались, мужчины были в крови, но с невиданным упорством отражали одну атаку за другой.

-Неспроста, – пробормотал Андани.

-Что неспроста? - мгновенно откликнулся Мони.

-Неспроста они стоят перед воротами. Армяне - очень мужественные мужчины. Сколько домов мы видели? И везде одно и то же. Они встречают врагов у порога и защищают семью до последнего вдоха. Могу поклясться, что и сейчас происходит именно это. Скорей, надо помочь им...

-Но как? Здесь пушки нужны. Что мы можем сделать?

-Не знаю, – Андани нетерпеливо махнул головой, - но я больше не собираюсь стоять и смотреть на эти зверства.

Едва выговорив эти слова, Андани сорвался с места и, прижимаясь к стене, побежал по направлению к непрекращающейся схватке. А вслед за ним и

остальные. Удалось забежать в соседний дом. Андани заметался по двору, в поисках чего-нибудь что позволило бы забраться на крышу. Лестница....

-Помоги мне, - закричал Андани.

Мони подоспел на помощь. Вдвоём они приставали лестницу к стене дома. Край лестницы выступал гораздо выше крыши одноэтажного дома. Андани мгновенно вскарабкался наверх и сразу же издал радостный крик. Крыша дома, на которой он стоял, примыкала к балкону второго этажа. Андани, не мешкая, перебрался на балкон. Оказавшись на балконе, он побежал. Он забежал в первую дверь...пусто. Оттуда во вторую... снова пусто....Оттуда в третью...и замер, остановившись на пороге. В комнате, прижавшись друг к другу, находилось около сорока детей в возрасте от двух до десяти лет. Все они хранили глубокое молчание и с ужасом смотрели на Андани. Снизу раздался голос Мони.

-Беги, Андани... армяне вот-вот падут.

«Что же делать? Что делать?»- сверлила в голове мысль у Андани.- Как? Как спасти этих несчастных?»

Андани выбежал в среднюю комнату. Он оглянулся в поисках какого-нибудь убежища для детей. Ничего что бы могло укрыть столько детей...не было. «Ну что-нибудь, - умолял Андани, пожалуйста, господи... ну что-нибудь...помоги мне...». Его взгляд упёрся в большую бочку, наполненную водой. Она стояла у стены. В голове мгновенно появилась спасительная мысль. Андани выбежал в переднюю комнату, а оттуда на балкон. С балкона на крышу. Свесившись с края, он закричал своим друзьям, сгрудившимся во дворе:

-Поднимайтесь на крышу...сёстры... только сёстры...Мони, ты останься.

Не понимая его слов, сестры, тем не менее, полезли на крышу. Ещё несколько долгих минут и Андани помог им спуститься с крыши на балкон. Андани провёл сестёр в среднюю комнату, где стояла бочка с водой. Едва они оказались там, как Андани отрывисто произнёс, обращаясь ко всем троим:

-Раздевайтесь!

На него посмотрели как на сумасшедшего. Андани сделал нетерпеливый жест рукой.

-Нет времени объяснять. В следующей комнате армянские дети. Раздевайтесь, дайте мне свои платья и сделайте вид, что купаетесь. А я стану с вашими платьями у входа. Они не посмеют пройти через Красный крест.

Все три сестры мгновенно осознали сказанное. Они быстро стянули с себя платья, оставшись в одном нижнем белье. Андани схватил платья и выбежал из комнаты. Он встал на пороге и, свернув платья так, чтобы красный крест был отчётливо виден, положил их на согнутую руку. Он прилагал все силы, чтобы сдержать бешеное биение сердца.

Толпе, после огромных усилий, удалось, наконец, сломить сопротивление отважной горстки храбрецов. Переступая через их трупы, они хлынули во двор с дикими криками:

-Убить ...убить нечестивых собак!

Андани даже не дрогнул, когда перед ним появилась целая толпа ошалевших убийц. Увидев странного мужчину и одежду с красным крестом, толпа остановилась. Они

взирали мутными, налитыми кровью глазами на Андани. Стараясь говорить спокойно, Андани обратился к ним на французском.

-Мы врачи... Красный крест,- Андани показал на одежду, где был изображён красный крест,- пришли просто искупаться... искупаться,- Андани показал руками как льётся вода, понимаете...

Из толпы начали раздаваться яростные крики:

-Убить их... убить

Толпа с каждым мгновением разъярялась всё больше и готова была растерзать Андани, но он не сходил с места, постоянно пытаясь объяснить, что они просто пришли купаться. Но его слова оставались без малейшего внимания. Андани почувствовал, что пришёл конец. Ещё мгновение и толпа хлынет внутрь и тогда... их никто уже не остановит. И в этот критический момент, сзади на его плечо легла рука. Андани обернулся и буквально застыл от ужаса. Позади него стояла полностью обнажённая Мари. Обнажённое, мокрое тело, с которого сходили струйки воды, совершенно не вязалось с гневным обликом девушки. Она буквально отодвинула Андани и прерывающим от гнева голосом обратилась к толпе на ломанном турецком;

-Хотите обесчестить нас? Смелее...вперёд...насилуйте сестёр Красного креста. Сделаете это и я клянусь вам... завтра вся французская армия будет в этом городе... вся Европа... весь мир вступится за нас.

Турки буквально ошарашены от вида девушки, а больше от её слов. Не произнося более ни одного слова...они повернулись и начали уходить. Андани не смог сдержать облегчённого вздоха. Он протянул платя Мари.

-Сегодня ваша храбрость спасла всем нам жизнь, Мари. Вы были великолепны. Преклоняюсь перед вами.

Мари приняла платя из рук Андани и с презрением в голосе, ответила:

-Поверьте доктор. Они все трусы. Только и могут сворой нападать.

Отвернувшись, Андани пошёл за Мони. Через несколько минут все собрались в комнате с той самой бочкой воды, которую успели частично опустошить сёстры и заперли за собой дверь. Как только дверь закрылась, все повалились на пол, испытывая сильную усталость, которая ни шла в счёт с душевным истощением.

-Утром мы отведём детей к нам, - раздался усталый голос Андани, - и ещё... я хотел бы попросить вас...нам всем следует написать всё, чему мы были свидетелями этой ночью. Написать, поставить свои подписи с указанием имён и фамилий. Этот документ я отправлю домой. Пусть вся Франция узнает, что на самом деле здесь произошло. Я надеюсь, придёт тот день, когда эти звери...эти монстры, чудовища... получат заслуженную кару.

Андани после этих слов опустил голову и закрыл глаза.

В окно начали проникать первые лучи солнца. Они слегка освещали усталые фигуры пятерых людей, что забылись тяжёлым сном прямо на полу.

Глава 16

Утро 11 июля. Дорога Эрзерум - Харберд.

Второй день пути. Колонна эрзерумских армян растянулась на несколько километров. После ночи отдыха люди выглядели более или менее бодрыми. В колонне двигалось немалое количество повозок, запряжённых лошадьми. На них сидели в основном пожилые женщины и дети. Остальная масса двигалась пешком. В колонне, в основном преобладали женщины и дети. Мужчин было очень мало. И то преимущественно это были пожилые, старше шестидесяти лет. В колонне слышались приглушённые разговоры. Изредка раздавался детский плач. А когда он раздавался, матери немедленно успокаивали детей, ибо на них тут же направлялись злые взгляды жандармов и солдат, что сопровождали колонну. Часть из них шла пешком, держа наперевес винтовки. Остальная часть двигалась верхом. Верховые постоянно подгоняли отстающих и нередко стегая кнутом, кричали: -Торопитесь, собаки, быстрее, а то подохните прямо здесь, на дороге!

Люди, хотя и были возмущены таким отношением к себе, однако вида не показывали. Зная отношение своих тюремщиков, они старались не делать ничего такого, чтобы вызвать их злость.

Мириам, лёжа на повозке, кормила ребёнка грудью, когда к ней подошёл отец. Констандян пошёл рядом с повозкой, любуясь дочерью и внучкой.

-Скоро,- он негромко произнёс, - скоро всё это закончится. В Харберде мы получим ночлег и передохнем, как следует.

-Нас ведут в Харберд?- спросила у него Мириам, поправляя голову дочери таким образом, чтоб ей удобно было сосать грудь.

-А куда же ещё? Это дорога на Харберд. Я не раз бывал там по делам, - отозвался Констандян и продолжал: - Думаю, нас оставят там. Хотя непонятно всё это. Зачем надо было выгонять нас из домов, чтобы вести в Харберд. Там и без нас хватает бездомных армян. Война везде... что думают турки, не знаю.

Констандян завздыхал. Рядом с ним раздался голос незнакомого мужчины, который был приблизительно одного с ним возраста.

-Может бояться, что русской армии поможем? Она ведь рядом была...

-Поможем, как же, - Констандян повернул голову в сторону говорившего и спросил:- Или ты ослеп? Не видишь, что вокруг нас одни женщины и дети. Мужчин давно в армию призвали. А чем туркам опасны женщины и дети? Чем, по-твоему, они могут помочь русской армии?

-Не знаю, друг, - последовал ответ, - но я ничего другого придумать не могу. Только это. Если не поэтому нас выгнали из Эрзерума, то по какой причине? И куда ведут столько народа? Где мы найдём пристанище? Где найдём пищу?

-В Харберде, - уверенно отвечал Констандян, - там живет много армян. Они не оставят нас в беде.

-Хорошо, если ты окажешься прав, друг, - послышался вздох.

-Конечно, я прав. Куда ещё нас могут вести?

-А я слышала, как охранники говорили между собой. И они упоминали Алеппо, - раздался женский голос чуть позади них.

Констандян обернулся. За ним шла женщина. Она была одета, как тысячи остальных женщин. В рубашку и длинное платье, края которого волочились по

земле. На голове женщины был тёмный платок, узлом завязанный на шее. В руках она держала грудного ребёнка. Ребёнок был укутан коротким одеялом.

После короткого осмотра, Констандян возразил:

-Не может такого быть, сестра. Наверняка ты что-то не так поняла.

-Я слышала своими ушами, - негромко, но твёрдо ответила женщина.

-Нет, нет, - Констандян продолжал идти рядом с дочерью, но голова его была повернута назад, в сторону женщины. - Посуди сама, сестра. Мы живём в Эрзеруме. Так?

-Ну, так!

-Скажи, сестра, где находится Эрзерум?

-В Эрзеруме. Где же ещё?- последовал удивлённый ответ.

-Это понятно, что в Эрзеруме, - Констандян испытывал лёгкое раздражение в разговоре с этой непонятливой женщиной, - но ещё он находится рядом с Чёрным морем. А Алеппо, кроме того, что он находится в Алеппо, находится возле Средиземного моря. Так скажи мне, сестра, зачем туркам гнать нас от одного моря к другому? Зачем им это нужно?

-Не знаю, брат. Но я своими ушами слышала, как один из охранников это сказал.

-Вот упрямая, - раздражённый Констандян отвернулся от женщины и посмотрел на улыбающуюся жену, которая шла с другой стороны. Почему-то это улыбка совсем вывела его из себя.

-Что так весело? Лучше внуков проверь, может, что надо им...

Мириам дотронулась свободной рукой до отца. Тот мгновенно посмотрел на неё.

-Не злись, - попросила его Мириам с мягкой улыбкой на губах, - нам всем и так нелегко. Пусть эта женщина говорит всё что хочет. Пусть мама улыбается. Она так редко это делает...

-Конечно, дочка, конечно, - Констандян почувствовал угрызения совести и исподтишка посмотрел на жену. Она в ответ ободряюще улыбнулась.

Вот так, в разговорах и спорах, в молчании и ожидании каких-либо разъяснений, люди двигались вперёд, по направлению к городу Харберду.

Час от часа солнце поднималось всё выше. Начало вовсю припекать. Уже в полдень температура перевалила за тридцать градусов жары. Люди, идущие в колонне, обливались потом и как могли, спасались от слепящего солнца. Было около четырёх часов. Колонна миновала маленький город Кеги, оставив его с левой стороны, когда показались ряды деревьев, рядом с которыми журчала река. Деревья несли долгожданную прохладу, а прозрачные воды реки так и манили. Люди, шедшие в передних рядах и первыми увидевшие это маленький оазис, бросали нетерпеливые взгляды на охранников, надеясь, что последует команда на отдых. Ведь они шли с шести утра. Десять часов подряд. Пора было остановиться на привал. Лучшего места не найти было. Однако охранники молчали. Более того, они начали отходить маленькими группами. На глазах у всей колонны они утоляли свою жажду, умывались и возвращались обратно. Потом шли другие. Увидев такую несправедливость, из колонны вышел юноша лет семнадцати и подошёл к конному жандарму. Тот сверху вниз посмотрел на него.

-Люди устали, - просительным тоном произнёс юноша,- нам бы остановиться ненадолго возле деревьев. Попить воды... ведь так жарко.

-На место пошёл, – прикрикнул на него жандарм,- вода и деревья для правверных... а не для тебя, собака армянская.

-Собака армянская?- глаза у юноши вспыхнули злобой, он развернулся и побежал к ручью.

-Стой! - закричал жандарм, поднимая винтовку и прицеливаясь в него.

-Сынок! - закричал чей-то женский голос.

Вслед за этими голосами раздался одиночный выстрел. Юноша остановился, пошатнулся, сделал несколько шагов и рухнул лицом в ручей.

-Убийца! - пожилая женщина, рыдая, бросилась к жандарму и вцепилась зубами в его ляжку. Жандарм завопил от боли. Он несколько раз ударил женщину прикладом винтовки, но та не отставала. Подбежали несколько других жандармов. Они отволокли кричащую женщину и на глазах у всех зарубили её саблями.

Люди в колонне заволновались. Начали раздаваться гневные крики.

-Из-за плотка воды убили. Убийцы! Сволочи!

-Молчать! - кричали жандармы. – Молчать! Идите вперёд!

Крича, они били прикладами близстоящих к ним людей. Но волнение нарастало. Несколько десятков человек одновременно бросилось к ручью. Припав к нему, они начали жадно пить воду. Увидев это, солдаты бросились к ним. Они подбегали к лежащим у воды людям и, не давая им подняться, рубили саблями. После этого начался настоящий ужас. Мужчины и женщины из колонны с голыми руками с остервенением бросались на жандармов и солдат. Голыми руками они рвали и душили своих тюремщиков. Выстрелы в безоружных людей посыпались со всех сторон. Стрельба не утихала ни на минуту. Люди в колонне валились как скошенные. Понимая, что они бессильны перед пулями, вся колонна легла навзничь и прижалась к земле. Хотя сопротивления больше не было, жандармы и солдаты стреляли не переставая. Ровно один час... целый час...расстреливали безоружных людей, лежащих на земле.

Затем верхом появились какие-то важные турецкие офицеры. Они начали кричать на жандармов. Они говорили, чтобы больше не было столько мёртвых тел на дороге. Эти паршивые собаки должны подохнуть в Алеппо. Не раньше.

-Убивайте понемногу, - говорили они,- по двадцать- тридцать человек.

Они говорили, а люди холодели от ужаса и страха, слыша эти слова.

Когда, наконец, стрельба стихла, жандармы подняли живых с земли и заставили убирать тела с дороги. Они заставляли бросать тела в реку. Вместе с мёртвыми в реку заставляли выбрасывать тяжелораненых. Все молча повиновались. Никто из колонны более не смел ослушаться приказов, хотя чаще всего людям приходилось выбрасывать своих отцов, матерей, сыновей, дочерей. Чувства людей после этого безжалостного расстрела притупились. Все они отчётливо понимали, что приговорены к казни и приговор скоро будет приведён в исполнение.

До позднего вечера люди выбрасывали тела своих близких в реку. И только глубокой ночью они обессиленные, разбитые горем, ужасаясь собственной участи и завидуя мёртвым... получили долгожданный отдых. Колонну расположили рядом с

дорогой. Сразу же появились сотни костров, на которых готовили пищу. Люди вытаскивали остатки своих продуктов и воды. Пока почти ни у кого не было в них нужды. Однако, несмотря на голод и жажду, они ели, лишь для того, чтобы иметь силы идти. В каждом из этих людей теплилась надежда. А вдруг их спасут? Вдруг передумают и отпустят?

Констандян собрал всю свою семью возле одной из повозок. Сыновья собрали сухие ветки, что валялись в большом количестве. Он тоже разжёт костёр. Жена разложила провизию и начала готовить еду. Всё проходило в полном молчании. Когда еда была готова, они наскоро поужинали. При этом и Констандян и его сыновья постоянно озирались на стоявших невдалеке жандармов, которые о чём-то втихомолку переговаривались.

-Надо бежать, - шёпотом произнёс Констандян, оплядывая всю свою семью, - надо бежать, как только выдаться случай. Турки не оставят нас в живых. Если сейчас они убивают нас среди бела дня, то, что будет потом, когда мы приблизимся к пустыням? Нет, нет, дети мои... надо бежать.

-Но как, отец?- раздался голос одного из сыновей. - Как мы сможем бежать? Всюду жандармы, солдаты...они убьют нас.

-Они всё равно убьют нас, - всё так же шёпотом ответил Констандян, - всё повторяется снова, как при Абдул Гамиде. Нас хотят уничтожить. Всех уничтожить. Иначе они не посмели бы вот так расстреливать людей. Бежать. Только бежать. Нет другого выхода.

-Надо спасти детей, - тихо произнесла Мириам, которая и во время ужина лежала на повозке и особенно сильно прижимала к себе маленькое тельце,- они самое главное для меня.

-Пусть наступит утро, - прошептал Констандян,- у меня есть немного денег. Попробую договориться с жандармами. Может, позволят нам уйти обратно, в Эрзерум. Оттуда поедem в Карс, к русским.

-Дай-то бог, - прозвучал тихий голос жены,- я жить не смогу, если с детьми или с внуками что-нибудь случится.

-Даже не думай об этом, - прошептал в ответ Констандян,- я сделаю всё, чтобы спасти нас.

-А что будет с остальными?- подала голос Мириам. - Что они с ними сделают?

-Мне-то какое дело, - отозвался Констандян,- пусть они сами о себе думают.

-Отец, - в голосе Мириам послышался откровенный упрёк,- это же армяне. Наш народ. Мы все в беде. У нас у всех горе. Мы не должны думать только о себе. Другим ведь сейчас гораздо хуже, чем нам. Они потеряли свои семьи. Так как же мы бросим их и уйдём?

-Совсем спятила эта девчонка, - прошептал Констандян, бросая на дочь гневный взгляд,- о других думает, когда сама стоит на пороге смерти. Мириам, приди в себя, твоя семья может погибнуть.

-Здесь все люди - моя семья!

-Да пошли они, все эти люди, - разозлился Констандян,- поверь, дочка, умирать будешь, никто из них тебе руки не подаст. Сейчас каждый о себе думает. Думает, как бы спастись.

-Как ты, - снова в голосе послышался упрёк,- поэтому нас и убивают. Помнишь, что мой Арут говорил: «Защищай семью другого, как свою собственную».

-Арут, Арут, - в тихом голосе Констандяна послышалось раздражение, - турки несколько тысяч армян сегодня убили...и где был твой Арут? Завтра нас убьют и никто, даже твой Арут, не поможет. Турок слишком много.

Мириам приподнялась на локте. В пламени костра глаза её отражали гнев.

-Никогда не говори плохо о моём Аруте, отец, - предостерегла Мириам,- он не чета тебе и другим здесь. Он не раздумывая, сотни раз на смерть шёл, ради спасения людей, которых он не знал, но которые были его народом. Страдающим народом. Арут лучше всех нас в тысячу раз. И поверь, знай он, что мы здесь...его бы никто и ничего бы не остановило. Он бы спас нас, или умер спасая.

-Да, да твой Арут самый лучший. Он храбрый, отважный, сильный...что ещё... смелый. Никого не боится. А меня ты считаешь трусом, потому что я хочу спасти свою семью? Включая тебя и твоих детей?

-Отец! Не надо спасать меня и моих детей. Мы разделим участь нашего народа, а ты можешь ехать в свой Карс.

-Да как ты смеешь со мной так разговаривать! – взорвался, было, Констандян, но послышался голос жены:

-Хватит. Нам и так нелегко, да ещё вы грызётесь между собой. Ложитесь спать. Нам завтра ещё идти. Силы нужны будут.

Констандян отвернулся от всех. Прихватив один из мешков, лежащих на повозке, он с явно демонстративным видом улёгся подальше от своей дочери. Жена только и знала, что качала головой.

Постепенно весь лагерь погружался в сон. Люди лежали вперемежку на голой земле. Костры ещё долго горели. Закончился второй день пути. Сколько ещё предстояло пройти, никто из них не знал.

Глава 17

12 июля. Вблизи города Баберда.

Отряд заночевал в скалах близ озера, где-то посередине между Мамахатумом и Бабердом. Спали всего несколько часов. Едва забрезжил рассвет, люди начали подниматься. Лошадей ещё с вечера накормили и напоили. Они стояли готовые и полные сил. Пока остальные фидаи готовились к дальнейшему пути, Арут, накинув на себя рубашку, пошёл к воде. Он спустился к самому берегу озера. Сняв сапоги он тщательно вымыл ноги, а затем долго мыл шею и лицо. Закончив мыться, он так и завис над водой, глядя на своё отражение. Неизвестно, сколько бы он стоял, если за ним не спустился бы обеспокоенный долгим отсутствием Арсен.

Сзади Арута раздался его бас:

-Что с тобой, брат Арут? Не болеешь?

-Нет, - Арут выпрямился и бросил на Арсена короткий взгляд,- сон плохой видел. Кошмарный. Такие сны мне не снились с самой свадьбы. Теперь вот опять началось...- Арут вышел на берег и начал обуваться.

-Разведчики вернулись, которых ты вчера отсылал.

-Ну и что?

-Говорят, к Баберду не пройти, не то, что к Трапезунду. Все дороги заняты армейскими частями. Идут в направлении Эрзерума. Много орудий..., да и не только они. Вокруг снуют отряды башибузуков, курдов...видели четников. Плохо дело, одним словом. Не пройдем дальше...

-Как шакальё на мясо собираются, - Арут обулся и мельком взглянул на Арсена, -так ты думаешь, нам не стоит двигаться дальше?

-Не только я. Так все думают.

-Ну...значит пойдём к остальным.

Они поднялись по тропинке меж скал и вышли к собравшимся, готовым к выходу, фидаи. Каждый стоял, сжимая поводья лошади в руках, и все как один смотрели, как Арут и Арсен приближаются к ним. Арут так резко остановился, что Арсен едва не наскочил на него сзади. Арут сразу отправил двух человек, чтобы они разведали дорогу впереди и уже потом обратился к своему отряду.

-Так значит домой?- негромко спросил у своего отряда Арут. Он опядел каждого из своих людей и уж потом продолжил: - Разведчики рассказали обо всём. Что по дорогам идут армейские части. Идут с пушками. Впереди нас отряды башибузуков, курдов и четников. Они всё рассказали... только одно забыли сказать, - Арут снова опядел весь отряд и уже более жёстким голосом продолжил:- Они забыли сказать, что эти части, башибузуки, курды и чётники...проходят через армянские сёла, которых впереди десятки, если не сотни. В самом Баберде...живут немало армян. И что? Мы должны всех бросить и спасти свою шкуру? Или вы ослепли и не видите, что творится вокруг нас? И почему вы думаете, что сзади нас нет никого, и мы сможем спокойно вернуться обратно?

-Арут, - раздалось сразу несколько голосов,- ну что мы против них? У них каждый, даже самый маленький отряд, больше нашего. У них пушки. У них целая армия. Арут устремил на говоривших яростный взгляд и с презрением ответил:

-Ну, тогда ложитесь на эту землю, - землю, пропитанную кровью ваших предков, которые столетиями защищали её. Ложитесь и ждите, пока турки придут и перережут вам горло.

-Зачем ты так, брат Арут,- в голосе послышалась явная обида.

-А как ещё?- закричал Арут. - Как ещё с вами разговаривать? Вы все уже мертвы, потому что уверены в своём поражении.

Вперёд, после этих слов, выступил молодой паренёк. Тот самый, спасённый в деревне.

-Говори, брат Арут, куда идти, - громко произнёс он,- я с тобой.

Аруту паренёк понравился ещё в деревне.

-Как тебя зовут?- спросил у него Арут.

-Еремян я. Гагик Еремян.

Арут подошёл к нему и положил руку на плечо.

-Ну что, брат Гагик, видно вдвоём мы с тобой пойдём на турок.

За Арутом снова раздался бас Арсена.

-Так я тебя и отпустил одного, - Арсен развернулся и пошёл по направлению к своей лошади. Все молча проследили за ним взглядом. Арсен проверил седло, притороченную к нему винтовку. Подёргал стремяна. Поправил мешок с провизией. Он собирался забраться в седло. Но как всегда, прежде поискал взглядом брата. Вазген молча стоял возле своей лошади.

-Что стоишь?- прикрикнул на него Арсен. - Ехать пора.

-Не кричи. Раскричался, - незлобиво ответил Вазген и начал копошиться возле лошади.

Один за другим, все до единого, сели в седла. Последним вскочил в седло Арут. Он, гарцуя лошадыю, проехался перед отрядом, от первого до последнего всадника. Затем пришпорил лошадь и выехал на середину.

-Слушайте меня, - громко произнёс Арут, врагов очень много. Поэтому, мы должны стать единым кулаком. Безумным кулаком. Яростным кулаком. Который бьёт наповал и исчезает. Бьёт насмерть и уходит. А теперь пойдём на Баберд!

Арут тронул лошадь, выдвигаясь вперёд. За ним двинулись в цепочку остальные. Среди фидаинов послышались приглушённые голоса:

-Мало что сам с головой не дружит, так и нас такими хочет сделать!

-Нахлебаемся беды! Турки в два счёта нас уничтожат!

Последние слова стали пророческими. К Аруту буквально подлетели двое дозорных, что выведывали впереди дорогу.

-Турки, турки, - закричали они,- турки в ущелье. Они перекрыли всю дорогу. Нам не спуститься. Дорога отрезана.

-Стоять всем здесь! - приказал Арут, а сам поскакал за дозорными. Они его привели к краю скалы. Все трое спешили. Недалеко от самого обрыва Арут лёг на землю и уже ползком двинулся вперёд. Дозорные следовали за ним. С высоты двухсот метров Арут смотрел вниз. Со стороны Эрзнка, в сторону Эрзерума, двигалась крупная армейская часть. Впереди шла медленным шагом конница. Она уже приближалась к входу в ущелье. За ней двигались неровные ряды пехотинцев. За ними двигались какие-то повозки. Было слишком далеко, Арут не мог разглядеть, что это. Но, по всей видимости, это были орудийные лафеты. Вскоре его догадка подтвердилась. Это действительно были орудия. За ними еще какие-то повозки. А за повозками снова шли пехотинцы.

-Целый полк. Не меньше, - раздался голос одного из дозорных.

«Да, - подумал Арут, соглашаясь мысленно с дозорным, - тысячи полторы, если не две. Что же делать?». Для того, чтобы продолжить путь, необходимо было спуститься со скал и перебраться через дорогу. В двух, трёх километрах от неё, начинался спасительный лес. Но как пересечь дорогу? Конница почти вошла в ущелье. Скоро в неё войдёт пехота... а затем остальные. Подождать, пока они пройдут? Ведь, по всей видимости, они и не подозревали об их существовании. Они шли совершенно спокойно, не заботясь о своей безопасности.

«Чувствуют себя хозяевами», - с неожиданной злостью подумал Арут. Он продолжал размышлять, думая как поступить. Выждать – единственное, что оставалось. Было бы настоящим безумием нападать на такое соединение крошечным отрядом.

Выждать. Да придётся выждать, пока они уйдут. Арут принял это решение, но никак

не мог с ним смириться. У него просто руки чесались. Он так и хотел ринуться в бой. «Но не сейчас, - успокаивал себя Арут,- ещё будет возможность.

Он отполз с дозорными назад. Встав на ноги, он негромко произнёс:

-Будем ждать, пока они пройдут!

Арут, не замечая облегчённого вздоха дозорных, которые были просто уверены в том, что он прикажет атаковать, направился к своей лошади. Арут уже вставил ногу в стремя, как в голове появилась одна мысль. Едва успокоившиеся дозорные, с ужасом услышали следующие его слова:

-А может, и не будем ждать!

Арут вскочил в седло. В голове у него созрел дерзкий план.

Через несколько минут он уже подскочил к отряду, который дожидался его появления с нетерпением. Арут на виду у всех соскочил с коня. Затем опустился на корточки и вытащил один патрон из патронташа. Держа патрон двумя пальцами, большим и указательным, он громко произнёс:

-Слушайте и смотрите сюда!

Но его и без того все слушали и не сводили взгляда с патрона, который он держал в руках.

-Вот скалы, - Арут начертил две параллельные линии. - В длину они тянутся метров на семьсот- восемьсот. На одной стороне мы. Внизу под нами движется турецкий полк. У них от полутора до двух тысяч солдат. В основном пехота. Конницы от силы триста сабель. Итак, впереди конница,- Арут начертил некое подобие головы коня между двумя линиями,- за ними идёт пехота. За головой коня последовало несколько точек.- За ними орудия, - Арут нарисовал за точками ствол, а за ними ещё пехота, - снова последовало несколько точек.- Что мы делаем? Первое. Складываем камни вот здесь и здесь, - Арут поставил точки за чертой правой линии. Почти в самом конце ущелья и ближе, в сторону противоположную, от движения полка. – Затем, здесь остаётся половина отряда. Она ляжет в цепочку, возле камней, и как только конница достигнет ущелья - атакует их. Сбросит камни на их головы и сразу после этого начнёт стрелять.

-Да они же перебьют нас всех, как только опомнятся, - раздался взволнованный голос.

Арут поднял руку с патроном, призывая к молчанию.

-Вторая половина, - продолжал Арут,- спустится вниз и ляжет за камнями. Как только камни полетят вниз - это станет сигналом для второй половины. Они сразу же атакуют орудия. Захватывают их. Захватывают ящики со снарядами.

Разворачивают в обе стороны орудия и открывают огонь. Как только раздаются орудийные залпы, первая половина спускается вниз и атакует задние ряды пехоты. Уничтожает их. Тыл прикрыт. Мы ведём огонь по пехоте и коннице и уничтожаем их. Всё просто. Надо только слаженно действовать и всё получится, - Арут поднялся и засунул патрон обратно,- они сейчас спокойные, потому что далеко от линии фронта. И меньше всего ждут нападения. Нам надо переполошить их, напугать. Поэтому, как только всё начнётся, кричите как можно громче. Вопите во всё горло. Пусть думают, что нас тысячи. Побегут. Им конец.

Арут осмотрел все лица. Почти все выдавали крайнее напряжение.

-За дело! - коротко приказал Арут. Все бросились выполнять задуманный план. Арут задержал обоих братьев.

-Возьмите помощников, - сказал он им,- вам двоим я доверяю самую ответственную часть предстоящего сражения. Каждый из вас должен захватить оружие. Развернуть их в разные стороны. От того, насколько быстро вы это сделаете, будут зависеть наши жизни.

-А снаряды?- негромко спросил Арсен.

-Вы получите их вовремя. Я сам об этом позабочусь!

Оба брата кивнули головой. И Арут, и они практически без слов понимали друг друга. Вслед за Арутом они отправились складывать камни.

Камни были сложены в последующие четверть часа. Все крупные камни, какие только нашли, поднесли к самому краю. После этого, согласно плану, одна половина осталась на скалах и залегла. Вторая помчалась в обратную сторону. Откуда начинался спуск вниз. Арут повёл половину отряда вниз. Они спускались. Скрытые из виду камнями, они могли продолжать спуск и продолжали его. Метрах в ста от дороги Арут остановил отряд. Дальше спускаться было опасно. Их могли заметить. Спрыгнув с коня, он прильнул к ближайшему камню и осторожно выпянул из-за него. Орудия всё ещё были далеки от них. Чем ближе бы они были, тем больше оставалось шансов, осуществить задуманное. Много зависело от того, где будут орудия, когда конница подойдёт к краю ущелья. Оставалось только ждать. Арут вернулся обратно и вскочил на коня. Все замерли в ожидании предстоящего боя. Минуты потекли с томительной медлительностью.

Прошло едва ли несколько минут, но они показались Аруту часами, когда послышался шум падающих камней, и почти сразу вслед за ним, послышались крики на турецком языке. Следом за криками раздался крик на армянском языке и оружейная стрельба. Арут взмахнул рукой и первым вырвался из-за укрытия и понёсся во весь опор вниз. Следом, издавая яростные крики, помчались остальные. Орудия в момент атаки находились чуть ли напротив них. Арут возликовал в душе, увидев это. В мгновение ока прислуга всех четырёх орудий была уничтожена. Задняя часть пехоты отлично видела, кто их атакует, но передние ряды, как и конница, были уверены, что их атакуют именно спереди и со скал. Они не видели, какая ожесточённая борьба завязалась позади них. Всё перекрывали звуки выстрелов и яростные крики армян. Завязалась перестрелка между группой Арута и задними пехотинцами. Пехотинцы залегли на землю и, прижимаясь к ней, отстреливались. Всадники полетели на них, размахивая саблями. Под их прикрытием оба брата соскочили с коней. За ними последовали ещё четверо. Орудия стояли дулами назад. Сразу обрубали ремни, которыми крепилось оружие к лошадям. Хлестнули по крупу лошадей, чтобы они не болтались перед орудиями. Лошади рванулись вперёд. Одно орудие оставили, как стояло, на месте. Второе подхватили оба брата и, напрягая свои силы, развернули его в направлении выхода из ущелья, где были передние ряды. Арут в этот момент подскочил к одной из повозок, гружёных снарядами. Застрелив возничего, он на ходу соскочил с коня и прыгнул на его место.

-Эй-э-эй,- в воздухе взвился кнут и стеганул по крупу лошадей. Лошади рванулись и помчались вперёд. Через несколько мгновений Арут изо всех сил натянул поводья

возле орудий. С повозки быстро стащили снаряды и бросили их возле орудий. Возле каждого стоял один из братьев.

Арут, что есть силы, закричал:

-Назад!

Всадники, атакующие задние ряды пехоты, начали оборачиваться. Увидев, что возле орудий стоят свои, они лихо развернули лошадей и бросились назад, выходя из зоны обстрела.

Через минуту снаряды были вставлены в ствол. Всё было сделано настолько быстро, что передние ряды так и не успели понять происходящее. Только тогда они поняли это, когда сзади в упор их начали расстреливать прямой наводкой из орудия.

Выстрелы следовали один за другим, внося страшные опустошения в их рядах. В задние ряды так же следовали выстрелы. Пехотинцы с обеих сторон врывались в землю, бросались в разные стороны, пытаясь скрыться от этого смертоносного огня. Истошные крики перемешивались с ржанием лошадей и свистом осколков. Задним пехотинцам повезло больше. Им было куда бежать. А передних окружали одни камни.

Как только появилась первая половина отряда, Арут приказал развернуть и второе орудие. Оттуда на них порывалась пойти конница. Пока часть его отряда расправлялась, в буквальном смысле этого слова, с задними рядами пехоты, два орудия вели безостановочный огонь по передним рядам пехоты и коннице. Ещё несколько выстрелов, и всё впереди перемешалось. Оставшиеся в живых пехотинцы со всех ног устремились вперёд, стремясь вырваться из-под огня. Тем самым мешая коннице и увеличивая потери. Ничто, - ни крики офицеров, ни их угрозы, - не могли остановить их. Снаряды подтаскивали и подтаскивали к орудиям. Выстрелы следовали не прекращаясь. Остатки конницы, не выдержав, развернулись и поскакали к выходу из ущелья. По ним следом вёлся огонь из орудий. Наконец грохот прекратился. Всё ущелье было усыпано трупами. Убежала лишь малая часть пехоты и конницы. Остальные полегли под огнём орудий и саблями фидаинов. Фидаи вылавливали оставшихся турецких солдат и сгоняли их в одну кучу.

Набралось человек сорок пленных. Арут не обращал на них внимания. Опасаясь прихода помощи, он спешно готовился покинуть место боя. Собрали всё оружие, провиант, патроны с поля боя и погрузили их на уже пустые повозки, освобождённые от снарядов. Погрузили раненых. Арут приказал взять с собой два орудия и все снаряды, какие только оставались. А их было немало. Орудия, повозки со снарядами и оружие, не задерживаясь, погнали в сторону лесного массива, по направлению к Баберду. За ними погнали пленных. Последним уходил с поля боя Арут. Оглядев его в последний раз, он направился вслед за остальными. Арут находился позади и постоянно оглядывался назад. Так продолжалось до тех пор, пока они не вошли в лесной массив. Углубившись в него настолько, чтобы можно было не опасаться погони, он дал команду отдыхать. Все фидаины были в отличном настроении. То и дело слышался смех. Все вскакивали с места, едва рядом появлялся Арут. Ему отдавали почести, которых он заслужил. Но Арут не воспринимал их и каждый раз хмурился. Пока все готовились пообедать, благо еды теперь было предостаточно, Арут направился к кучке связанных пленных. Пленные с хмурыми, а

зачастую побледневшими лицами, поглядывали на фидаинов. Все они сидели на земле, полукругом.

«Надо их тоже покормить, - подумал Арут, как- никак люди. Голодные...»- он уже собирался позвать к себе того паренька Гагика и сказать, чтобы тот покормил пленных, как услышал бормотание одного из пленных. Это был молодой парень лет двадцати пяти.

-Аллах покарал нас за жестокость! Аллах покарал нас за смерть невинных!

Его со всех сторон начали толкать сидевшие рядом с ним пленные. Они шёпотом умоляли его замолчать. Но вместо этого, пленный вскочил и во весь голос закричал:

-Оставьте меня! Я всё расскажу. Расскажу все, что мы сделали в Трапезунде. Пусть нас на куски разрежут. Пусть живьём сожгут, но я не стану молчать, - пленный разрыдался и, обратив горестное лицо к Аруту, сквозь слёзы прошептал:- Я глаза не могу закрыть. Как только закрываю, вижу лица эти несчастных...их слёзы. Слышу их крики...это невыносимо. Умереть...только так я заплачу свой грех.

Крик пленного слышал весь отряд. Они бросили есть и окружили пленных. У всех на лицах была написана такая злоба, что пленных бросило в дрожь. Они прижались друг к другу, со страхом наблюдая за фидаинами.

Арут обратился к тому самому пленному на турецком языке:

-Ты говоришь о Трапезунде. Разве вы шли не из Эрзнка?

-Нет, - пленный перестал плакать, и вытер слёзы с лица, - мы из Бафры. Наш полк морем перебросили в Трапезунд. Мы прибыли туда 25 июня.

-Посмотри на меня!

Пленный поднял взгляд на Арута.

-Расскажи всё, что ты говорил о «несчастных». Кого ты имел в виду? И что произошло в Трапезунде?- разделяя каждое слово, приказал Арут.

-Я всё расскажу, - ответил пленный,- всё. Убейте нас всех. Мы заслужили смерть.

-Вначале расскажи, а потом будем судить!

-Это произошло ночью, 28 июня, на четвёртый день нашего прибытия в Трапезунд,- пленный опустил голову и, уставившись в землю, продолжил рассказывать.

Временами его голос дрожал, выдавая истинные чувства. - Нас подняли по тревоге и выстроили перед казармами. Нам просто сказали, что мы должны отконвоировать опасных преступников...армян.

-Продолжай, - сквозь зубы произнёс Арут.

-Нам сказали, что правительство отдало приказ, предписывающий всему армянскому населению покинуть Трапезунд,- пленный сделал короткую передышку и продолжал дрожащим голосом: - Мы конвоировали восемьсот человек из тюрьмы в порт Трапезунда. Как я потом узнал, это были очень известные армяне. Мы посадили их на два корабля. Потом отплыли подальше от берега и...- пленный внезапно замолчал.

-И... что? Рассказывай! - закричал Арут.

-Нам приказали выбрасывать всех за борт, в море, - прошептал, не поднимая головы пленный, - и мы выполнили приказ. Мы связывали им руки и бросали в море. Все восемьсот армян были утоплены.

Арут сжал зубы так, что челюсть захрустела. Все без исключения фидаи едва сдерживались, чтоб не броситься и разорвать пленных на месте.

-Это всё?- тихо спросил у пленного Арут.

-Нет, - пленный отрицательно покачал головой и, не поднимая головы, продолжил рассказывать:- Когда мы вернулись в порт, нас отправили в город, контролировать улицы. Нам дали приказ. Убивать всех армянских мужчин в возрасте от 14 до 65 лет. Всеми остальными армянами должны были заняться местные отряды и специально сформированные группы из преступников, которых освободили из тюрьмы. Но это мы узнали позже... когда вышли на улицы...

-Всеми остальными?- повторил за пленным Арут и спросил: -Ты женщин и детей называешь «остальными»?

Пленный кивнул и едва не поплатился за это жизнью. Один из фидаинов бросился на него с саблей и едва не зарубил на месте. Только голос Арута его остановил.

-Нет! Нет! - жёстко повторил Арут, оглядывая таким же взглядом свой отряд. - Никто с места не сдвинется, пока я не скажу. Продолжай, - Арут повернулся к пленному. Тот по-прежнему уставившись в землю, продолжал рассказывать.

-Когда мы вышли на улицы Трапезунда, там уже творилось невообразимое. Мы только убивали мужчин... а они... вырезали всех без разбора. Никого не щадили... даже грудных младенцев. Девушек... насильовали, где попало. Я видел не раз такое собственными глазами и... даже маленьких не жалели.

-Да что же это такое! - не выдержал кто-то из фидаинов.

-Мы стояли напротив особняка греческого митрополита, когда туда забежали... около ста пятидесяти девушек. Мы не стали ничего предпринимать. Но за ними прибежала толпа людей...

-Зверей...

-И ворвалась в здание вслед за ними. Они вытащили всех девушек. Начали избивать их. Многих утащили с собой, а некоторых...начали насильовать прямо на пороге резиденции митрополита. Некоторых потом убили...Армян убивали повсюду. Все улицы Трапезунда до сих пор в крови.

-Господи! - Арут схватился за голову, сжимая её как тисками. - Как ты допустил это? Как?

Состояние остальных мало чем отличалось от состояния Арута. Вновь прозвучал голос пленного:

-Затем...- пленный осёкся и замолчал, видимо собираясь с силами, - затем... - голос дрожал так, как никогда прежде в рассказе.

-Это не всё?- задавая вопрос, Арут резко побледнел.

-Нет, - голос пленного сильно дрожал.- После этого мы собрали всех оставшихся в живых и вывели к городским воротам со стороны селения Джевезлик. Туда же сгоняли армян с окрестных деревень. Собрали огромное количество армян. Может быть... две тысячи. Я думал... мы все думали... что их куда-то поведут... но появились отряды четников и те, что в городе...нас... нас поставили вокруг толпы и дали приказ. Убить любого, кто попытается выйти из круга. Затем...затем туда прошли четники и вывели всех мужчин. Вместе с остальными, на глазах у жён, детей...они начали убивать их, изощряясь в жестокости. Они убивали их саблями,

ножами, стреляли в них. Земля, трава, всё вокруг нас было в крови. Дети с широко раскрытыми от ужаса глазами, не переставая, плакали. Женщины молили о пощаде. И от вида происходящего теряли сознание, падали в обморок. Это я ещё смог вынести, но когда схватили несколько детей, донесли до ближайших утёсов и сбросили их в море...выдержка моя закончилась. Я понял, что не могу больше подчиняться приказам. Я бросил винтовку и закрыл глаза. Но офицер пригрозил мне расстрелом...и я снова взял винтовку и принуждён был смотреть на ...зверства, подобных которым я не то что не видел, но и представить не мог. Разум мой отказывался воспринимать это...малюток вырывали из рук обезумевших матерей. И тут же... брали их за ноги и разбивали их головы об утёсы, или...переламывали им позвоночники ударами об своё колено. Затем взялись за женщин. Их насиловали, вспарывали животы саблями... слов нет, чтобы передать весь этот ужас. Некоторые из нас сошли ума от этого...другие...никогда этого не забудут. Вот и всё...- пленный несколько раз судорожно вздохнул и впервые за время рассказа поднял на Арута свой взгляд,- а теперь можете меня убить. Я заслуживаю смерти. Мы все заслуживаем смерти.

Арут, ни слова не говоря, вытащил из-за пояса нож. Держа его в руке, он приблизился к пленному. Тот не опустил глаза. Арут взял его за плечо и повернул к себе спиной. А в следующее мгновение он перерезал веревку, стягивающую руки пленного.

-Освободи остальных. Идите домой. К своим семьям, - тихо сказал ему Арут. Все пленные, уже видевшие маячившую перед ними смерть, застыли не в силах поверить происходящему.

- А люди... все эти люди...- пленный был совершенно потрясён поведением Арута. Арут, уже отошедший от него, остановился и повернулся к нему лицом.

-Это наше горе и...наша боль. Идите домой!

-Что ты за человек? – прошептал вслед за ним пленный. - С маленьким отрядом разбиваешь полки своих врагов, а после такого...прощаешь их. Кто ты? Скажи своё имя?

-Кес Арут!- раздалось в ответ.

Глава 18

18 июля 1915 года. Город Камах

Восьмой день пути колонны армян из Эрзерума привёл их к городу Камаху. Невозможно было узнать этих людей. Все эти дни люди шли, не останавливаясь, под обжигающими лучами солнца. Температура нередко превышала сорок градусов жары. У всех до единого в многотысячной колонне сильно потрескались губы. У некоторых в колонне губы были в настолько ужасном состоянии, что они не могли закрыть рот. Ибо это причиняло им сильную боль. Мужчины шли голые до пояса. На головах были куски ненужных тряпок. Женщины же, несмотря на жару, ничуть не изменили своей одежде. Ничто, даже жара, не могли их заставить поступиться скромностью. Дети же, большей частью, лежали в повозках, обессиленные и

изнурённые. Когда колонна вошла в Камах, надежды людей на помощь местных армян, мгновенно улетучились. Во всём городе, проходя по улицам, они видели разрушенные и сожжённые дома и не встречали никого из армян. Лишь местные арабы, несмотря на жесточайший приказ, грозивший им смертной казнью, тайком совали им завёрнутые булки хлеба и сосуды с водой.

Колонну провели по городу и, не давая отдыха... погнались дальше. Покинув город, колонна прошла несколько километров по направлению к Харберду. Колонну гнали вдоль берега реки Ани. Но, несмотря на живительную прохладу, что несла река, люди изнывали от жары и с тоской поглядывали на реку. Помня прошлый урок, никто, ни один человек из колонны, не посмел обратиться к жандармам с просьбой о привале. Однако, к их удивлению и безмерной радости, жандармы на этот раз позволили сделать привал. Больше того, они довели до больших камней, тенью которых можно было в полной мере насладиться. Радости людей не было границ. Под бдительным взором солдат и жандармов, они сразу бросились к воде и пили... пили воду, не насыщаясь ею. После первого последовало второе радостное событие. Подъехали подводы с крупой. Людям начали раздавать крупу и разрешили зажечь костры, для того чтобы приготовить пищу. Следующие несколько часов для несчастных пленников превратились в настоящий праздник. Им впервые оказывалось такое внимание и забота. Всюду только и слышались радостные голоса: -Правительство изменилось. Правительство заботится о нас. Скоро нас отпустят. Запылали костры. По лагерю начали распространяться ароматные запахи. В это время на дороге появился автомобиль.

Старший Констандян, ожидавший с не меньшим нетерпением варившегося на котле обеда, чем вся остальная семья, кивком указал на машину.

-Немцы! Чего им тут надо?

Расположившись в живительной прохладе огромных валунов, он смотрел на то, как из машины вышли несколько человек. В основном это были офицеры. Но один был в гражданском. Он что-то вытащил из машины и, пройдя несколько шагов, поставил это на дороге.

-Фотографируют, - догадался Констандян.

Это действительно был фотограф. Он поставил фотоаппарат лицевой стороной к реке. Туда, где сидела вся колонна. Немного выждав, он начал фотографировать людей за приёмом пищи. Он поворачивал объектив и снова фотографировал. Когда он закончил фотографировать, к нему подошли трое турецких жандармов. Один был высокий и худой. Двое других - среднего роста и среднего телосложения. На всех троих были папахи. Лихо закрученные усы. Снизу до верха вереница блестящих пуговиц, начищенных до блеска, подчёркивали строгий покрой формы. Все были опоясаны саблями и патронташами. В общем, они ничем не отличались от сотен других конвоиров.

Жандармы попросили сфотографировать их. Фотограф не понял слов, но догадался, чего они хотят. Он жестами попросил всех троих подойти к одинокому дереву, что росло вдоль дороги. Жандармы подошли и встали рядом с деревом. Фотограф поднял голову к солнцу, закрывая глаза рукой.

-Фотография получится не очень хорошей, - пробормотал фотограф.

Жандармы повернули головы к одному из немецких офицеров, стоявшему недалеко от фотографа. Тот перевёл слова фотографа на турецкий язык.

Жандармы жестами показали, что просят подождать. Через несколько минут, перед деревом появился маленький походной стол на очень тонкой ножке. На него тут же настелили белую материю...

Фотограф с некоторым удивлением наблюдал за всеми этими движениями. Но последующие действия жандармов...заставили его оцепенеть от ужаса. Из толпы армян жандармы наугад выбрали двоих. Они уложили их на дороге, а потом...потом отрубили им головы. Затем взяли отрубленные головы и поместили их на стол, стоявший перед деревом. Белая материя мгновенно окрасилась кровью вытекающей из отрубленных голов. После всего этого жандармы спросили у фотографа:

-Так ведь намного лучше?

Фотограф трясущимися руками сделал снимок и схватив фотоаппарат бросился к машине. Но он не дошёл до неё. Сделав несколько шагов, он упал на колени. Его рвало несколько минут. Всё это произошло на глазах тысяч людей. Радость от прежних впечатлений мгновенно померкла. Люди застыли в немой ненависти, которая не позволяла даже наполнить пустые желудки.

Люди ещё не пришли в себя после случившегося, когда с тревогой заметили облако пыли, вздымающееся по дороге, ведущей из Харберда. Через несколько минут показались стройные ряды чёрных всадников.

-Чётники! Чётники! - шёпот ужаса передавался по колонне.

Это действительно были чётники. Самые ужасные создания во всей Османской империи. Отряды чётников формировались людьми, проявившими себя крайней жестокостью. Их присутствие всегда заканчивалось бойней или кровопролитием. Все знали это. И поэтому с таким ужасом следили за приближением двух сотен чёрных всадников. Возглавлял отряд чётников турецкий офицер.

Офицер о чём-то переговорил с жандармами, а потом обратился громким голосом к колонне:

-Я Шукри бей из Харберда! Мне нужно триста девушек! Кто хочет по своей воле отправиться с нами, пусть выйдет вперёд!

На несколько минут после этих слов, воцарилась полная тишина. И чётники, и жандармы с солдатами хищными взглядами проходились по всей длине колонны. Люди в колонне все как один опустили головы и смотрели на землю. Девушки закрывали лица платками. Некоторые из женщин пытались незаметно укрыть своих дочерей под складками своих платьев.

Время шло, но ни одна девушка не тронулась со своего места. Шукри бей мрачнел всё больше и больше.

-Ну что ж, - губы Шукри бея искривила мрачная усмешка,- мы сами возьмём. Мы сами возьмём ваших дочерей, - уже громче повторил он и предупредил: - Если кто сдвинется с места, пока мы будем выбирать девушек, он будет немедленно казнён. По знаку Шукри бея, чётники спешили и направились к колонне. Они подходили к девушкам, срывали с их головы платки и рассматривали лица. После этого либо оставляли на месте и шли дальше, либо выхватывали и выталкивали на дорогу перед Шукри беем, гарцевавшим со злорадной улыбкой на устах. Начались

раздаваться крики. Матери и отцы цеплялись за своих дочерей, не позволяя их уводить. Таких людей били кнутами до тех пор, пока они не отцеплялись от девушки. В колонне повисли горькие стенания, люди плакали, но никто не осмеливался противодействовать чётникам. Да и что они могли сделать, кроме того, чтобы просто смотреть?

Меньше чем через полчаса на дороге перед Шукри беем были собраны девушки в возрасте от 12 до 18 лет. Шукри бей едва ли не осмотрел каждую из них и, видимо, пока оставался доволен.

Вдоль дороги разнёсся его голос:

-Раздевайтесь!

Едва прозвучало это слово, как люди с плухим ропотом начали подниматься с земли. Увидев это, жандармы сделали несколько выстрелов в колонну. Несколько человек упали.

-Лечь на землю! - начали кричать жандармы. - На землю, собаки, не то всех перебьём!

Люди, подчиняясь команде, один за другим ложились на землю.

-Руки за голову! За голову, я сказал! - один из жандармов пнул ногой мужчину не достаточно быстро исполнившего команду, а вслед за этим в упор выстрелил ему в голову.

Все, даже дети, лежали на земле, скрестив руки на голове. Никто не осмеливался пошевелиться. Шукри бей приказал привести одну из женщин, лежащих близко к дороге. Чётники подняли её с земли и притащили к нему.

Шукри коротко приказал женщине:

-Раздевайся!

Женщина подняла на него растерянное лицо. В следующее мгновение Шукри бей вытащил саблю и зарубил её. Женщина упала замертво. Держа на весу окровавленную саблю, он тронул коня и подъехал к одной из девушек. Кончик окровавленной сабли коснулся подбородка девушки и заставил её поднять опущенную голову.

-Жить хочешь?

Девушка, изо всех сил сдерживая рвущие слёзы, закивала головой.

-Тогда раздевайся! Все раздевайтесь! Догола раздевайтесь! Я хочу увидеть свой товар полностью!

Не успели прозвучать эти слова, как девушки под хищные и похотливые взгляды турок, начали сбрасывать с себя одежду. Прошло всего лишь несколько минут, и они уже стояли полностью обнажёнными. Девушки переминали пальцами ног, прикрывали длинными волосами свои груди и все до единой, прикрывали руками свою сущность. Вокруг них слышался отвратительный хохот. Их начали трогать руками, поворачивать в разные стороны. Одну девушку оттащили в сторону сразу несколько человек и, бросив на землю, на глазах у всех начали насиловать. Девушка издавала один душераздирающий крик за другим. Но это только раззадоривало насильников.

-Да что же это такое?- Мириам, пылая гневом, оставила ребёнка в повозке, а сама сошла с неё. Мириам пнула лежавших на земле братьев.

-Вставайте!

Турки заметили Мириам и, несомненно, понимали, о чём она говорит. Они не предпринимали ничего. Только посмеивались. Заметил одиноко стоящую фигуру среди тысяч лежащих и Шукри бей.

-Вставайте!- закричала Мириам и ещё раз пнула братьев ногами. - Вставайте все мужчины!- на этот раз её крик разнёсся далеко вдоль колонны.- Вставайте, братья, отцы, сыновья! Армянская честь поругана! Вставайте и убейте их...или умрите... только не лежите как трусы!

-Замолчи...замолчи! - зашикал на неё Констандян, который лежал так же как и остальные, прикрывая голову руками. - Они всех нас убьют. Замолчи, я твой отец, приказываю тебе.

-Ты не мой отец - ты трус! Жалкий трус, и мои братья тоже трусы! Вы все трусы! Слышите - все!

Мириам сняла платок с головы и бросила на спину отца.

-Оденешь после моей смерти!

Сказав эти слова, она, перешагивая через лежавшие тела, направилась напрямик к Шукри Бейю. Волосы Мириам развивались. Лицо олицетворяло гнев, ярость, глубокую ненависть и презрение. Она не опуская ни на миг головы, подошла к Шукри Бейю и плюнула в его сторону.

-Плюю на тебя, Шукри бей! Плюю на мать, родившую тебя! И запомни клятву, которую даёт жена от имени своего мужа. Ты будешь сожжён заживо за то, что надругался над армянской честью! А теперь можешь меня убить. Смерть мне не страшна. Бойся ты её. Потому что она будет гнаться за тобой по пятам, пока не достигнет и не сожжёт!

Шукри бей с нескрываемой злобой смотрел на Мириам. Но она даже взгляд не отвела. Он отчётливо видел на её лице презрение.

-Гордая, - сквозь зубы процедил Шукри бей, - хочешь, чтобы я тебя убил? Нет. Ты будешь жить. Жить в тысячу раз хуже бродячих собак. Армянская честь... говоришь? Ты сама её отдашь мне. Добровольно...

-Никогда этого не будет! - раздался гневный ответ Мириам. - Можешь делать всё что хочешь, но ты не получишь от меня мою честь. Я умру, но не отдам её.

-Будешь ещё умолять, чтобы я взял её...- Шукри бей кивнул четникам. По его знаку двое схватили Мириам за руки. Шукри бей сошёл с лошади и подошёл к одному из догоравших костров и вытащил головешку. С ней в руках он подошёл к Мириам.

-Встань на колени и умоляй взять тебя. Ты красивая девушка и я пощажу тебя, если ты это сделаешь. Откажешься, я тебя буду пытаться до тех пор, пока не сдохнешь ...

В ответ на эти слова Мириам плюнула ему в лицо.

-Хорошо!- Шукри бей прижал головешку к щеке Мириам. Сразу запахло горелым мясом. Он прижимал горячую головешку несколько секунд, а затем убрал её и снова спросил:

-Не передумала?

В ответ Мириам опять плюнула ему в лицо.

-Ах ты, нечестивая тварь! - Шукри бей разъярился и снова прижал головешку к тому же месту.

-Кричи, умоляй, ... умоляй, тварь!

Мириам закусила губу так сильно, что из-под уголков показалась кровь. Но она не издала ни звука. Даже стонов не было. Такое поведение вконец разозлило Шукри бею. Он приложил головешку к другой щеке и, вжимая в лицо, вертел ею. Затем к шее. Под конец он взял руку Мириам, сунул в неё головешку и сжал её, ожидая, что теперь-то она наверняка закричит от боли. Ни звука в ответ. Ни слёз. Лицо было изуродовано и, несомненно, она чувствовала страшные боли, но в глазах Мириам светилась только ненависть и презрение.

Шукри бей отстранился и со злобой посмотрел на Мириам.

-Я и не таких ломал ... Армянская честь, говоришь? Ну что ж, посмотрим, чего она стоит в твоих глазах. Приведите детей этой женщины...

Услышав эти слова, Мириам вздрогнула и рванулась вперёд. Шукри бей заметил её порыв и злорадно засмеялся. Через несколько минут чётники притащили четырёхлетнего Ваана и трёхлетнюю Наринэ. Малютку Сирануш успела спрятать под себя мать Мириам. Ни Констандян, ни братья Мириам, даже не попытались помешать, когда чётники забирали детей. Один из чётников остался и, взяв за волосы Констандяна, приподнял его голову.

-А ну рассказывай, кто муж твоей дочери...

Обоих поставили на колени, слева от матери, которую по-прежнему держали двое чётников. Дети ничего не понимали. Они только с надеждой смотрели на мать, которая должна избавить их от этих злых дядей.

Шукри бей вытащил револьвер из кобуры и взвёл курок. Затем он приставил револьвер к голове ребёнка и обратился к Мириам.

-Армянская честь, говоришь? Отдай её мне и твой ребёнок останется жить.

Мириам с невыразимой тоской посмотрела на сына, а затем подняла лицо к Шукри бею и ... снова плюнула ему в лицо. Никто вокруг не верил своим глазам. Она отказывалась спасти своего ребёнка. Турки буквально опешили. Происходило нечто не поддающееся даже их воображению.

-Ты думаешь, я просто пугаю тебя... да?

Шукри бей нажал на курок. Прогремел, отзываясь эхом, выстрел. Мёртвый мальчик упал на землю. Из глаз Мириам рвались слёзы, но она нечеловеческими усилиями подавляла их.

Никто не видел, как недалеко от места, где разыгрывалась трагедия, остановилась коляска. Из коляски выскочили два человека. Один пожилой, другой молодой. Оба махали руками Шукри бею и кричали одно слово:

-Нет!

Не обращая на них никакого внимания, Шукри бей приставил револьвер к голове девочки.

-Сына ты убила. А дочь спасти не хочешь?

Мириам чуть помедлила... и снова плюнула ему в лицо.

-Так получай, собака...- снова раздался выстрел. Он совпал с двумя яростными криками. Двое из коляски подбежали к месту трагедии и рухнули на колени перед мёртвыми телами детей.

Шукри бей посмотрел на окаменевшую Мириам.

-А ты живи, ... живи и помни, что могла спасти своих детей, а эти... - он направил дуло револьвера на одного из двух мужчин оплакивающих детей.

-Ты что?- один из жандармов схватил его за руку. - Это почтенный имам Мусават Али. А рядом его сын. Их нельзя трогать!

-А что же он... этих нечестивых собак оплакивают? - Шукри бей со злобой смотрел некоторое время на отца и сына, а потом махнул рукой чётникам, державшим Мириам.

-Отпустите её и... и выбросьте это в реку, - он указал на тела детей.

Чётники схватили тела и понесли к реке.

-Нет! – закричал, вне себя от горя, Мусават Али. - Нет...это мои внуки...оставьте их..

Но его никто не слушал. Тела детей выбросили в реку. Течение сразу же подхватило и понесло их.

Сразу после этого людей начали поднимать с земли. Обнажённых девушек, стегая кнутами, чётники погнали вперёд.

Мириам, шатаясь, дошла до повозки. Там она без единого слова забрала ребёнка у матери.

-Мириам... - отец дотронулся до её руки.

Мириам оторвала его руку от своей.

-Мерзко рядом с вами, - выдавила она из себя, - я одна пойду...

Мириам прижала к себе ребёнка и в это время к ней подошли Мусават Али с сыном Ахмедом. У Мусавата Али стояли слёзы в глазах. Он нежно погладил Мириам по голове и прошептал:

-Прости меня, дочка!

После этого Мусават Али начал развязывать свой тюрбан, поступок неслыханный для имама. Развязывая тюрбан, Мусават Али медленно пошёл к воде. Не останавливаясь, он вошёл в реку.

-Отец! - вырвался крик у Ахмеда.

-Отец! - Мириам рванулась к нему с ребёнком в руках, но обернувшийся Мусават Али остановил её жестом руки.

-Отец! - прошептала Мириам, останавливаясь. - Не делаете этого. Прошу вас, отец... Мусават Али горестно покачал обнажённой головой.

-Что я скажу своему сыну? Как я смогу сказать, что бросил его детей...одних ... Все, и в колонне, и жандармы, и солдаты, не отрывали взгляда от его одинокой фигуры.

Мусават Али повернулся и пошёл дальше. С каждым мгновением он всё больше входил в воду. Вскоре он совсем скрылся из вида. Ахмед сел на землю и зарыдал. Ещё очень долго все смотрели на то место, где скрылась под водой голова имама Мусавата Али.

Чуть позже к Шукри бею подскакал один из чётников.

-Я знаю, кто муж этой женщины, - сообщил он, - её отец всё рассказал.

-И кто же это?- усмехаясь, спросил Шукри бей.

-Я на твоём месте уехал бы из Турции! - посоветовал чётник вместо ответа.

-Вот как? – Шукри по-прежнему насмехался. - И кто же этот человек, чьей мести я должен опасаться?

-Слышал, как отряд армянских фидаи разгромил наш полк в ущелье?

-Слышал, а что?

-Это он и есть! Вожак этого отряда! Шукри, ты убил детей Кес Арута! И он не успокоится пока не найдёт тебя. Я знаю, что говорю!

-Кес Арут?

Шукри бей мгновенно побледнел, услышав это имя. Чётнику стало ясно, что тому и прежде случалось слышать это имя.

Глава 19

26 июля 1915 года. Горы близ Эрзерума.

Канонада и стрельба ни на минуту не стихала. Артиллерийская батарея, расположившаяся на близлежащих высотах, обстреливала соседнюю гору, где располагался лагерь Сепуха. Чуть ниже батареи расположился в полной боевой готовности пехотный полк. Они только и ждали приказа начальства, чтобы начать штурм и выбить засевших фидаинов с горы. Три тысячи солдат окружили гору, отрезая все пути к отступлению. Положение отряда Сепуха фактически было безнадежным. Он отбивался, как мог, и уже почти отчаялся получить помощь. Но помощь спешила к нему, хотя он этого не знал, да и не мог знать. Гонец, посланный Сепухом, нашёл Арута возле города Гомюшкане. Он и передал Аруту о бедственном положении Сепуха. Услышав новость, Арут сразу же поспешил на помощь. Проведя четырнадцать боёв за две недели и уничтожив несколько отрядов чётников, два отряда мародёрствующих курдов и несколько небольших армейских подразделений, отряд Арута прорвался к горам. Отряд больше не был той горсточкой людей, которая покидала лагерь. Теперь он насчитывал более пятисот всадников. Люди непрерывным потоком шли к Аруту изо всех деревень, где он только не появлялся. Часто приводили с собой лошадей и оружие. Именно за счёт добровольцев разрастался отряд. И уже представлял собой серьёзную угрозу для турок. Взбешенные его действиями турецкие власти отправили по его следам карательную дивизию, состоящую из трёх полков. Разведчики сразу донесли об этом Аруту. Невзирая на погоню, Арут всё же принял решение прорываться к Эрзеруму. Что было само по себе смертельно опасно. Потому что, впереди него были армейские подразделения и позади него они были. Он мог попасть в окружение. Арут всё это ясно осознавал, но, тем не менее, пошёл напролом. К вечеру 26 июля его отряд достиг близлежащих высот, с которых можно было увидеть осаду лагеря Сепуха. Расположив отряд на отдых, Арут взял с собой двух братьев. Каждый из них уже возглавлял сотню. Взяв их, Арут поскакал на разведку. Прежде чем двигаться дальше, он сам хотел посмотреть обстановку. Через четверть часа они уже лежали между деревьев на одной из высот окружающих горы. Арут приложил бинокль к глазам. Он смотрел очень долго, иногда меняя направление бинокля. Турецкая батарея была заметна невооружённым взглядом. Шесть орудий

стояли в одну линию. Время от времени они откатывались и слышен был грохот, а вслед за ним на горе раздавался взрыв.

-Может, попробуем нашими орудиями накрыть эту батарею?- раздался вопрос Арсена.

-Далековато, - прошептал, не оборачиваясь, Арут,- не достанем. А если достанем, то навряд ли попадём. У нас нет выученных артиллеристов, как у турок. А если начнём и не попадём...дело плохо. Они откроют ответный огонь и тогда нам не то, что Сепуха спасать...самим спасаться придётся.

-Что же делать?- озабоченно спросил Арсен.

-Помолчать несколько минут!

-Как скажешь!

Оба брата перевернулись на спину и, достав из кармана махорку и табак, начали свёртывать самокрутки. А Арут всё смотрел и смотрел в бинокль. Он не меньше часа высматривал в бинокль. Братья успели по две самокрутки выкурить. Наконец, Арут оторвался от бинокля и поднялся.

-Едем обратно, - коротко бросил он.

В лагере им сразу принесли ужин. Все трое сели на землю и так приступили к еде. Арут жевал, не глядя даже на то, что ест. Было заметно, что он о чём-то размышляет. Чем больше он думал, тем сосредоточеннее становился. После ужина он сразу собрал всех пятерых сотников. Наступали сумерки, поэтому Арут велел разжечь костёр. Пока другие отдыхали, Арут провёл маленькое совещание. Главная тема была помощь Сепуху. Второй вопрос звучал так: как её оказать и при этом самим остаться в живых?

Арут полулежал, опираясь на локоть, и внимательно слушал сбивчивую речь Нерсеса, одного из сотников. Бородач невысокого роста, размахивая руками, объяснял свой план.

-Надо сверху бабахнуть и разнести эту чёртову батарею в куски. А потом спустимся вниз и перебьем весь полк. Просто всё, братья. Что тут голову ломать?

-Нет, - возразил второй сотник по имени Григор,- зачем же орудия гробить. Лучше взять их и стукнуть ими же по пехоте. Как Арут сделал. Так будет правильнее. И людей сохраним. И орудия получим. И Сепуха спасём. Что нам больше надо. Так сделаем. Что скажете, братья?

Арсен с Вазгеном довольно закивали. Было заметно, что последний план пришёлся им по душе.

-А ты что молчишь, Гагик?- обратился к нему Арут.

Тот в ответ усмехнулся.

-А что говорить? Ты всё равно сделаешь по-своему. У тебя, наверное, и план уже есть. Не зря ведь лазил столько часов по горам.

Арут кивнул. А немного спустя раздался его голос. Медленный и сосредоточенный.

-План Нерсеса неплох. Но куда не годится.

-Почему это?- возмутился Нерсес.- Ты ведь тоже самое сделал в ущелье.

-То было в ущелье, - ответил Арут и продолжал: - Здесь другое дело.

-Почему же другое?

-Почему?- Арут приподнялся и, встав на четвереньки, вытащил патрон, при этом жестом приглашая собраться всех вокруг него. Напротив костра сразу образовался полукруг. Оставили лишь место для пламени, которое освещало действия Арута. – Вот здесь орудия, - Арут начертил ствол на выступе горы,- и мысль Нерсеса правильная. Орудия надо захватить, но...- Арут поднял руку с патроном кверху и снова отпустил к земле,- если мы захватим их, то сразу же окажемся в ловушке.

-Как в ловушке?- раздалось сразу несколько голосов.

-Да очень просто, - уверенно отвечал Арут,- стволы орудий направлены на соседнюю гору, где стоит лагерь Сепуха, а пехота...- он нарисовал несколько точек,- гораздо ниже, у подножия горы, где стоят орудия. Как бы мы не старались, нам не удастся перенаправить орудия на пехоту. А если мы не сможем это сделать, то минут через десять, самое большее двадцать, нас выбьют оттуда. Пройти незамеченными к пехоте мы тоже не сможем, - продолжал Арут,- впереди слишком много открытого пространства. Орудия нас накроют. Даже если мы пробьёмся сквозь их огонь, нас ждёт не меньше двух тысяч штыков. Нас перебьют, мы и глазом моргнуть не успеем. Свои орудия тоже не сможем близко подкатить. Нас накроют. Мы стрелять должны в упор и только в упор по пехоте, иначе нам не победить.

-По-твоему получается, брат Арут, что откуда ни возьми, всё плохо кончится, - снова подал голос Нерсес, - что же нам делать? Сидеть ждать пока Сепуха отряд перебьют, а потом нас та дивизия, что следом идёт. Ты же сам говорил, нам надо прорваться в Ван, сделать передышку, а уж потом снова двинуться. Если останемся, турки нас всё равно достанут. Со всех сторон пришлют войска и нам конец. У нас не двадцать человек, чтобы скрыться ...

-Всё так, - Арут кивнул, соглашаясь, и продолжал: - И никто не собирается Сепуха бросать. Мы будем атаковать турок...но сделаем это по-умному.

-Как? Как? Как? – сразу раздались голоса.

-Лагерь Сепуха здесь, - Арут нарисовал гору напротив стволов,- орудия достают везде, но вот здесь, на восточном склоне, есть выступы,- Арут нарисовал,- сюда они не могут достать, поэтому турки поставили здесь сильное охранение. Там находится человек сто, не меньше. Они всё умно сделали. Вздумай Сепух или кто-нибудь напасть на них, остальная часть в минут тридцать подтянется и поддержит охранение.

-Ну и что в этом хорошего?- удивился Нерсес.

-Создаём цепочку, - Арут снова поднял патрон и оглядел сотников,- берём паровоз, цепляем его за первый вагон и дёргаем. Остальные вагоны друг за другом двинутся.

-Слушай, брат Арут, какой ещё вагон? Где ты здесь видел поезд?- раздражённо спросил Нерсес.

Но Арут его не слушал.

-Сначала сотня Арсена пробирается к орудиям, но не атакует. Они сидят в засаде и ждут сигнала. Затем сотни Гагика и Нерсеса атакуют охранение на восточном склоне. Турки решат, что мы прорываемся к Сепуху, и хотим вытащить его из окружения. Они дадут приказ частям выдвигаться на помощь охранению, потому что орудия туда не достают. Турки выйдут из низины и побегут к восточному склону. Этот приказ будет сигналом для Арсена. Он должен сразу атаковать и захватить

батарею. И сразу прямой наводкой им в спину. Первый же выстрел из орудия по туркам будет сигналом для Вазгена. Он выкатывает орудия на ту высоту, где мы были. Оттуда отлично простреливается и низина, это нужно на случай, если турки всё поймут и бросятся назад. И восточный склон. Это нужно на случай, если придётся отсекать огнём турок от наших ребят. К тому же его сотня, в случае надобности, поможет сотням Гагика и Нерсеса. Турки попадают под перекрёстный огонь орудий с двух сторон. Сверху наши две сотни и отряд Сепуха. Позади буду ждать я с Григором. Если кто и выберется, мы их накроем. Полное окружение! - Арут воткнул патрон в середину нарисованной картины предстоящего боя.

Пять часов утра 27 июля. Пятьсот всадников замерли в ожидании. Они стоят, скрытые деревьями и холмом. Слышны были только ржание коней и шелест листвы на деревьях. На самой высокой точке холма лежит человек и смотрит в бинокль. Вот он, не оборачиваясь, подаёт знак рукой. По этому знаку сотня всадников разворачивается и скачет на запад. Остальные молча ждут своего часа.

Арут с высоты внимательно наблюдает за передвижениями сотни Арсена. Вот они оставили лошадей и дальше пробираются пешком. Он видит, как они появляются один за другим на верхушке горы и сразу же спускаются вниз. Вот и необходимая позиция. Сотня залегает в двухстах шагах выше батареи.

Арут снова поднимает руку. По этому знаку две сотни трогаются с места и скачут на восток. Он пристально наблюдает за ними. На какое-то время они исчезают из вида. Потом появляются и галопом несутся к восточному склону. Они должны пересечь свободное пространство, прежде чем их заметят с батареи. Арут переводит взгляд на батарею. Там заметен переполох. Сотни заметили. Раздаются несколько выстрелов, но сотни успели пересечь пространство и с криками атаковали охранение на восточном склоне. Арут перевёл взгляд наверх и увидел, что с горы спускаются вооружённые люди. Сепух начал действовать. Затем он снова переводит взгляд на батарею. По понятным причинам они молчат. Он смотрит на низину. Оттуда уже начинают выбегать пехотинцы.

«Поймёт ли Арсен, что время пришло?» - с сомнениями думал Арут. - «Доносятся ли до него приказы офицеров?» - он смотрел на место, где засела сотня Арсена. Там не было заметно никакого движения. А пехота уже двинулась в бой. С восточного склона неслась интенсивная стрельба. Схватка была в полном разгаре.

«Ну, давай же, давай!» - мысленно подталкивал Арсена Арут. - «Давайте же, поднимайтесь...».

Он с глубоким облегчением увидел, как одна за другой фигурки людей бросились вниз.

-Теперь всё от тебя зависит, брат Арсен!

Арут не отрывал взгляда от батареи. Пока всё было тихо. Он заметил, что турецкая пехота слишком быстро двигается. Времени могло не хватить. Они могли накрыть обе сотни, прежде чем заговорят орудия. Надо было рисковать. Надо было всё ставить на карту. Арут встал и побежал к Вазгену. Добежав до него, он коротко сказал:

-Можем не успеть. Выкатывай орудия.

После этого, он снова прибежал обратно и лёг на прежнее место. Первый взгляд на батарею. Его хватило, чтобы увидеть ожесточённую борьбу. Сотня Арсена атаковала батарею. Арут перевёл бинокль на низину. Там ещё оставались пехотинцы. Некоторые из них указывали вверх, в сторону батареи.

-Чёрт! - вырвалось у Арута. Он снова встал.

Сотня Вазгена уже выкатывала орудия на верхнюю точку холма. Арут снова подбежал к нему.

-Быстрее! - закричал Арут. - Турки сейчас атакуют Арсена. Нужно накрыть их. Орудия быстро нацелили на низину. Часть оставшейся пехоты вместе с офицерами поднималась вверх, к батарее.

-Бей чуть ниже батареи! - приказал Арут

-Сам вижу, - прогрохотал Вазген.

-Точно стреляй... брата не убей.

Арут снова лёг на землю и направил бинокль на батарею. Пехота находилась ниже батареи метров на сто, когда рядом с Арутом, друг за другом, раздалось два грохота. Стволы отскочили назад выбрасывая гильзы. В них снова вложили снаряды.

Арут увидел, что взрывы раздались чуть ниже и почти не причинили вреда пехоте, которая поднималась всё выше и выше.

-Выше возьми! - скомандовал Арут. - Скорей, через минуту турки ворвутся на батарею.

Снова два выстрела. Арут посмотрел в бинокль и чуть не закричал от радости, но потом... замер. Первый выстрел попал прямо в скопление пехоты и произвёл опустошение. Второй выстрел подбросил одно из шести орудий батареи. Перевернувшись, оно с грохотом покатило вниз, погребая под собой несколько турецких пехотинцев.

-Ты что сделал?- Арут повернулся к Вазгену.

Тот пожал плечами.

-Там вроде никого не осталось. А кто и есть, так он вниз бежит.

-А из наших кто-нибудь в живых остался? Ты же по батарее выстрелил.

Вазген снова пожал плечами.

-Как могу, брат Арут, так и стреляю!

Арут больше не успел ничего сказать. В эту минуту батарея открыла огонь. Он снова прижался к биноклю. Снаряды летели в сторону турецкой пехоты. Арут вскочил на ноги и подбежал к испуганному таким поведением Вазгену.

-«Как могу, так и стреляю!» - Арут расцеловал его в обе щёки. – Молодец!

Разворачивай орудия. Бей по восточному склону. Оставляю несколько человек с тобой. Этого хватит. Остальных забираю.

И уже уходя, Арут обернулся и внушительно добавил:

-Только наших не убей!

Вазген широко улыбнулся в ответ.

Арут вскочил в седло и бросил гарцевавшему Григору:

-Наша очередь!

Две сотни всадников во главе с Арутом с саблями наголо полетели галопом в низину. Интенсивный артиллерийский огонь длился несколько минут. Потом он начал

стихать. А потом и вовсе затих. Остатки турецкого полка попали под сабельные удары фидаинов. С двух сторон, они в течение четверти часа уничтожили всех, кто выжил под огнём артиллерии. Победа была полной. В той самой низине, где недавно стоял турецкий полк, встретились оба отряда. Арута и Сепуха. Вожаки сошли с лошадей, и долгое время обнимали друг друга, похлопывая по плечам.

-Как только раздались выстрелы, я сказал: - «Это наш Арут пришёл», - Сепух всё время радостно улыбался. - Вырос. Возмужал ты, брат Арут. Да и отряд у тебя... - Сепух оглядел стройные ряды всадников, - побольше моего. Настоящая армейская часть. И орудия есть. А действовали-то как... просто загляденье. Всем нам снова урок преподал, брат Арут. Слов нет... дай ещё раз обниму.

Суепух снова обнял Арута. Все фидаи подходили к Арут и здоровались. Многие похлопывали его по плечу. Подошёл и Ашот Эгоян. Арут удивился, увидев его. Они обнялись.

-Надо бы отпраздновать, - предложил Сепух, - не каждый день такое событие. Целый полк уложить. Хотя, мы слышали, что у тебя и раньше это получалось неплохо, - Сепух снова улыбнулся.

-Не время праздновать, - ответил ему Арут, - за нами следом карательная дивизия идёт.

-Дивизия карательная?- Сепух сразу посерьёзnel. - Надо уходить. Быстро уходить. Они в покое нас не оставят до тех пор, пока всех не перебьют. У них конница озверелая.

-Когда же армянин уходит из дома, гостя не встретив?- Арут улыбнулся.

Сепух посмотрел на него, как на умалишенного.

-С ума сошёл, брат Арут? Это такая огромная сила. Они нас перемолят, как зерно на мельнице.

-Не перемолят. Успеем от них уйти. Но... сперва встретим со всем почтением.

Арут подозвал своих сотников и при Сепухе и Эгояне приказал:

-Возьмите сто пятьдесят человек. Снимите с турок одежду и переоденьте в неё своих людей. Пятьдесят поставьте на батарею. Сто здесь, в низине.

После этих слов все обалдело вытаращились на Арута. Тот усмехнулся.

-Пусть думают, что здесь по-прежнему стоит турецкий пехотный полк.

Глава 20

26 июля. Продолжение.

Арут уединился с Сепухом и Эгояном под тенью одного из деревьев, растущих на склоне горы. Ещё не полдень, а солнце припекало всюю.

-В Эрзеруме был, - начал разговор Эгоян с мрачным лицом, - поверите - нет... ни одного армянина в городе не осталось. А ведь было двадцать тысяч. Ещё в окрестностях сколько... что турки с нашим народом делают?

- О моей семье ничего не знаешь, Ашот?- тихо спросил у него Арут.

-Ничего, брат Арут. Помню, твой тесть говорил, что хочет уйти в Карс. К русским. Наверное, туда и ушли. А может в Ван. Там тоже русские. Точно не скажу. Я сам еле спасся. Меня чуть турки не убили. Русский спас. Полковник. Луцев фамилия. Он и

помог сюда добраться. Прекрасной души человек. Он многим армянам помог. Переправил их за линию фронта. От смерти спас. Всегда буду помнить его доброту.

-А ты, Сепух?- Арут посмотрел на него.- О моей семье ничего не знаешь?

Сепух отрицательно покачал головой и ответил:

-У нас больше половины людей не знают, где сейчас их семьи. Людей выводили, строили в колонны и гнали... как скот. Или просто убивали на месте.

-Страшное творится вокруг нас, - поддержал его Эгоян, - турки совсем озверели. Послушал бы ты, что этот русский полковник рассказывал. Он несколько дней искал людей, которых из Эрзерума увели. Везде искал. У него дипломатическая неприкосновенность, вот и пропускали везде. Рассказывает, как подъехал к Хотурскому мосту, - Эгоян с каждым словом мрачнел всё больше и больше,- а там полно повозок перед мостом стоят. Никто не едет. Ну, он вышел из коляски, посмотреть, в чём дело. Говорит: глазам своим не поверил, когда увидел, что происходит. Течение несло мёртвые тела. Их было столько, что все двенадцать пролётов моста забились ими. Дамба из мёртвых тел получилась. Река по берегу пошла. Они полдня стояли и ждали, пока течение понемногу тела с моста не смыло. Говорит, спать после этого не могу. Всю жизнь воевал. Много видел, но такого кошмара - нет.

-Всем плохо, - тихо сказал Арут,- народ наш уничтожить хотят. В горле встанем у турков. Не пролотят. Подавятся.

-Таких, как ты и Сепух мало, брат Арут,- Эгоян тяжело вздохнул,- очень мало. В основном, люди боятся что-то сказать. Они знают турок и знают, что этим и причины не надо, чтобы убить, а если уж будет...не жди никакой пощады. И что они могут сделать? Рядом с ними жены, матери, дети...

-Ашот, к тебе есть просьба одна!

-Всё что угодно, брат Арут!

-Свяжись со своими в партии. Может, знают, что про мою семью?- попросил Арут.

-Всё сделаю. Не беспокойся. Будем искать везде. Только сразу говорю. Не скоро это будет и нелегко.

-Я знаю, - тихо ответил Арут,- война идёт. Кому легко сейчас?

-Ладно, - Сепух сменил тему разговора,- скажи лучше, брат Арут, что ты задумал? Почему не уходим?

-Почему не уходим?- Арут поднял на него взгляд. - Настанет время, пойдём.

-И когда настанет это время?

-В своё время узнаешь, Сепух!

Арут не стал дальше разговаривать, а встал и пошёл к своим людям. Многие лежали под деревьями и спали. Арут долго не искал. Две знакомые фигуры выделялись на общем фоне довольно отчётливо. Оба брата спали рядом, под деревом. Арут растолкал обоих. Те встали и начали протирать глаза.

-Что, турки?- сразу спросил Арсен.

-Пока нет!

-А чего разбудил?

-Скоро двинемся, - ответил Арут,- ты останешься здесь, Арсен. Твой брат прямо сейчас отправится. У него орудия. Ему тяжелее всех идти. Поэтому первым и

пойдёт.

Вазген отрицательно покачал головой.

-Я с братом!

-Нет. Ты сделаешь, как я говорю, - жёстко отрезал Арут,- соберёшь своих людей, орудия. Возьмёшь с собой ящиков десять снарядов и двинешься.

-Десять? Всего десять?- поразился Вазген. - Да наверху целый склад...а я должен взять всего десять.

-То, что наверху, там и останется, - снова послышался жёсткий голос Арута. – Они все понадобятся твоему брату. Пойдёшь первым. За тобой уйдут отряд Сепуха и наши две сотни. Твой брат с пятьюдесятью бойцами останется на батарее. С остальной сотней останусь я, и буду прикрывать отход Арсена с батареи.

Встретимся за Харасахом, если не нагоним вас. Всё понял?

-Так бы и сказал, что ты остаёшься, - проворчал Вазген поднимаясь.

Арут только головой покачал ему вслед. Он уже собирался уходить, когда услышал жалобный голос Арсена:

-Брат Арут!

-Что ещё?- Арут повернулся к нему.

-Ни одна форма не лезет на меня. Не знаю, что и делать...

-Возьми две.

-И правда! - удивился Арсен. - Как я сам об этом не подумал...

Часа через два сборы закончились. Первая группа фидаинов во главе с Вазгеном двинулась на восток. Следом за ними двинулись сотни Нерсеса и Гагика. За ними пошёл отряд Сепуха, насчитывающий двести бойцов. Арут проводил их взглядом, пока они не исчезли из вида. Затем сразу же приступил к делу. Он расположил бойцов так, чтобы даже издали в бинокль они были заметны. Затем отправил десять человек в уже пустой лагерь Сепуха. Эти десять должны были изображать отряд Сепуха, который отстреливается от турецкого полка. Потом подозвал Арсена и объяснил, что ему надо делать.

-Как только увидишь передовые ряды турок, - говорил ему Арут, - сделай несколько выстрелов по горе. Турки должны быть уверены, что здесь их часть, и она уничтожает фидаинов. Стрелять будешь из двух орудий. Держи их налегке, чтобы можно было сразу развернуть. Три спрячешь немного левее от батареи и опустишь ниже. А лучше, вкопай их в землю. Чтобы только одни дула торчали над землёй. И снаряды тоже в землю, рядом с орудиями. В общем, сделай всё, чтобы быстро и в упор отстреляться и сразу уйти. Понял меня?

Арсен кивнул и поспешил выполнять приказания Арута. А Арут пошёл на то место, где недавно сидели с Сепухом и Ашотом Эгояном. Кинул на землю мешок и, положив на него голову, заснул.

Он проспал очень долго. Лишь ближе к вечеру его разбудили. Всполоснув лицо водой, Арут, взяв с собой ещё одного бойца, поднялся на гору. Там он облюбовал себе наблюдательный пункт, с которого и начал вести наблюдение.

-Во время появились, - прошептал Арут, глядя, как турецкая конница ровными рядами неспешно приближается к ним. Один за другим, они появлялись из-за

поворота. Оторвавшись от бинокля, Арут посмотрел на небо. Было ещё светло, но небо становилось пасмурным. Его заволокли чёрные тучи.

-Чёрт, - прошептал Арут,- лишь бы не было дождя раньше времени. Иначе придётся уйти ни с чем.

А он этого очень не хотел. Неожиданно, приблизительно в полутора километрах от них, турецкая конница встала. Движение дивизии остановилось. Видимо, они тоже заметили тучи и собирались сделать остановку, привал.

-Такая остановка в мои планы не входит, - прошептал Арут.

Оторвавшись от наблюдения, Арут подозвал бойца, который поднялся с ним наверх.

-Беги-ка к Арсену и передай, пусть сделает несколько выстрелов.

Боец побежал выполнять приказ, а Арут снова стал наблюдать.

-Ну же, не стойте, - прошептал он,- здесь ваш лагерь, здесь лучше можно укрыться от дождя. Неужели это не ясно? А фидаи? Что фидаи? Они в ловушке! Передохните, выпьете горячий чай, а уж потом уничтожите их. Ну же, ведь это так просто! - Арут бы и дальше разговаривал сам с собой, но в этот момент раздался, один за другим, три выстрела. Чуть позже, на противоположной горе, раздался три взрыва. Оттуда сразу загремели в ответ выстрелы.

-Молодцы, - прошептал Арут,- так и надо. Вы защищаетесь. Ну же, разве вы не видите, что происходит? Вперёд...вперёд!

Турецкая конница словно услышала слова Арута. Они снова двинулись вперёд. И на этот раз пошли гораздо быстрее.

-Съели! - Арут буквально скатился с наблюдательного пункта и, перепрыгивая через камни, сразу побежал вниз. Он нашёл Арсена на батарее.

-Идут, - коротко сообщил Арут и приказал:- Начинайте незаметно перетаскивать орудия. Подпусти как можно ближе...только смотри, чтобы они орудия не заметили.

-Не заметят, - заверил его Арсен,- хорошо спрятали. Дула прямехонько на них смотрят.

-Хорошо, - Арут одобрительно кивнул головой, - начнёшь стрелять, сразу отсылай по несколько человек вниз. Чем меньше снарядов, тем меньше людей у тебя должно быть. Так мы быстрее уйдём. Понял?

-Понял. Не волнуйся, брат Арут. Всё сделаю как надо.

-Буду внизу ждать!

Арут пожал ему руку и, пригибаясь, побежал вниз. Там вся сотня стояла в форме турецких пехотинцев, готовая к бою.

-Готовьте коней, - ещё издали закричал Арут, скоро уходим.

Как гром среди ясного неба для турецкой дивизии стал первый выстрел, раздавшийся в их сторону. В следующую секунду пять орудий заработали на всю мощь, разрывая ряды дивизии. Истошные вопли, ржание лошадей, приказы офицеров,- всё перемешалось. Хаос охватил дивизию. Они не понимали, что происходит и несли серьёзные потери.

-Не думайте идти вперёд, - прошептал Арут, наблюдая в бинокль весь этот переполох. Прячьтесь...вот так!

Турецкие командиры видимо опомнились. Они начали отход, убирая полки из-под смертоносного огня.

-Правильно, - одобрительно прошептал Арут,- так даже будет лучше. У нас всё равно скоро закончатся снаряды.

Один за другим, начали появляться бойцы с батареи. Арут оторвался от наблюдения и пошёл по направлению к своему коню.

-По коням! - зычно скомандовал он. – Уходим!

Через несколько минут канонада стихла. И сразу же после этого появилась последняя партия людей с батареи. Последним прибежал Арсен. Арут его ждал верхом. Арсен вскарабкался на лошадь и с неописуемым восторгом закричал:

-Половину конницы положили, брат Арут...половину конницы!

-Потом расскажешь, - остановил его Арут,- надо уходить, пока турки не опомнились и не бросились за нами в погоню.

Едва они начали уходить, как небо совсем почернело. Хлынул сильный ливень.

-Не останавливаться! - закричал Арут, перекрывая шум дождя. – Вперёд!

Но и без его приказа все спешили покинуть место боя. Вскоре небольшой отряд ушёл, а турецкие командиры так и не дали команды выдвигаться вперёд!

Видимо, они чесали головы, пытаясь понять, что же происходило вокруг них.

Спустя двое суток отряды соединились и пересекли русскую границу. Радости людей не было конца. Все наперебой рассказывали о бое с дивизией. Арут, с еле заметной улыбкой, смотрел на встречу двух братьев. Как они смотрели друг на друга. Вазген всем своим видом показывал, что не переживал за брата. Но его выдавало непрекращающееся ворчание, которым он журил брата.

Отряды прибыли в окрестности Карса, где находился главный штаб армянских добровольческих отрядов. Здесь же находились некоторые руководители партий «Дашнакцютюн» и «Гнчак».

Фидаи из отряда Арута и Сепуха только и могли, что издавать хрипящий свист. Никогда, никогда они не видели столько армян вместе. Здесь находились около двадцати семи армянских добровольческих отрядов. Тысячи человек собрались под эти знамёна. Это была армия. Настоящая армия.

Арут, Сепух расквартировали своих людей и вместе с Эгояном направились в штаб. Привязав коней возле крыльца, где толпилось огромное количество вооружённых людей, они уже собирались войти внутрь, когда из штаба вышел человек в гражданской одежде. Увидев Эгояна, он подошёл к нему и крепко пожал руку.

-Тот самый полковник Луцев, - представил Эгоян своего знакомого на русском языке. И тут же представил своих спутников.

-Сепух! А это...Кес Арут!

Луцев сердечно пожал руку Сепуху, а потом повернулся лицом к Аруту и с явным любопытством взглянул на него:

-Тот самый?- он пожал протянутую Арутом руку. - Шайтан Арут?

Люди вокруг них начали оглядываться на Арута.

-Тот самый, - подтвердил Эгоян.

-Тут только о вас и говорят. Не думал, что...вы такой молодой.

-Ашот тоже о вас много рассказывал, - ответил Арут,- мы все здесь...обязаны вам. Не знаю...как...

-Не стоит, - Луцев поднял руку и слегка помрачнев, продолжил: - Зверства, чинимые турками, не могут никого оставить равнодушным. Вы уж поверьте, Арут, скоро вся Европа на них обрушится. Они ещё горько пожалеют о своих гнусных делах.

-Пожалеют или нет, мёртвых это не вернёт, - коротко ответил Арут.

-Да, не вернёт, - согласился Луцев, - и тем печальней понимать это. Ну что ж, рад был познакомиться с вами. Пора ехать обратно, в Константинополь.

-В Константинополь?- Арут посмотрел на Луцева и попросил: - Наедине можно поговорить?

-Конечно!

Попрощавшись с остальными, Луцев отошёл с Арутом в сторонку. Он был несколько удивлён просьбой Арута, не понимая, о чём тот может говорить с ним.

-Видите ли какое дело, господин полковник, - негромко начал Арут,- у меня есть к вам огромная просьба.

-Слушаю вас со всем вниманием!

-В Эрзеруме у меня была семья. Последний раз я их видел почти два месяца назад. У меня двое детей. Жена собиралась рожать третьего, когда я уехал. Я их, конечно, поищу здесь, но вдруг...вдруг их угнали турки?

Луцев сжал локоть Арута.

-Я сделаю всё, что в моих силах! Будьте уверены, Арут.

-Семья Констандяна из Эрзерума. У неё ещё трое братьев...неженатых. Молодые... мать, отец. У меня мальчик Ваан. Четыре года. Девочка Наринэ. Три года. И третий ребёнок...если это мальчик, то наверняка ...Артуш...если девочка...то Сирун. Жену зовут Мириам. Ей двадцать четыре года...пожалуйста господин полковник...если что-то узнаете...

-Обязательно дам знать. Обещаю, Арут!

-Спасибо! Огромное спасибо! - Арут с чувством пожал ему руку. После этого они расстались. А чуть позже Эгоян познакомил Арута со всеми командирами добровольческих отрядов.

А ещё двумя часами позже, все добровольческие отряды собрались перед штабом, где стихийно проходил митинг. Выступали командиры отрядов и представители партии. Все как один рассказывали о зверских убийствах и истязаниях армян турками. Все вокруг слушали эти выступления с потемневшими от гнева лицами. Со сжатыми кулаками. Нередко выступающих перебивали, дополняя сказанное клятвами уничтожить палачей. Митинг длился несколько часов, когда объявили им Арута.

-Кес Арут! Все мы слышали это отважное имя! Пусть наш брат выступит! Пусть скажет несколько слов!

Разговоры начали стихать по мере движения Арута к штабу. Многие вытягивали голову, стараясь увидеть одного из самых знаменитых армянских фидаи. Арут прошёл на крыльцо. Некоторое время он, молча, осматривал стройные ряды

вооружённых людей, а затем негромко заговорил. Но этого хватило, чтобы все его услышали.

-Две с половиной тысячи лет наш народ живёт на этой земле. Четыреста лет... четыреста лет турки уничтожают нас, поливаю эту землю нашей кровью. Им этого показалось мало. Они решили вырезать весь наш народ...до последнего человека. Они решили стереть с лица земли само слово «армянин». Сейчас, когда мы с вами разговариваем, десятки тысяч наших матерей, сестёр, дочерей, отцов, братьев и сыновей...бредут по нашей земле...изнеможенные, истощённые, измученные. Жизнь этих людей хуже смерти. Страдания этих людей неподвластны пониманию, ибо выходят за все границы человеческого разума.

-На всей земле, - продолжал говорить в полной тишине Арут,- на всей земле у нас нет других врагов, кроме турок. Они истязают наши семьи, уготовив им ад на земле. Отныне и до конца моей жизни объявляю этих палачей своими кровными врагами. Не успокоюсь до тех пор, пока последний из убийц ни будет предан смерти. Я знаю, что не во мне одном горит этот огонь ненависти. Я вижу перед собой людей, которые приехали со всех уголков земного шара. Вас привели сюда страдания армянского народа. Так соберёмся в один кулак и покажем всем, что мы можем, и будем сражаться! Будем бороться. Пока кровь бежит в жилах, пока сердце стучит... будем бороться. Будем бить наших врагов, бить и бить, пока не освободим эту землю...

Слова Арута потонула в криках.

-Вперёд! Вперёд!

ГЛАВА 21

15 августа 1915 года

Город Урфа

-Стоять! Стоять! Стоять!

Окрики разносились вдоль всей колонны. Люди один за другим останавливались и по правилам, введенным начальником конвоя, немедленно опускали головы вниз. Мимо них засновали солдаты. Вытянув руку, они пересчитывали заключенных. Через час после остановки начальник конвоя, офицер средних лет, получил от посланных солдат бумаги с цифрами. Офицер, хмуря брови, стал помещать все цифры в одну колонку. Произведя необходимые ему расчёты, он с досадой воскликнул:

-12387! Аллах, этот нечестивый народ слишком живучий!

Затем начальник конвоя подозвал одного из своих офицеров и передав ему данные, приказал:

-Отправить в Константинополь! Сводка по эрзерумским армянам!

После этого начальник конвоя долго стоял и размышлял, внимательно оглядывая лица людей. Вся колонна ждала его слов. Люди не знали, что он ещё придумает, да и, судя по их лицам, им это было совершенно безразлично.

Неожиданно его лицо осветилось довольной улыбкой.

-Снять... всем снять обувь! - закричал он.

-Снять обувь... снять обувь... - загремело вдоль колонны.

Не дожидаясь, пока люди выполнят приказ, солдаты били их прикладами, заставляя садиться на землю. В следующие несколько минут люди сняли свою обувь. Да и какая это была обувь... остатки, жалкие остатки обуви. Почти у всех обувь была изорвана. Но даже эти остатки спасали от касания ногами земли, которая была раскалена под палящими лучами солнца. И чем ближе становились пустыни, тем горячее становилась земля.

Как только обувь была снята, послышался детский плач. Нежные ноги не в состоянии были вынести жар камней мостовых города Урфы. Те из родителей, которые были в состоянии нести своих детей, взяли их на руки. Под угрозами и ударами прикладов винтовок плач вскоре стих. Раздавались лишь отдельные всхлипывания. Колонну погнали дальше, к выходу из города. Горожане, в основном женщины в паранджах, едва сдерживали слёзы при виде колонны.

Люди были истощены и сильно исхудали. Одежда... это была не одежда, а жалкие обноски, едва прикрывающие наготу. Кожа людей покрылась чернотой и полопалась от жары. Солнечные ожоги были у всех без исключения. При движении почти все сжимали пальцы ног, стараясь хоть как-то смягчить этот невыносимый жар, исходящий от камней. Но не произносилось ни единой жалобы. Всё принималось людьми как должное. Каждый в колонне знал, что пожаловаться - значит подписать себе смертный приговор.

Вот так они и шли. Голодные, мучимые жаждой, истощённые... под ударами прикладов и кнутов.

Едва колонна была выведена из города, как к начальнику конвоя подъехал тот самый офицер, который отправлял телеграмму. Он же вручил своему начальнику ответ из Константинополя. Наверху было написано: «Генеральное ведомство по депортации».

-Ваши действия недопустимо мягкосердечны. Немедленно примите меры к сокращению числа армян. Трупы не оставляйте на дорогах, а так же не допускайте к ним иностранных фотографов.

Прочитав телеграмму, начальник конвоя снова приказал остановить колонну. Когда приказ был выполнен, он проехался на своём коне вдоль всей колонны.

-Что же делать с этими собаками?- повторял он раз за разом достаточно громко, ничуть не заботясь о том, что его слышат эти самые «собаки».

Взгляд начальника конвоя упал на мелкие камни, разбросанные по обочине вдоль дороги. Он сразу же подозвал двух офицеров и, указывая на камни, приказал:

-Найдите мешки! Пусть эти собаки нагрузят их камнями, а потом взвалите им на спины и пусть несёт каждый двадцатый... нет... - начальник конвоя поскрёб затылок,- маловато будет...каждый десятый... а лучше каждый восьмой. Да, дайте нести камни каждому восьмому...

-Мухаррем бей, - раздался осторожный голос одного из офицеров, - они слишком истощены. Мешок с камнями нести здоровому человеку не под силу, а уж этим армянам...

-Эти собаки очень выносливые, - начальник конвоя усмехнулся, - пусть потрудятся. А то, только и делают, что бездельничают. Дайте им работу.

Снова раздались крики солдат. Людей начали строить по восемь человек в ряд. Вперёд, в первый ряд, выставляли самых выносливых на вид. В первый ряд попали все три сына Констандяна и...его жена. Сам он стоял в шестом ряду. Молчаливые слёзы медленно заструились по его глазам, когда его жену и сыновей вытолкали из колонны и погнали собирать камни.

Выбранных людей поставили вдоль дороги. Они стояли около часа, как и вся колонна, пока не подвезли мешки. Каждому из выбранных был вручён мешок. А затем, под бдительным взором самого начальника конвоя и окриками солдат, они встали на четвереньки и начали складывать в мешки камни.

Начальник конвоя постоянно перемещался возле них и кричал солдатам:

-Следите, чтоб мешки были полными...

Ещё два часа прошли. Мешки были наполнены камнями. Сразу за этим им приказали взвалить мешки на плечи. Но этот приказ оказалось мало кому под силу выполнить. Тогда в ход пошли кнуты. Солдаты заставляли людей помогать друг другу. Для этого понадобилось столько же времени, сколько ушло на собиранье камней. Наконец, колонна тронулась в путь. Около полутора тысяч людей с каждым шагом отставали. Они шли сгорбленные под невыносимой тяжестью мешков. Они даже пот не могли вытереть, который ручьём лился с них. Стоило кому-нибудь из них остановиться чтобы передохнуть, как тут же следовали удары плетьюми, заставляющие их двигаться дальше.

Из общей массы людей вышла женщина. Её лицо было изуродовано. Местами обгорелая кожа всё ещё не зажила. Но её глаза,...глаза горели ненавистным огнём. Прижимая к себе грудного ребёнка, женщина пошла в противоположную сторону. Солдаты, было, направились к ней, но начальник колонны махнул рукой, показывая, чтобы они не трогали её. Женщина подошла к матери, которая едва передвигала ноги под тяжестью камней. Взяв ребёнка в правую руку, левой она ухватилась за мешок...но почти сразу же раздался хриплый голос матери:

-Нет, Мириам. Уходи...

-Я помогу тебе, - Мириам никак не могла ухватить мешок одной рукой. Да и кому это было под силу. Но, несмотря на это, она не оставляла попыток. Солдаты, видя её безуспешные попытки, начали показывать на неё пальцем и смеяться. Но Мириам не сдавалась. Раз за разом она пыталась ухватить мешок. И каждый раз после такой попытки слышался глухой голос матери:

-Нет, доченька...пожалуйста уходи...оставь меня...

-Как мама...как?- шептала в ответ Мириам. - Как я могу уйти?

Несмотря на сильную истощённость, часть людей решила последовать примеру Мириам. И первым из них Констандян. Но его, как и остальных, тут же отогнали кнутами, не позволяя приблизиться к людям, несущим камни. Констандян, не переставая, плакал. Он шел, повернув голову назад, и каждый раз в появляющемся просвете колонны высматривал свою жену.

Мириам издала глухой стон, когда увидела, что горловина мешка врезалась в тело матери. С основания шеи потёкла струйка крови. Каждый шаг несчастной давался с

немыслимым трудом. Дыхание у женщины начало прерываться. Она захрипела, но всё ещё шла. Лицо у женщины посинело от натуги.

-Да брось ты этот мешок, мама! - изо всех сил закричала Мириам.

Начальник конвоя, Мухаррем бей, следил за поведением Мириам и услышал её крик. Он указал одному из солдат на неё.

-Плохой пример. Убери женщину с ребёнком. А старухе скажи...если она сбросит мешок, мы убьём её дочь.

Солдат в точности выполнил приказ. Сказав всё, что нужно было, он оттащил Мириам в сторону, несмотря на яростное сопротивление с её стороны. Прошло несколько минут, в течение которых матерью Мириам было сделано всего два шага. Издав хрип, она упала на дорогу, придавленная тяжестью мешка.

-Посмотрите, - Мухаррем бей показал на неё рукой.

Солдаты тут же нагнулись, а затем перевернули тело женщины. Глаза были открыты. Взгляд остекленевший.

-Мертва, - коротко сообщили.

-Выбросить, - Мухаррем бей был явно доволен тем, какие плоды приносило его решение, - и подальше от дороги.

Сквозь слёзы по нему полоснул взгляд, переполненный ненавистью. Мириам отвели в общую колонну. Она пошла не оглядываясь. Лишь чуткий слух улавливал глухие стоны, а вслед за ними...глухие удары. Люди, один за другим, умирали, не в силах выдержать тяжести своей ноши.

То и дело из колонны забирали людей, которые относили трупы в сторону от дороги и там оставляли.

Ближе к середине дня, когда больше не осталось никого из тех, кто нёс мешки, начальник конвоя дал приказ сделать остановку. Люди, измученные и изнурённые, падали прямо на дороге, под палящими лучами солнца. Они были не в силах даже в тень отойти.

Мухаррем бей снова подозвал одного из офицеров.

-Сколько дней мы их не кормили?- спросил он.

-Три дня!- последовал ответ.

-Три дня?- удивился Мухаррем бей. - А выпядят так, как будто только поели.

Подгоните-ка повозку с едой.

Сразу после его приказа появилась повозка, нагруженная хлебом. Начальник конвоя остановил её таким образом, чтобы все заключенные могли её видеть. Повозка стояла несколько минут перед голодными людьми, затем неожиданно стала разворачиваться.

Сотни рук потянулись в сторону повозки.

-Хлеба...дайте хлеба! - молили люди. - Пожалейте наших детей...они умирают от голода...пожалейте,... дайте хлеба!

Мухаррем бей усмехнулся.

-Конечно же, дадим, - пообещал он громким голосом, - обязательно дадим, но... только не сегодня...завтра дадим...а может и завтра не дадим...

-Хлеба...хлеба! - не переставали молить люди.

Повозка на их глазах развернулась и начала отъезжать. Несколько десятков человек из колонны, невзирая ни на что, бросились за ней следом. При этом они протягивали руки и шептали:

-Хлеба... хлеба...

По ним сразу открыли огонь. Солдаты стреляли в упор.

«Попытка бунта пресечена», - как выразился Мухаррем бей.

Оставшихся в живых отвели обратно в колонну. После этого снова последовал приказ:

«Двигаться!»

Пока людей поднимали, подъехала конная сотня солдат, возглавляемая офицером. Это было усиление, которое придали Мухаррем бей по его просьбе. До Алеппо оставалось совсем немного, но многие солдаты, не перенося палящую жару, попадали в госпиталя. Охрана постоянно сокращалась. Поэтому и была прислана ещё одна сотня.

Некоторые из колонны так и не смогли подняться. Они так и остались на земле. Они умерли от голода и лишений. Многие люди в колонне с завистью смотрели на лежащие мёртвые тела.

Один из новоприбывших солдат заметил эти взгляды. Он был потрясен ими. Живые завидовали мёртвым. Качая неопределённо головой, он занял место в цепочке, пуская лошадь медленным шагом.

Мириам, как ни странно, сразу заметила этого солдата. Её поразил взгляд турецкого солдата. Она увидела в его взгляде то, что не видела ни в ком, с момента выхода из Эрзерума - сострадание. Она нередко смотрела на него, хотя солдат не замечал её взглядов. Мириам наблюдала за его действиями постоянно. Он никого не бил. А если и поднимал кнут, то только для вида. Его удары проходились всегда мимо. У неё к нему сразу же возникло тёплое чувство.

«Не такой, как все остальные», - думала она, сжимая в объятиях дочь, которая время от время заливалась плачем. Ребёнок был голоден. Молока у неё не было. Да и откуда ему взяться, если четвёртый день шли без куска хлеба. Хорошо ещё воды давали иногда напиться. Глядя на солдата, Мириам думала о том, что, быть может, он согласится помочь принести молока для ребёнка.

Солдат тем временем и не подозревал, что вызывает такой интерес у женщины с обожжённым лицом. Он медленно ехал, погружённый в свои мысли. И изредка поднимал голову, слыша очередной окрик офицеров.

Солдат внезапно отвлёкся от своих мыслей. Сзади него послышался топот. Он сразу же повернул голову и... застыл, потрясённый увиденным.

Его лошадь наклала на дороге. Несколько человек стояли перед этой горкой лошадиного навоза. Больше того, они копошились в нём. Они вытаскивали из него семечки и тут же поедали их.

-Что вы делаете?- солдат был в ужасе от этого зрелища.

-Оставь их, - раздался голос Мухаррем бей. Он подъехал к солдату, довольно улыбаясь, - пусть едят лошадиное дерьмо. Так и они насытятся, и дороги останутся чистыми.

-Может хлеба дать?- осторожно спросил солдат.

-Ещё чего? Эти собаки и так разжирили на нашей доброте...

Когда Мухаррем бей отъехал, солдат пустил коня рысью, чтобы отъехать подальше от этого места. После этого он не раз замечал, как за лошадьми солдат бредут голодные люди, в ожидании момента, когда появится долгожданная еда. Он видел, как люди срывали траву с дороги и пихали её себе в рот.

-Да что же это происходит?- су плубокой горечью, тихо шептал этот солдат. Шаг за шагом колонна двигалась к Алеппо. Шаг за шагом обессиленные люди падали, не в силах идти дальше. Часто их оттаскивали от дороги и убивали. А иногда и патронов на них жалели, оставляя их умирать медленной смертью. Наступали сумерки, когда первые заключённые вступили в деревню, что находилась близ города Соуч. Колонну погнали к окраине и только там дали возможность устроиться на ночёвку.

Их изолировали сильной охраной от местных жителей, лишая возможности получить хоть какую-то помощь.

Мириам в темноте, которую едва освещал лунный свет, устроилась у стены полуразвалившегося сарая. Она убаюкивала ребёнка, пытаясь унять надрывный плач девочки. Но ничего не получалось. Ребёнок кричал не переставая. Дочь просила... она умоляла свою мать дать немного молока. Но молока не было. И ребёнок никак не успокаивался. Мириам охватила сильная тревога. Ребёнок посинел. Страшный признак. Мириам осознала, что теряет свою дочь. Ещё немного и она умрёт... её необходимо было срочно покормить. Время не было совсем.

-Задушить её?- раздался рядом с ней тихий голос отца.

И отец и дочь не замечали турецкого солдата, который остановился как вкопанный, услышав слова Констандяна.

Констандян опустил на колени перед дочерью и протянул руки.

-Я больше не могу смотреть на её страдания, - горестно произнёс он, - дай я задую её. Дай её мне, Мириам.

-Отец, - тихо произнесла Мириам. Она взяла его за руку одной рукой, второй по-прежнему пытаясь успокоить дочь.

Констандян уткнулся ей в ноги и зарыдал.

-Прости меня...прости...прости, Мириам...я не смог...не смог...мне было страшно...я не смог даже тогда...когда стреляли в моих внуков...не смог... когда моя жена и сыновья остались умирать на дороге...не смог...они страдали а...я, я бросил их...всех бросил...потому что боялся умереть...я не смог защитить свою семью...не смог... как я смогу жить, Мириам...как?

Плечи Констандяна сотрясались от рыданий. Вся его душа изливалась в этих непрекращающихся слезах. Мириам гладила его по голове, пытаясь успокоить.

-Отец...помоги мне,- неожиданно попросила Мириам.

-Я сделаю всё...всё, что ты скажешь,- Констандян попытался взять себя в руки и начал вытирать всё ещё капающие слёзы.

-Всё?

Слабый лунный свет осветил глаза Мириам. В них светилась...вера...вера и самоотверженность. Констандян был потрясён и не понимал этого взгляда, пока не услышал слова свои дочери.

-Помоги мне накормить дочь!

-Но как? Как?- прошептал в смятении Констандян. - Откуда мне взять молока? Везде охрана. Я не успею сделать и нескольких шагов...как меня убьют!

Вместо ответа, Мириам протянула ему правую руку.

-Мой ребёнок умрёт, если я его не накормлю. Её жизнь дороже моей. Помоги, отец...

-Что? Что?- закричал Констандян.

Сразу после этого раздались окрики солдат, приказывающих замолчать.

Ребёнок продолжал надрывно плакать. Мириам с нежностью поцеловала её в лоб и снова протянула отцу правую руку.

-Вскрой мои вены. Я накормлю её кровью.

-Нет, Мириам, нет...

-Отец...ты обещал помочь мне...

-Я не буду тебя убивать, нет,- с неожиданной твёрдостью ответил Констандян, - ты не выдержишь этого. Ты умрёшь, если я это сделаю,...пусть лучше моя кровь прольётся.

-Нет! - в голосе Мириам прозвучала непоколебимая твёрдость.- Сделай, отец или я снова назову тебя трусом.

-Мириам, - Констандян прижался губами к её рукам,- но как? Как? У меня нет ножа...нет ничего острого...как я это сделаю?

-Зубами отец.

-Зубами?

-Не медли, иначе она умрёт.

-Как ты скажешь, так и будет...так и будет...- в следующее мгновение Констандян вцепился зубами в протянутую руку дочери. Мириам издала стон, но тут же сжала зубы. Через несколько мгновений она с глубоким облегчением прижала кровоточащую руку к губам дочери. Всё ещё всхлипывая, девочка прижалась губками к материнской руке.

-Спасибо, отец, - прошептала Мириам, с любовью глядя на дочку, которая с таким упоением сосала материнскую кровь.

-Мириам! - Констандян сел рядом с ней и обнял, как когда-то в детстве. – Мириам, дочь моя. Я остался совсем один...совсем один. Но ничего...и мне недолго осталось...скоро я приду к вам...и может тогда мы сможем снова собраться вместе...

-Конечно, отец, конечно, - Мириам положила голову ему на плечо и закрыла глаза,- мы послушаем, как ты ругаешь маму...и как она в ответ незаметно строит тебе гримасы...

-А я ведь не знал, что она так делает...не знал...я никогда больше этого не увижу!

-Отец?

-Что, моя Мириам?

-Ты спасёшь мою дочь?

-Если это будет в моих силах, Мириам...

-Только дойди с ней до Алеппо. Там отдай её в какой-нибудь приют. Только так девочка выживет...

-Хорошо, Мириам. Хорошо. Всё будет хорошо... всё будет, как ты скажешь...

-И не забудь...отец, - Мириам уже с трудом давались слова. Глаза поневоле слипались. Неудержимо тянуло ко сну. – Не забудь...сказать...что это...дочь...Кес... Арута...он найдёт её...обязательно...найдёт. Скажи...дочь...Кес ...Арута...

-Скажу, Мириам...

-Обещай...что спасёшь...

-Мириам!

-Поклянись...мне...что моя...дочь...будет...жить...

-Я тебе клянусь! – раздался возле них голос.

Ни отец, ни умирающая Мириам, не могли понять, кому принадлежит дружеский голос. Рядом с ними появилась тень, а потом оба увидели, как перед Мириам на колени опустился солдат их охраны. О, Мириам сразу узнала его. Это был тот самый солдат.

-Ты жена Кес Арута?- тихо спросил он. - А у тебя в руках его дочь?

-Да...- только и могла выговорить Мириам. Полуоткрытые глаза смотрели на солдата.

-Жизнью своей клянусь тебе, что доставлю ребёнка его отцу!

Мириам дотронулась до его руки.

-Я верю... тебе... в твоих...глазах была...боль...- мелькнул счастливый луч в глазах Мириам, а в следующее мгновение её глаза закрылись. Констандян беззвучно плача, забрал ребёнка в свои руки.

-Подожди меня, – только и сказал солдат Констандян.

Солдат сразу направился к офицерской палатке. Там все веселились. Кашлянув, солдат обратился к одному из офицеров.

-Там женщина умерла. Ребёнок грудной остался, да и старик с ним, уже издыхает, собака. Отведу обоих подальше и пристрелю. Заодно заставлю старика тело дочери забрать.

Эти слова услышал Мухаррем бей. С довольным лицом он похвалил солдата.

-Молодец! Можешь завтра отдыхать весь день. Выбери себе какую-нибудь армянку и веселись целый день. Потом нас нагонишь.

Солдат кивком поблагодарил начальника конвоя и, попросив разрешения, ушёл. Прихватив с собой немного еды, он отправился обратно. Констандян убаюкивал ребёнка в руках. К его плечу привалилось тело Мириам. Солдат снова опустился перед ней на колени и взял её руку. Пульса не было. Мириам была мертва.

-Я скоро вернусь, а ты пока поешь, - солдат протянул свёрток Констандян. Тот в ответ отрицательно покачал головой.

-Возьми, прошу тебя. Тебе понадобятся силы...есть. Я скоро.

Солдат ушёл. Констандян, глядя на лежащую в руках внучку, раскрыл свёрток. В нём лежал хлеб и немного мяса. Желудок отказывался принимать пищу, но Констандян заставил себя съесть содержимое. Вскоре вернулся солдат. Кроме винтовки в руках у него была лопата.

-Дай мне девочку, а сам возьми дочь, - так же тихо, как и раньше, сказал он. Констандян молча передал ребёнка, а в следующую минуту взял на руки тело своей дочери и последовал за солдатом. Солдат вывел его за территорию охраны и

повёл в сторону опушки леса, видневшегося недалеко от них. Они шли до тех пор, пока лагерь не скрылся из глаз. Увидев, что они отошли достаточно, солдат остановился и осмотрелся. Шагах в двадцати стояло огромное дерево. Солдат направился туда. Констандян пошёл за ним следом. У дерева солдат остановился и повернулся к Констандяну.

-Положи дочь!

Тот повиновался. Нагнувшись, он бережно положил Мириам возле дерева. Солдат передал ему внучку. Констандян взял её на руки. Сразу после этого солдат бросил винтовку, снял с себя верхнюю часть формы и взялся за лопату.

-Где вы жили? – тихо спросил у Констандяна солдат.

-В Эрзеруме! - так же тихо выдал из себя Констандян.

-Похороним её так, чтобы она могла смотреть туда, где находится её дом.

Вслед за этими словами солдат начал копать могилу. Два часа он, не переставая, копал и копал. Закончив, он взял Мириам и с ней вместе опустился в могилу. Солдат бережно уложил её, и немного постояв над её телом, выбрался из могилы. Констандян стоял на краю могилы, пока солдат забрасывал её землёй. Слёз у него больше не было. Солдат не прекращал трудиться. Соорудив над ней бугор, солдат срезал несколько толстых веток и, достав из кармана верёвку, начал их перевязывать. Соорудив крест, он воткнул его у края могилы. Солнце уже поднималось с востока, когда он закончил. Солдат подошёл к винтовке и снял с неё штык. Затем подошёл к дереву и начал что-то вырезать. Закончив, он встал на колени, лицом к востоку и начал молиться. Констандян подошёл к дереву и прочитал надпись, сделанную на турецком языке.

«Во имя аллаха, не оскверняйте эту могилу!

«Здесь лежит прекраснейшая из женщин»

«И достойнейшая из матерей»

Закончив молиться, солдат поднялся и подошёл к Констандяну.

-Запомни это место, - сказал он, указывая на могилу, а потом, поднимая руку кверху, добавил: - Это дерево твоей дочери.

-Дерево Мириам, - тихо произнёс Констандян.

-Пора идти. Времени у меня немного. Надо будет возвращаться.

-Кто ты, солдат?- Констандян задал этот вопрос, с глубокой благодарностью глядя ему в глаза.

-Какое это имеет значение. Для вас я всегда буду оставаться тем, кого вы с ненавистью называете «Турок».

Вскинув винтовку за плечо, солдат взял у него из рук ребёнка и, повернувшись, зашагал в сторону деревни.

ГЛАВА 22

22 августа 1915 года

Город Карс. Российская империя.

Семья Аршавира Констандяна обедала, когда услышала за воротами конский топот. Вслед за ним раздался стук в дверь.

Констандян отправил десятилетнего сына открывать дверь. Мальчик открыл дверь и сразу залюбовался человеком, который пришёл к ним в гости. Человек был одет в серую форму. Форму перепоясывала португеза. Слева у него висела сабля. Справа кобура, из которой выплядывала рукоять револьвера.

-Кто пришёл?- раздался голос Констандяна.

-Дядя военный, – ответил мальчик.

-Военный?

Через минуту после этого возгласа, сам Констандян вышел из дома и подошёл к дверям. Он с удивлением смотрел на молодого военного.

-Я Арут!- негромко представился военный.

-Какой Арут?- не понял Констандян.

-Я женат на Мириам. Дочери вашего брата.

-Арут? Кес Арут?- Констандян в себя не мог прийти от изумления. Он бросился обнимать Арута и при этом постоянно приговаривал:- Какое счастье тебя видеть живым и здоровым. Цовик, Софа...- крикнул он жене и дочери,- накрывайте на стол...наш Арут приехал...какая радость...какая радость!

-Арут?- сразу раздалось два женских голоса, а вслед за ними показались дородная женщина и молодая, лет шестнадцати, девушка. Они тут же подошли к Аруту и по очереди обняли. Старшая с радостной улыбкой, а младшая...сильно краснея.

Арут был смущён столь тёплым приёмом. Он без вопросов и слов последовал за радушными хозяевами в дом. Стол был накрыт в течение нескольких минут.

Поставили всё, что только было в доме.

-Вино хорошее, Арут джан, - Аршавир Констандян кивнул на стоявший кувшин, - сам сделал. Вкус...просто с ума сойти.

Жена с дочерью тоже сели за стол. Сын стоял чуть в стороне и с явным любопытством смотрел на Арута.

Налили вино в чаши и молча выпили. Сразу после этого, Арут обратился с вопросом к Констандян.

-У вас нет вестей от брата?

-Нет. Ничего нет, - Констандян сразу расстроился, - сколько времени прошло. А от них ни одной весточки не получил. Не знаю, что и думать...

При этих словах Арут немного побледнел.

-Я надеялся, что хотя бы вы знаете, где они. Я уже не могу, - признался Арут с глубоким отчаянием,- не могу. Всюду их ишу,...всех спрашиваю. Никто ничего не знает. Как будто исчезли совсем. Сердце болит, дядя. А вдруг с ними что-то случилось? А вдруг они не перешли через границу? А вдруг их турки угнали куда-нибудь? Я с ума сойду от этой неизвестности...

-Ну, ну Арут джан, - приободрил его Констандян,- не стоит так расстраиваться. Вот увидишь, ты обязательно найдёшь свою семью.

-Дай-то бог. Дай-то бог, дядя Аршавир...но не будет мне покоя, пока не узнаю, что с ними. Ведь я даже не знаю, кто родился. Мириам была на сносях, когда я уехал. Не знаю, как прошли роды? Здоров ли ребёнок? Здоровы ли Мириам? Спать не могу...-

Арут расстегнул верхнюю пуговицу кителя.- Как глаза закрою, сразу Мириам вижу...протягивает ко мне руки и говорит: «Арут, что же ты бросил нас?» Невыносимо это...

Все молча смотрели на переживания Арута. Особенно дочь Констандяна, Софа. Она с такой нежностью и болью смотрела на него, словно понимала, что у того творится на сердце.

-Пойду я...пойду дальше искать. Может, кто знает, где они...

-Посиди, - Констандян удержал Арута,- первый раз видимся. Такой дорогой гость. Нельзя так делать, Арут джан. Посудим немножко. Расскажи, как живёшь? Что делаете?

-Воюем с турками. Что ещё делать?

Констандян налил вина в чашу Арута и, усаживаясь на своё место, с уважением произнёс:

-Как ты воюешь, мы все слышали. Мои соседи только и говорят о тебе. Кес Арут сделал это. Кес Арут разбил турок там-то. Мы все гордимся тобой, Арут джан. Все. Арут только покачал головой, а затем одним духом опорожнил вино.

-Всем помогаю, - сказал он, вытирая рукой губы, - только о своей семье ничего не знаю.

-Бог даст, узнаешь. Узнаешь. Всё будет хорошо, вот увидишь. Скоро все вместе соберёмся и будем праздновать. Будем целый месяц праздновать. Ни горя, ни печали, ни плохих вестей не будет. Только праздник. Выпьем за эти дни, Арут джан. Пусть они наступят побыстрее. Пусть больше никогда наш несчастный народ не узнает таких дней, как сейчас.

-Выпьем, дядя Аршавир. За это обязательно нужно выпить.

Арут вместе с ним снова выпил. После этого они ещё немного поговорили. Аруту чувствовал себя с ними очень хорошо. Он давно так не чувствовал себя. Но пора было возвращаться в отряд. Он встал и, поблагодарив, начал прощаться. Проводить его вызвалась Софа. Она проводила Арута до дверей и смотрела, как он вскочил на лошадь.

-Я буду молиться каждый день за твою семью, - с большим чувством сказала на прощание Софа,- и я буду молиться за тебя...Кес Арут!

Арут с признательностью кивнул девушке. А в следующую минуту дёрнул поводья, пуская коня лёгкой рысью. Софа ещё долго стояла и смотрела туда, где исчез всадник.

Арут неторопливо ехал обратно, в отряд. Мысли о семье отступили назад. Готовилось новое наступление на Эрзерум. Следовало обсудить все детали с руководством армянских добровольческих отрядов, которые находились в штабе русской армии. Арут этого ждал и готовился к нему очень долго. Его отряд, который уже насчитывал семьсот сабель, был прекрасно подготовлен. Все люди хорошо отдохнули. Кони были откормлены. Все ждали только одного - приказа к выступлению. Арут проигрывал в уме все возможные варианты развития будущего наступления. Он очень надеялся, что они скоро возьмут Эрзерум.

Размышляя таким образом, Арут подъехал к расположению штаба. Привязав коня к крыльцу, Арут собирался войти внутрь, но увидел Эгояна. Он поздоровался с

Эгояном. Тот смотрел на него как-то странно.

-Ты чего так смотришь на меня, Ашот?- поинтересовался Арут. – Что, объявили день наступления?

-Нет, брат Арут. Нет,- совершенно тихо ответил Эгоян.

-Тогда что?- Арут едва ли не кричал. Взгляд Эгояна выражал...глубокое сочувствие.

– Что, Ашот? Что случилось?

-В штабе тебя ждут!

-Ждут?- неизвестно отчего сердце Арута дрогнуло. Он почувствовал, что не в состоянии отворить дверь, находившуюся перед ним. Сделав усилие, Арут толкнул дверь и вошёл внутрь. Рядом с несколькими военными, которые сновали в комнате... сидел молодой парень с измученным лицом. Арут замер, не в силах верить тому, что видели его глаза.

-Ахмед? Брат?

Арут порывисто подошёл к молодому человеку и обнял его.

Немного позже, в штабе пехотного полка под командованием подполковника Заварзина, состоялось совещание с участием командования армянских добровольческих отрядов. Полк стоял на передовой линии, напротив турецких оборонительных позиций. По этой причине, было принято решение провести совещание именно в этом полку. Сам Заварзин и несколько его офицеров провели армянских командиров по окопам, к командирской землянке. То и дело всем приходилось пригибаться. Нет, нет, да и с турецкой стороны раздавались выстрелы. В землянке подполковник Заварзин пригласил всех подойти к карте, которая лежала развёрнутой на столе. Когда все подошли, Заварзин, указывая на линии в карте, заговорил. При этом его палец двигался то в одну, то в другую сторону.

-Здесь находимся мы. Здесь - турки. У них мощные оборонительные позиции. Они разбиты на два эшелона. Первый и второй. Что, несомненно, крайне осложняет поставленную командованием задачу. Прибавьте к этому, господа, интенсивный огонь. Турки рассредоточили на позициях несколько батарей. Огонь при необходимости может быть с той стороны...очень и очень плотный. Коротко говоря, если мы начнём наступление в таких условиях, они просто уничтожат всю нашу пехоту.

-Какой же выход предлагаете вы, господин полковник?

-Подполковник, - поправил задававшего вопрос Заварзин, и продолжал: - Выход один. Попросить командование подбросить орудий побольше. Мы должны хотя бы частично подавить вражеский огонь, прежде чем перейдём в атаку.

Пока все раздумывали над словами Заварзина, в землянке появился солдат.

Вытянувшись в стойку, он доложил:

-Там конница, ваше благородие!

-Где? – не совсем понял Заварзин.

-Позади нас. Похоже, идут на турок!

-Кто-нибудь понимает слова этого солдата? - Заварзин оглядел всех присутствующих, затем снова повернулся к солдату.- Какая ещё конница?

-Похоже армянская, ваше благородие. Только они так идут!

-Армянская?- переспросил Заварзин и тут же багровея, повернулся к армянским командирам: - Кто отдал приказ?

Те пожали плечами.

-Мы сами ничего не понимаем!

-Посмотрим!

Заварзин, а вслед за ним и остальные, вышли из землянки. Все до одного высунули головы из окопа. Многие чертыхнулись. Солдат оказался прав. Прямо на них несся крупный конный отряд. Всадники обнажили сабли, но не издавали ни звука.

-Кто это?- спросил Заварзин, наблюдая за приближением конницы.

-Это наши, - раздался голос одного из армянских командиров, - отряд под командованием Кес Арута.

-Того самого? Шайтана?

-Того самого!

-И кто ему отдал приказ?

Армянские командиры только и могли, что развести руками. Они знали не больше Заварзина. В следующую минуту короткий разговор пришлось прекратить и пригнуться. Конница приближалась к окопам полка. Один за другим, всадники с ходу перепрыгивали через окопы и с той же молчаливостью неслись дальше. Послышался грохот снарядов. Заработали пулемёты и винтовки. Турки открыли мощный огонь по коннице.

Заварзин, пригибаясь, побежал к наблюдательному пункту. Остальные следовали за ним. Добежав до него, Заварзин сразу приткнулся к биноклю. Он, не отрываясь, следил за развитием этой атаки и время от времени бормотал.

-Безумцы, безумцы... смерти ищут... как можно идти такими малыми силами на такие укрепленные позиции...

Оторвавшись от бинокля, он укоризненно посмотрел на армянских командиров.

-Вам следует научиться беречь людей, господа офицеры... Разве можно такую глупость сотворить?

Сделав замечание, Заварзин снова прильнул к биноклю.

-Эх ты! - сразу вырвалось у него. Он слегка подвигал локтями по земле, устраивая для себя более устойчивое положение для наблюдения, и вновь прильнул к биноклю.

Некоторое время офицеры наблюдали за Заварзиным, пытаясь угадать ход боя, но тот молчал совершенно. Только передвигал руки, чуть левее или чуть правее...

-Эх ты! - снова вырвалось у Заварзина.

-Что там происходит?- не выдержал один из офицеров.

-Что-то непостижимое для военной науки, - отозвался Заварзин, - если я не ошибаюсь... да нет, непостижимо... - Заварзин внезапно оставил бинокль, повернулся к офицерам и закричал:

-Штабс-капитан, немедленно трубите атаку! Конница разорвала первую линию обороны турок и движется ко второй...

ГЛАВА 23

25 августа 1915 года

Арут уже несколько часов сидел на кровати в доме Констандянов в Эрзруме. Это была та самая кровать, на которой всегда спали дети. В руках он держал разорванную куклу, которой когда-то играла его маленькая дочь. Вся комната, как и весь дом, была разграблена. Всюду валялись сломанные вещи, которые не имели никакой ценности. Постель, на которой он сидел, была вся изорвана. Видимо, кто-то искал в ней ценности. Но Арут не обращал внимания ни на что, кроме куклы, которую держал в руках. Он оторвался от неё только тогда, когда услышал в коридоре осторожные шаги. Амед молча прошёл в комнату, сел рядом с Арутом и положил руку ему на колено.

-Не знаю, что сказать тебе, - негромко произнёс он,- какие слова найти...не знаю, брат.

-Я бросил их, когда они больше всего во мне нуждались. И за это я себя никогда не прощу. Они страдали, а я...господи, как же тяжело жить!

Арут обхватил руками голову и начал качаться.

-Арут...брат...ничего не изменишь.

-Я найду Мириам и дочку, - глухо произнёс Арут,- найду их, даже если придётся перерывать всю Турцию.

-Арут, мне тяжело говорить это...но, брат...

-Тогда молчи, Ахмед. Молчи...я ничего не хочу слушать. Они живы. Живы. И я найду их.

-Когда отец утонул, я остался с Мириам. Шёл вместе с ней несколько дней. Помогал, как мог. Я бы не ушёл, если бы меня не выгнали...Я бы не оставил Мириам и твоего ребёнка, но...тогда я едва не умер. Всего несколько дней я пробыл с ними и едва не умер, так тяжело нести эту ношу. А она всего лишь женщина... и ребёнок...

-Замолчи, Ахмед! - Арут поднял на него тяжёлый взгляд. - Я не хочу слушать твои слова. Я найду их. Живых...

-Прости, брат, - Ахмед поднялся и направился к выходу. Остановившись на пороге, он дотронулся до сломанной двери, которая висела на одной петле.

-Я не говорил тебе о последних словах Мириам, потому что был уверен - ты обязательно уедешь. А это опасно. Очень опасно для тебя. Но раз ты решил...Ахмед повернулся к Аруту. «Передай,- сказала она мне, - передай моему Аруту, что я дала клятву от его имени - сжечь живьём убийцу его детей Шукри бея. Не будет мне покоя ни в жизни, ни в могиле, пока он не выполнит эту клятву».

Арут даже вида не подал, что услышал слова Ахмеда. Тот ушёл. А через несколько минут Арут спустился во двор. Там его ожидали оба брата, Вазген и Арсен. А так же Гагик и Ашот Эгоян. Все четверо сидели верхом на лошадях, но как только увидели Арута, сразу спешили.

-Всё приготовили?- коротко осведомился у них Арут.

Арсен снял с седла форму и протянул Аруту. Тот не стал медлить. И прямо на плазах у всех переоделся. Теперь перед всеми стоял молодой турецкий офицер.

Ашот Эгоян протянул Аруту документы.

-Здесь всё, что нужно. Лучев помог. Он будет ждать тебя на условленном месте.

-Хорошо!- Арут был краток.

Гагик мялся, мялся. А потом всё же не выдержал и заговорил с Арутом:

-Может, все пойдём? Отрядом? Или хотя бы меня с собой возьми...

-Нет! - непреклонно ответил Арут. - Это моё личное дело и только я поеду. Один.

Вы здесь нужны. Всё. Давайте прощаться.

Арут по очереди обнял каждого, затем вскочил в седло своего коня и направился к воротам.

-Ты вернёшься?- не выдержал Арсен, ты вернёшься, брат Арут?

Арут повернул голову и чуть выждав, кивнул головой.

Тем же днём колонна из Эрзерума достигла конечной точки депортации. Города Алеппо. Мухаррем бей остановил колонну у входа в город и подозвал единственного офицера, оставшегося в конвое. Когда тот подъехал, он с довольным видом приказал:

-Отправьте телеграмму.

Достав из кармана листок и карандаш, он, не слезая с лошади, пересчитал депортированных армян. На листке появилась цифра... 11. Один ребёнок, четыре девушки и шесть женщин. Такова была численность колонны, вышедшей из Эрзерума. Из девятнадцати тысяч, в живых остались только одиннадцать человек. Несколькими часами позже он получил ответную телеграмму следующего содержания:

«Поступил приказ о назначении вас начальником полиции Багдада. Надеемся, что и впредь вы будете так же усердны в деле борьбы с врагами империи».

Алеппо стал центром депортации армян. Со всех уголков страны сюда сгонялись остатки выживших людей и помещались в специальные караван-сарай.

Мухаррем бей сопровождал свою «колонну», когда навстречу попались несколько высокопоставленных чиновников. Один из них остановил колонну и подозвал к себе Мухаррем бея и, указывая ему на близстоящий караван-сарай, сказал:

-Поместите людей туда. Позаботьтесь о том, чтобы они имели всё необходимое.

Накормите их и не забудьте вызвать врачей, чтобы они осмотрели несчастных.

Все одиннадцать оставшихся в живых подняли головы. Они не понимали, что это за новая попытка.

-Это же армяне!- изумлённо воскликнул Мухаррем бей.

-Я знаю, что это армяне, - последовал ответ.

-Но вы не можете...- Мухаррем бей порылся в кармане и вытащил бумагу.

Показывая её этому человеку, он снова воскликнул: - Это приказ министра внутренних дел Талаат паши. Он предписывает уничтожить армян повсеместно и всеми способами.

Человек, говоривший с Мухаррем беем, некоторое время помедлил, потом подняв на него твёрдый взгляд, ответил:

-Можете передать министру, что я губернатор...а не палач!

Это был губернатор Алеппо, Джелаль Бей. Через несколько дней по приказу правительства он был снят со своей должности.

В ту минуту, когда происходил разговор Джелаль бея с Мухаррем беем, в приют созданный Красным крестом, вошли два человека. Пожилой, страшной худобы и молодой солдат турецкой армии, который держал в руках грудного ребёнка. Ребёнок плакал. В отдельном крыле приюта работали французские врачи. Именно туда и принёс ребёнка турецкий солдат.

Андани с нескрываемым удивлением смотрел на солдата, протягивающего ему ребёнка. Тот что-то сказал. Андани позвал Мари. Она с не меньшим удивлением смотрела на турецкого солдата с ребёнком на руках.

-Он просит помочь ребёнку и готов отдать все свои деньги, если мы не откажем ему,- перевела Мари слова солдата.

Андани кивая головой принял ребёнка и, уложив на стол, аккуратно развернул одеяло, в которое он был укутан.

-У малышки сильный жар, - негромко произнёс Андани, не переставая осматривать девочку,- сильно истощена. А так, ничего опасного. Скажите, что мы вылечим её, но для этого потребуется много времени. Она должна остаться здесь, пока не поправится. И... узнайте её имя... Мари.

Мари перевела слова Андани солдат, тот сразу ответил.

-Что?- Андани оглянулся на изумлённое лицо Мари.

-Он говорит, что девочку зовут Сирануш Аюпян!

-Армянка?- поразился Андани. - Он армянку принёс?

Мари снова переспросила. Солдат снова кивнул.

-Поразительно... просто поразительно!- пробормотал Андани.

-Он ещё говорит, что останется неподалёку, пока девочка будет выздоравливать,- снова перевела Мари.

-Надо же, как беспокоиться,- пробормотал под нос Андани, - удивительно... просто удивительно...

Оставив пожилого человека возле ребёнка, солдат отправился осматривать приют. Он смотрел на сестёр в белых халатах с красными крестами и видел в ответ настороженные взгляды. Так перемещаясь, солдат забрёл в огромный зал. Там находилось не менее четырёхсот детей. Многие жались в угол, когда он проходил мимо них. Солдат с каждой минутой мрачнел всё больше и больше. Он уже собирался покинуть зал, когда увидел сестёр с подносами. На подносах лежал тонко нарезанный хлеб. Сёстры начали раздавать хлеб. Дети с жадностью хватали заветные куски и тут же отправляли их в рот. Было заметно, что это зрелище расстроило солдата. Кушая хлеб, дети бойко говорили на греческом и ещё каком-то непонятном для солдата языке. Солдат от начала до конца проследил раздачу хлеба. С пубочайшим гневом он смотрел на сестёр милосердия. И тому была причина. Отдельно в зале сидели на корточках и просто лежали возле стен на голом полу около ста детей. Этим детям по непонятной причине сёстры ничего не дали. Возмущённый такой несправедливостью, солдат бросился к одной из сестёр милосердия, у которой оставались на подносе куски хлеба и... буквально вырвал его из её рук со словами:

-Как можно быть такими... дети ведь голодные!

Мари стояла в проходе и видела порыв турецкого солдата. Он стала следить за его действиями.

Солдат подошёл к детям, которым не досталось хлеба, и встал на колени перед ними. Дети были истощены. Он брал с подноса хлеб и вкладывал в руки детям. Он делал это, перемещаясь на коленях.

-Ешьте,- тихо говорил он,- ешьте!

В ответ на это дети с совершенным безразличием начали выбрасывать хлеб. Солдат замер. Ни один из детей не принял хлеб. Ни один. Все его выбрасывали.

Сзади на его плечо опустилась рука Мари.

-Родителей этих детей убили на их же глазах. Мы ничего не можем сделать. Они отказываются от еды. Сидят и ждут своей смерти.

Солдат, пошатываясь, встал. А в следующее мгновение бросился вон из этого зала.

4 сентября 1915 года в один из публичных домов Алеппо вошёл молодой турецкий офицер. Пока звали владельца заведения, офицер осматривался. Вокруг него собрались девушки от двенадцати до восемнадцати лет. Их было не менее ста. Одного взгляда хватало, чтобы понять какой национальности все эти девушки. Скулы у офицера играли. В глазах сверкала ярость, когда он смотрел на полуобнажённых девушек с заплаканными лицами.

-Эфенди, - раздался позади него ласковый голос. Офицер повернулся. Перед ним стоял пожилой турок и лъстиво улыбался.

-Кого желаете, эфенди? Есть девственницы по небольшой цене.

-Армянки?- вопрос был задан на чистом турецком языке

-Да. Армянки.

Офицер едва сдерживался. Но чуть позже произнёс почти безразличным голосом:

-Шукри бей просил меня приехать и привезти немного денег для вас и немного для него,- с этими словами офицер достал из кармана несколько золотых монет. Глаза владельца алчно загорелись. Арут высыпал монеты в подставленные руки.

-Так, где он?

-На втором этаже. Третья дверь слева, - хозяин заведения сразу куда-то ушёл.

Видимо прятать полученные деньги. Офицер же направился в указанном направлении. Указанная хозяином дверь была полуоткрыта. Из неё доносились глухие стоны. Офицер осторожно вошёл внутрь. Прямо напротив стоял стол. Всё остальное скрывала широкая занавесь. Офицер откинул занавесь и прошёл внутрь. В углу стояла широкая кровать. На ней лежала обнажённая девушка с кляпом во рту. Руки у неё были привязаны к кровати. Сверху на ней лежал обнажённый мужчина. Раз за разом он вторгался в неё.

-Шукри бей?

Мужчина на мгновение остановился и повернул голову назад. Увидев турецкого офицера, он махнул рукой.

-Да, это я. Подожди за дверью. Я скоро закончу.

Он собирался продолжить, но в это время офицер подошёл к нему и, схватив за волосы, приподнял его и швырнул на пол перед собой. Девушка смотрела на турецкого офицера широко открытыми глазами, в которых светилось изумление.

-Клянусь...- начал было Шукри бей, пытаясь приподняться, но тут же получил удар ногой в лицо. Он снова опрокинулся на пол. А в следующую минуту в его горло упёрлось острое сабли. Шукри бей смотрел на офицера удивлёнными глазами. В его глазах начал появляться ужас, когда он услышал армянскую речь. Не убирая с его горла шпаги, офицер потянулся и развязал узел, приковывающий девушки к кровати. Когда она поднялась с кровати, он вытащил у неё изо рта кляп и спросил на армянском:

-Есть здесь лампа с маслом?

Девушка кивнула.

-Принеси. Только тихо.

Девушка накинула на себя халат и выбежала из комнаты.

-Тебе нужны деньги?- с надеждой спросил Шукри бей.

Вместо ответа офицер убрал саблю и, схватив за волосы, бросил его на кровать.

Шукри попытался было сопротивляться, но получил несколько сильных ударов рукой в лицо. Он упал ничком на кровать и, схватив сломанный нос, из которого хлестала кровь, застонал. В этот момент прибежала девушка с лампадой.

-Что?- негромко спросил офицер, нагнувшись над Шукри беём. - Больно? Это тебе не женщин мучить и детей стрелять. Здесь надо как мужчина сражаться...мразь...

В следующие минуты руки Шукри бея привязали той же верёвкой, которой он привязывал девушку. В рот ему засунули кляп. Затем его же ремнём офицер стянул ноги Шукри бея и привязал к другой стороне кровати. Так он и остался лежать. Обнажённый и привязанный. С глубоким ужасом глядя на своего мучителя. Но это было ничто, по сравнению с тем, что с ним стало, когда он услышал последние слова своего мучителя.

-В нашем народе есть обычай, - негромко произнёс офицер,- муж всегда выполняет обещание, данное его женой. Помнишь её слова, Шукри бей? Помнишь женщину, которой ты изуродовал лицо? Помнишь детей, которых ты убил? Да...да,- офицер кивнул головой, когда увидел, как расширились глаза Шукри бея, и он начал вырываться. – Ты прав. Я муж этой женщины. Я Кес Арут!

Арут взял из рук девушки горящую лампаду и, размахнувшись, швырнул её в лицо Шукри бея. Лампада разбилась. Масло начало растекаться по лицу и мгновенно вспыхнуло. Раздались глухие стоны. Всё тело Шукри бея начало дёргаться. Огонь охватил постель, на которой он лежал. С минуту Арут стоял и смотрел на агонию Шукри бея, а потом повернулся к девушке и коротко бросил:

-Уходите из этого мерзкого места. Скоро здесь всё сгорит!

Когда Арут вышел из притона, там уже раздавались истошные крики хозяина. Из окна выбивалось пламя. Девушки хлынули наружу, спасаясь не столько от огня, сколько от неволи.

Арут сел в крытый экипаж, стоявший за углом. Через четверть часа он постучался в дверь жёлтого особняка. Ему сразу открыли дверь. Человек, встретивший его, сразу проводил его в гостиную. Там его уже ждал Луцев. При виде Арута, он поднялся.

-У меня плохие новости!- коротко сообщил Луцев, с сочувствием глядя на Арута.

Арут был готов к этому. Но всё равно не смог сдержать своих чувств и рухнул на стул.

-Из Эрзрума в Алеппо пришли только одиннадцать человек. Все остальные умерли. Одна из выживших женщин и рассказала всё. Она хорошо помнила твою жену, которая вступилась за честь её дочери. Их убили возле Урфы. Один солдат отвёл их в лес и застрелил. Твою жену, дочь и ещё какого-то пожилого мужчину. Вероятнее всего, это был её отец.

- Я остался совсем один, - прошептал Арут, - совсем один.

Глава 24

12 октября 1915 года

Константинополь. Российское посольство.

-Действия в отношении армянского народа осуществлены. Армянского вопроса больше не существует!

Зиновьев оторвался от чтения, чтобы бросить взгляд на вошедшего Луцева.

-Этими словами Талаат паша открыл заседание правительства,- продолжал диктовать Зиновьев, телеграфисту,- на заседание присутствовали представители германской дипломатической миссии. Как стало известно, специально созданный отдел по депортации армян вёл строгий учёт предпринимаемых мер. Одна из которых предусматривала приём данных от всех начальников конвоев. Каждые две недели, - продолжал диктовать Зиновьев,- начальники конвоев должны были отсылать сводки о количестве погибших армян. И это правило неукоснительно соблюдалось. Приведены цифры об общем количестве умерщвлённых в результате действий правительства в вилайетах: Ван, Себастья, Эрзерум, Диарбекир, Харберд, Киликия, Западной Анатолии, а так же...некоторых других областей Османской империи. Жертвами политики младотурецкого правительства стали 1.000.000 армян. Как заявляет Талаат паша: «В ближайшие месяцы оставшиеся в живых армяне будут депортированы в пустыню, где созданы для этой цели концлагеря».

Продиктовав телеграмму, Зиновьев взял папку с документами под мышку и пожал руку Луцеву.

-Давно приехали, Луцев?- спросил он, выходя вместе с ним из комнаты.

-Утром!- ответил Луцев. - Я на несколько часов. Снова уезжаю. Поеду в Алеппо.

Там возникли некоторые вопросы, требующие моего присутствия.

-Жаль. Мне признаться, не хватает вашего общества, - откровенно признался Зиновьев.

Луцев улыбнулся.

-Мне тоже!

-И что ж, прямо сейчас уезжаете? Может чаю перед дорогой?

-С удовольствием!

-Тогда пойдёмте!

Зиновьев проводил Луцева в свой кабинет, а чуть позже появился и чай с пряниками. Прежде, чем приступить к чаепитию, Луцев положил на стол Зиновьева связку бумаг и попросил:

-Сохраните до моего приезда!

-Что это?

-Заметки. Некоторые документы. Свидетельства людей, с которыми мне довелось беседовать за эти несколько месяцев.

-Взглянуть можно будет?

-Почему же нет? Мне нечего от вас скрывать!

-Благодарю вас!

-Не стоит, милостивый государь. Да и подумайте, прежде чем читать эти документы,- посоветовал Луцев,- это не каждому под силу.

-Что вы имеете в виду, Луцев?

-Содержимое, господин Зиновьев. Там описываются события, которые, поверьте, далеко не каждому под силу не то чтобы осмыслить, а просто прочитать. Поэтому, подумайте, прежде чем откроете хотя бы один из этих документов.

-Вот уж не думал, что вы такого мнения обо мне. Я не робкого десятка, господин Луцев. Смею вас уверить в этом.

-Я знаю. Иначе посоветовал бы вам вообще не притрагиваться к этим документам.

-Вот как?

Зиновьев неизвестно отчего, слегка побледнел. Последние минуты встречи прошли в полном молчании. Выпив чай, Луцев попрощался с Зиновьевым и уже собирался уходить, как что-то вспомнил и полез в карман костюма. Вытащив оттуда не запечатанное письмо, он передал его Зиновьеву.

-Просили передать в личные руки министра иностранных дел!

Зиновьев взял письмо и положил сверху на документы, полученные от Луцева.

После его ухода, Зиновьев не раз поглядывал на стопку принесённых бумаг, но так и не решался открыть. Потом появились дела, и он отвлёкся от этих мыслей. Ближе к вечеру, когда со временем стало посвободней, он снова начал посматривать на документы. Потом, видимо, приняв решение, передвинул их в центр стола перед собой...а затем открыл незапечатанное письмо, предназначенное для министра иностранных дел и начал просматривать его.

Из письма доктора Завриева министру иностранных дел Сазонову

Вашему высокопревосходительству известно в общих чертах о невыносимом положении, какое создалось для армян в Турции.

Получаемые постепенно подробности выясняют нам глубоко мрачную картину:

1. В течение весны и лета этого года почти во всей турецкой армии особыми приемами, частично, но без послабления, вырезаны почти все армяне, забранные в солдаты. Погибло таким образом много десятков тысяч мужчин в лучшем возрасте.
2. Почти из всей Киликии, Зейтуна и Сиваса изгнано поголовно все армянское население. Из него была выделена большая часть более молодых мужчин, которых куда-то угнали. О судьбе их нет сведений, и их, без сомнения, убили. Все остальные без исключения были погнаны пешком, без какого-либо имущества, в Месопотамию. Огромная масса женщин и детей падала от изнурения, тонула, переходя реки, и погибала от голода и жажды. Отстающих безжалостно убивали. Молодых девушек куда-то уводили. В Месопотамии их хотят будто бы расселить между кочевниками. Весьма большое число их уже приняло ислам.

3. Западная часть Эрзерумского вилайета и часть Харпутского и Диарбекирского пока еще мало пострадали, но очередь, вероятно, дойдет и до них.

4. Город Муш и вся роскошная Мушская долина превращены в развалины: сожжены большинство домов и все церкви и монастыри. Население вырезано, кроме тех, которые успели бежать в горы Сасуна. Весь Сасун пока уцелел, но он окружен курдами и войсками. Люди мужественно держатся, но у них уже не хватает патронов. Провизия тоже на исходе. Таким образом, гордый Сасун скоро падет, если не подоспеет помощь.

5. Около 200 тысяч армян хлынули в Закавказье и Эриванскую губернию.

Очевидцы, посылающие оттуда телеграммы, не могут без слез описывать всего, что творится в этой голодной, нестройной человеческой массе, оставшейся без врачебной помощи и нуждающейся решительно во всем.

Холера и другие эпидемии уносят ежедневно более трехсот человек. Телеграфируют, что сотни трупов остаются непогребенными за неимением ни материальных средств, ни нужной организации. Гибель этих несчастных людей неизбежно рождает угрозу разноса эпидемии по всему Кавказу, по мере распределения беженцев по деревням...

Армянский народ в Турции обрекается на погибель.

Вашему высокопревосходительству известно, кто является вдохновителем и руководителем всего происходящего и за что против этого народа так разъярились германо-турки. По счастью, пока еще не всюду им удалось осуществить свой злой умысел.

У армянского народа нет иного защитника, который мог бы что-либо сделать, кроме России...

В тревожном сомнении и в положении человека, лишаящегося последних душевных сил и веры в святость руководившей им идеи, я обращаюсь к Вам, ища опору в Вашей человечности и Вашем сознании государственного интереса России, связанного с сохранением армянского народа...

Зиновьев сложил письмо и сунул его в ящик с документами, подлежащими немедленной отправке. А после этого, не раздумывая, решительно разорвал тесёмки связывающие стопку документов, принесённых Лушевым. Зиновьев включил настольную лампу. Свет падал на стол. Он разложил перед собой документы и погрузился в чтение.

Из рассказа двух сестер милосердия, служивших в германской военной миссии в Эрзруме

В марте 1915 г. мы узнали от одного врача-армянина, который позднее умер от тифа, что турецкое правительство готовится к проведению резни армян в широком масштабе. Он просил нас узнать у генерала Пассельта, правилен ли этот слух. После этого нам сообщили, что генерал (один из блестящих офицеров) также имел опасения по этому поводу и по этой причине просил освободить его от занимаемого

поста... Мы заболели тифом и вследствие некоторых изменений в обслуживающем персонале госпиталя были вынуждены покинуть Эрзрум.

Благодаря любезной услуге германского консула в Эрзруме, который пользовался у армян уважением, мы были приняты на работу в Красный Крест в Ерзнка и работали там семь недель.

В начале июня глава миссии Красного Креста в Ерзнка хирург А. рассказал нам, что в Ване восстали армяне, и против них были приняты меры, которые могут вылиться во всеобщее истребление армян, а также, что все армянское население Ерзнка и окрестностей будет отправлено в Месопотамию, где они уже не составят большинства, как это было здесь. Однако никакой резни не предполагается, и должны быть приняты меры для питания высланных и обеспечения их личной безопасности с помощью военного эскорта. Он сказал, что, как сообщают, в Ерзнка были обнаружены вагоны, груженные оружием и бомбами, и что многие будут арестованы. Персоналу Красного Креста запрещено иметь какое-либо касательство к высланным, а также совершать любые экскурсии пешком или верхом за пределы определенного радиуса.

После этого населению Ерзнка была предоставлена отсрочка на несколько дней для продажи своего имущества. Как и следовало ожидать, продажа производилась по смехотворно низким ценам. В первую неделю июня отправилась первая партия; богатым людям разрешалось нанимать экипажи. Они должны были поехать в Харберд. В последующие три дня отправились другие партии высланных, у которых детей взяли на воспитание в мусульманские семьи; позднее власти решили, что впредь дети также должны идти в изгнание.

Семьи армян, работавших в нашем госпитале, в том числе и больная женщина, должны были следовать вместе с остальными. Протест доктора Нейкирха, который лечил эту женщину, не оказал никакого воздействия. Ее отправка была отложена лишь на два дня. Солдат, прикрепленный к нашему госпиталю в качестве сапожника, сказал медицинской сестре Б : «Мне уже 45 лет, и все же я взят на военную службу, хотя я регулярно каждый год платил налог за освобождение от военной службы. Я никогда не делал ничего, что было бы направлено против правительства, а теперь они забирают от меня всю мою семью, мою семидесятилетнюю мать, жену и пятерых детей, причем я даже не знаю, куда их отправляют». Он особенно волновался при мысли о своей полуторагодовой дочери: «Она такая ласковая. У нее такие прелестные глаза». Говоря это, он плакал, как ребенок.

На следующий день он пришел опять: «Я знаю правду. Они все погибли». И это было действительно так...

Впоследствии солдаты нам рассказали, как беззащитные армяне были убиты все до одного. Бойня продолжалась 4 часа. Женщины становились на колени, бросали своих детей в Евфрат.

«Это было ужасно, — сказал один молодежавый солдат. — Я не мог стрелять, я только притворялся». Мы часто слышали, как турки выражали по этому поводу неодобрение и сожаление. Солдаты рассказывали нам, что были приготовлены повозки с волами, чтобы сбросить все трупы в реку и уничтожить следы резни.

На следующий день состоялась настоящая облава в пшеничном поле (пшеница осталась на поле и многие армяне прятались в ней).

Начиная с этого времени, непрерывно прибывали партии высланных, направляемых на бойню; у нас не было сомнений относительно их дальнейшей судьбы после единодушных свидетельств, которые мы получали из разных мест. Позднее наш кучер-грек рассказал, что эти жертвы со связанными за спиной руками, были сброшены в реку с отвесных скал. Такой метод применялся в тех случаях, когда число жертв было слишком велико для того, чтобы можно было избавиться от них какими-либо другими способами. Кроме того, облегчалась работа убийц. Сестра Б. и я сразу начали, конечно, думать о том, что мы можем сделать, и решили поехать с одним из этих конвоев в Харберд. Мы еще не знали тогда, что по приказу правительства резня совершается в пути следования, и полагали, что сможем умерить жестокость жандармов, а также предотвратить нападение курдов, поскольку мы говорим на курдском языке и имеем некоторое влияние на них. Затем мы телеграфировали консулу в Эрзерум о своем увольнении из госпиталя и настаивали на том, чтобы он в интересах Германии приехал в Ерзнка. В ответ он телеграфировал: «Мой пост невозможно покинуть. Жду австрийцев, которые должны проехать здесь 22 июня...».

Вечером 17 июня мы пошли на прогулку с г-ном К., аптекарем штаба Красного Креста. Он, как и мы, был потрясен совершавшимися жестокостями и очень ясно выражал свое мнение по этому поводу. Он также уволился с работы. Во время прогулки мы встретили жандарма, который рассказал, что в десяти минутах ходьбы сделала привал большая партия высланных из Баберда. Он рассказал нам с ужасающей правдивостью, как истребляли этих людей и одного за другим бросали в пропасть ущелья: «Kesin, kesin, geliorlar» («Убивайте, убивайте, идут»). Далее он сказал о том, что во всех селениях насиловали женщин и что сам он тоже хотел изнасиловать девушку.. Он описывал, как раздробляют головы детям, когда они плачут или мешают идти. «Там лежали три обнаженных трупа девушек. Я похоронил их, чтобы сделать доброе дело», — так закончил он свой рассказ.

На следующий день рано утром перед нашим домом прошла колонна высланных, направляясь по шоссе, ведущему в Ерзнка. Мы последовали за ними, не отставая, до выхода из города, что заняло около часа. С нами шел г-н Ж. Это была большая партия, но в ней насчитывалось всего двое или трое мужчин, остальные были женщины и дети. Многие женщины походили на сумасшедших. Они кричали: «Пощадите нас, мы станем мусульманами, немцами или тем, чем вы желаете, только пощадите нас. Нас ведут в Камах-Богаз, чтобы перерезать нам горло», — и они делали выразительный жест. Другие молчали и терпеливо шли с несколькими узлами на спине и детьми на руках. Некоторые умоляли нас спасти их детей. Приходило много турок, чтобы взять детей и девушек с согласия их родителей или же не спросив у них. Времени для раздумывания не было, т. к. конные жандармы, размахивая своими плетками, безостановочно гнали толпу. На окраине города дорога в Камах-Богаз ответвлялась от главного шоссе. В этом пункте произошло то, что обычно бывает на рынке для продажи рабов. Мы также взяли маленькую девочку и семью из шестерых детей в возрасте от трех до четырнадцати лет. Все они

уцепились за нас. Девочку мы тут же отдали на попечение нашей поварихе-турчанке. Она хотела взять ребенка на кухню, в частный дом доктора А. и держать его там до тех пор, пока мы вернёмся за нею, но ассистент доктора избил и вытолкала девочку на улицу. Тем временем толпа страдающих и агонизирующих людей с криками продолжала свой путь, а мы вернулись в госпиталь со своими шестью детьми. Доктор А, разрешил держать их в нашей комнате пока мы упаковывали свои пожитки; их покормили, и они стали успокаиваться. «Теперь мы спасены», — воскликнули они, когда мы взяли их. Они отказались сходить с наших рук. Самый младший из них, сын богатого жителя Баберда, лежал калачиком, завернутый в плащ матери; его лицо распухло от плача и, казалось, невозможно было успокоить его. Однажды он бросился к окну и, показывая на жандарма, закричал: «Вот человек, который убил моего отца». Дети отдали нам свои деньги— 475 пиастров (около 4 фунтов стерлингов), которые им дали родители в надежде, что, быть может, хотя бы их дети не будут расстреляны.

Затем мы поехали в город, чтобы получить разрешение взять с собой этих детей. Нам сказали, что власти сейчас находятся на совещании и решают судьбу только что прибывшего конвоя. Тем не менее, сестре Б. удалось поговорить с одним знакомым ей человеком, который разрешил ей взять детей с собой и посоветовал дать им фальшивые имена в паспорте. Этого нам было достаточно, и, возвратившись в госпиталь, мы в тот же вечер переехали с нашим багажом, детьми и всем, что у нас было, в гостиницу в Ерзнка. Санитары-турки в госпитале хорошо отнеслись к нам. «Вы сделали доброе дело, взяв этих детей»,— говорили они.

В гостинице на 8 человек мы смогли получить только одну маленькую комнату. Ночью раздался ужасный стук в нашу дверь. Кто-то спросил, здесь ли живут две немки. Затем все опять стихло к величайшей радости маленьких обитателей нашей комнаты. Первым вопросом детей было, согласимся ли "мы с тем, чтобы их сделали магометанами. Является ли наш крест (красный крест сестры) таким же, как и их крест? После этого они успокоились. Мы оставили их в комнате, а сами пошли выпить чай в кафе гостиницы. Мы заметили, что несколько выписавшихся из нашего госпиталя больных, которые всегда старались показать свое расположение к нам, вели себя так, будто не узнают нас. Хозяин гостиницы начал разплагольствовать. «В Константинополе,— говорил он, — принято решение о том, что эти женщины и дети должны умереть». Вошел также турецкий ходжа из нашего госпиталя и, между прочим, сказал нам: «Если бог не имеет жалости к ним, почему же вы должны их жалеть? Армяне совершили зверства в Ване. Это произошло потому, что у них плохая религия. Мусульмане не должны были следовать их примеру, им надлежит осуществить резню с наибольшей гуманностью». Мы каждый раз отвечали, что им следовало бы выявить преступников и совершить правосудие над ними, а уничтожение женщин и детей всегда было и останется преступлением.

Затем мы отправились к мутесаррифу, с которым раньше мы не могли добиться свидания. Этот человек был воплощением дьявола, его поведение соответствовало его внешности. Он заорал на нас: «Не дело женщин совать свой нос в политику, нужно уважать правительство». Мы ответили ему, что действовали бы точно таким же образом, если жертвами были мусульмане, и что политика не имеет никакого

отношения к нашим поступкам. В ответ он сказал, что нас выгнали из госпиталя и что мы встретим такое же отношение с его стороны, ибо он не потерпит нашего пребывания здесь и, конечно, не разрешит нам поехать в Харберд за нашими пожитками, а отправит прямо в Себастию. Самое худшее заключалось в том, что он запретил взять с собой детей и сразу же послал жандарма забрать их из нашей комнаты.

Возвращаясь домой, мы действительно встретили детей, но их торопили, и они прошли мимо нас так быстро, что мы были лишены возможности даже возвратить им их деньги. Тогда мы попросили доктора Линденберга проследить, чтобы эти деньги были вручены детям, но для того, чтобы узнать, где они находятся, он должен был обратиться к турецкому офицеру. В момент нашего отъезда, когда нам сказали, что они убиты, а мы не имели уже возможности производить дальнейшие поиски, вышеупомянутый Риза-бей пришел к нам и попросил эти деньги якобы для того, чтобы вернуть их детям. Мы решили потратить их на освобождение других армян. В Ерзнка теперь на нас смотрели с подозрением. Нам не разрешили остановиться в гостинице и поместили в доме, покинутом армянами. Вся эта обширная часть города казалась мертвой. Люди появлялись здесь только для того, чтобы грабить дома; в некоторые из них уже были вселены семьи перемещенных мусульман. У нас была крыша над головой, но никто не приносил нам пищи. Тем не менее, мы ухитрились послать записку доктору А., который любезно разрешил нам вернуться в госпиталь. На следующий день мутесарриф прислал безрессорный багажный экипаж, в котором мы должны были совершить семидневное путешествие в Себастию. Мы дали ему понять, что не поедем в этом экипаже, и после того, как к ним обратился доктор А., они прислали пассажирский экипаж и пригрозили, что арестуют нас, если мы сразу же не уедем. Это было в понедельник, 21 июня, и нам хотелось подождать австрийцев, которые должны были прибыть во вторник утром, чтобы совершить переезд в их компании. Но доктор А. заявил, что он не сможет больше защитить нас, и нам пришлось уехать. Доктор Линденберг был настолько любезен, что проводил нас до Рифахии.

В первый день путешествия мы видели пять трупов: один из них—труп женщины, на ней была одежда; другие трупы были без одежды, а один — обезглавлен. Как нам рассказал сопровождавший нас жандарм, по одной с нами дороге ехали два турецких офицера, которые в действительности были армянами. Они сохраняли свое инкогнито и проявляли большую сдержанность по отношению к нам, но в то же время всячески старались не потерять нас из вида. На четвертый день они не появились. Когда мы начали расспрашивать о них, нам дали понять, что чем меньше мы будем интересоваться ими, тем это лучше будет для нас. Мы сделали остановку вблизи от греческого селения. Около дороги стоял человек свирепого вида. Он заговорил с нами и сказал, что расположился здесь, чтобы убивать проходящих армян и что он уже убил 250 человек. Он заявил, что армяне заслужили это, т. к. все они анархисты — не либералы или социалисты, — а анархисты. Он сказал жандармам, что получил по телефону приказ убить наших двух компаньонов по путешествию: эти два человека и их кучер-армянин должны погибнуть здесь. Мы не могли удержаться от спора с убийцей, но когда он отошел от нас, наш кучер-грек

предупредил: «Не говорите ни слова, ...»,— и он жестом показал, как прицеливаются при стрельбе. Действительно, уже прошла молва, что мы армянки, а этого было достаточно, чтобы счесть нас приговоренными к смерти.

Однажды мы встретили партию высланных, которые, распрощавшись со своими процветающими селениями, шли в сторону Камах-Богаза. Мы долгое время простояли на обочине дороги, пока они проходили мимо нас. Ни одна из нас никогда не забудет этой сцены: небольшое число пожилых мужчин, очень много женщин — энергичные фигуры с выразительными чертами лица, толпа хорошеньких детей, некоторые из них белокурые и голубоглазые. Одна маленькая девочка улыбалась всему незнакомому, что встречала в пути, но на других лицах можно было увидеть предчувствие смерти. Не было слышно никакого шума; все было тихо, и они проходили мимо в строгом порядке; дети в основном ехали на телегах, запряженных волами; по мере того как они проходили, некоторые из них приветствовали нас. Одна старая женщина была вынуждена слезть со своего осла — она не могла больше сидеть в седле. Была ли она убита тут же? Наши сердца охватил ледяной холод. Сопровождающий нас жандарм рассказал, что он эскортировал партию в 3000 женщин и детей в Мамахатун, недалеко от Эрзрума и Камах-Богаз. «Все погибли, все мертвы»,— сказал он. Мы спросили его: «Зачем их обрекли на такие ужасные мучения? Почему их не убили в их селениях?» Он ответил: «То, что делается сейчас, — это наилучший способ. Их следовало заставить испытать страдания, и, кроме того, все эти трупы не оставили бы места для нас, мусульман. Они издавали бы зловоние!».

Мы провели ночь в Эндересе, откуда один день езды до Шапин-Карахисара. Как обычно, для ночлега нам предоставили покинутый армянами дом. На стене карандашом было написано по-турецки:

«Наше убежище теперь в горах, нам больше не нужна крыша, прикрывающая нас; мы уже осушили горькую чашу смерти, мы больше не нуждаемся в судьях».

Большие подвалы дома все еще были заняты женщинами и детьми. Жандармы сказали нам, что их погонят в изгнание завтра утром, но они об этом еще не знают; они не знают, что случилось с мужчинами из этого дома. Они были беззащитны, но еще не испытали отчаяния.

Не успела я уснуть, как была разбужена выстрелами, раздавшимися в непосредственной близости от нас.

Выстрелы быстро следовали один за другим, и я отчетливо услышала слова команды. Я сразу поняла, что случилось, и даже испытывала чувство облегчения при мысли, что эти несчастные находятся теперь вне пределов досягаемости человеческой жестокости.

На следующее утро люди рассказывали нам, что было убито 10 армян — это были выстрелы, которые я слышала — и что местные жители-турки пустились в погоню за убежавшими. Мы действительно видели их верхом с винтовками в руках. В стороне от дороги два вооруженных человека, стоя под деревом, делили одежду убитого армянина. Мы прошли мимо места, покрытого запекшейся кровью, хотя трупы уже были убраны. Это были те 250 солдат, которые строили дорогу и о которых рассказывал нам жандарм.

В другой раз мы встретили большое число тружеников, которым до сих пор разрешалось мирно работать. Они были разделены на 3 партии: мусульман, греков и армян. Среди последних было несколько офицеров. Наш юный Хасан воскликнул: «Их всех ведут на убой». Мы продолжали свой путь по дороге, ведущей на холм. Вскоре наш кучер хлыстом указал на долину, и у обочины дороги мы увидели партию армян. Их было около 400 человек, выстроенных по одному на краю обрыва. Мы знали, что затем произойдет.

За два дня до приезда в Себастию мы опять видели такую же картину. Штыки солдат блестели на солнце. Стоявшие в стороне 10 жандармов расстреливали армян, а другие приканчивали жертвы ножами и камнями. На этот раз 10 армянам удалось бежать. С одним из них позднее мы встретились в миссии госпиталя в Себастии. Он рассказал нам, что там было убито около 100 армян. Наш рассказчик сам получил ужасную рану в затылок и упал без сознания. Затем он пришел в себя и добрался за два дня до Себастии.

В 12 часах езды от Себастии мы остановились на ночь в правительственном здании. Целыми часами жандарм, сидя перед нашей дверью, непрерывно и монотонно твердил: «Ermenileri hep Kesdiler» («Все армяне убиты»). В соседней комнате жандармы разговаривали по телефону. Мы поняли, что они инструктировали кого-то о том, как следует арестовывать армян. Они говорили главным образом о каком-то Оганесе, которого никак не могут поймать.

Однажды мы провели ночь в армянском доме, где женщины только узнали о том, что мужчины из их семей приговорены к смерти. Было ужасно слушать их душераздирающие крики. Наша попытка поговорить с ними оказалась бесполезной. «Не может ли ваш император помочь нам?» — кричали они. Жандарм увидел выражение отчаяния на наших лицах и сказал: «Их крики тревожат вас; я запрещаю им плакать». Однако нам удалось успокоить его. Он испытывал особенное удовольствие, когда указывал на ужасные картины, встречавшиеся нам, и говорил молодому Хасану:

«Сначала мы перебьем всех армян, затем греков и курдов». Он, конечно, с большим наслаждением добавил бы: «А затем и иностранцев». Наш кучер-грек оказался жертвой его еще более ужасной шутки: «Посмотри туда в ров, там лежат и греки». Наконец мы достигли Себастии. Нам пришлось ждать около часа у правительственного здания, пока изучали наши документы. Затем нам разрешили пойти к американцам. Здесь также все были в тревоге и печали.

Из Себастии мы уехали 1 июля и приехали в Кесарию 4-го июля. Когда в иезуитской школе мы сдали свой багаж, нам разрешили поехать в Талас, но как только мы решили двинуться из Кесарии в путь, нам это запретили и вернули обратно в иезуитскую школу, поставив у наших дверей жандарма. Однако американским миссионерам удалось добиться нашего освобождения.

Затем мы вернулись в Талас, где пережили несколько тревожных дней, т. к. здесь, как и в Кесарии, было много арестов. Бедные армяне никогда не знали, что им принесет завтрашнее утро; а вскоре пришло ужасное известие, предписывающее всем армянам покинуть Себастию. О том, что произошло там и в селениях прилегающих районов, расскажет американская миссия.

Когда мы поняли, что нас намерены задержать, чтобы помешать нам присоединиться к австрийцам для дальнейшего следования, мы телеграфировали в германское посольство и таким путем получили разрешение на отъезд...»

Перс Мешали Гаджи Ибрагим рассказал следующее:

«В мае 1915 г. губернатор Тахсин-бей призвал к себе четебаши Амрванли Эюб-оглы Гадыра и, показав ему приказ, полученный из Константинополя, сказал: «Здесь армян я поручаю тебе, доведешь их невредимыми до Кемаха, там на них нападут курды и другие. Ты для вида покажешь, что хочешь их защищать, применишь даже раз другой оружие против нападающих, но, в конце концов, покажешь, что не можешь справиться с ними, оставишь и вернешься». Немного подумав, Гадыр сказал: «Ты мне приказываешь связанных по рукам и ногам овец и ягнят отвести на бойню; это — жестокость мне не подобающая; я солдат, пошли меня против врага, пусть либо он сразит меня пулей, и я храбро паду, либо я его поражу и спасу свою страну, а марать свои руки в крови невинных я никогда не соглашусь». Губернатор очень настаивал на том, чтобы он исполнил приказ, но великодушный Гадыр наотрез отказался. Тогда губернатор призвал Мирза - бека Вераншехерли и сделал ему вышеприведенное предложение. Этот тоже утверждал, что нет нужды убивать. Уже в такие условия, сказал он, ставите вы армян, что сами они по дороге помрут, и Месопотамия такая жаркая страна, что они не выдержат, погибнут. Но губернатор настоял на своем, и Мирза принял предложение. Мирза полностью выполнил взятое на себя жестокое обязательство. Через четыре месяца он вернулся в Эрзерум с 360 тысячами лир; 90 тысяч он отдал Тахсину, 90 тысяч — корпусному командиру Махмуду Камиллю, 90 тысяч — дефтердару, а остальное — мехердару, Сейфулле и сообщникам. Однако при дележе этой добычи между ними возник спор, и губернатор арестовал Мирзу. А Мирза пригрозил сделать такие разоблачения, что мир удивится; тогда его отпустили на свободу». Эюб-оглы Гадыр и Мирза Вераншехерли лично рассказали эту историю персу Мешади Гаджи Ибрагиму».

Зиновьев снова и снова выбирал документы из папки. Взяв в руки наугад один из документов, он продолжил читать.

Погонщик верблюдов перс Кербалай Али-Мемед рассказал следующее:

«Я перевозил боеприпасы из Эрзинджана в Эрзерум. Однажды в июне 1915 г., когда я подъехал к Хотурскому мосту, перед глазами моими предстало потрясающее зрелище. Несметное количество человеческих трупов заполнило 12 пролетов большого моста, запрудив реку так, что она изменила течение и бежала мимо моста. Ужасно было смотреть; я долго стоял со своим караваном, пока эти трупы проплыли, и я смог пройти через мост. Но от моста до Джиниса вся дорога была завалена трупами стариков, женщин и детей, которые уже разложились, вздулись и смердели. Такое ужасное стояло зловоние, что пройти нельзя было по дороге; мои два погонщика верблюдов от этого зловония заболели и умерли, а я вынужден был переменить свою дорогу. Это были жертвы и следы неслыханного и ужасного злодеяния. И все это были трупы армян, несчастных армян».

Алафтар Ибрагим-эфенди рассказал следующее:

«О выселении армян из Константинополя был получен весьма жесткий и срочный приказ следующего содержания: вырезать без пощады всех мужчин от 14 до 65-летнего возраста, детей, стариков и женщин не трогать, а оставить и обратить в магометанство».

Из рассказа немца—очевидца резни армян в Муше
«В конце октября [1914 г.], когда для турок началась война, турецкие чиновники начали отбирать у армян все, в чем турки нуждались для ведения войны. Их имущество, их деньги — все было конфисковано. Позднее каждый турок мог войти в армянский магазин и взять то, в чем он нуждался или что хотел бы иметь. По всей вероятности, только десятая часть этого действительно была нужна для ведения войны, остальное было просто грабежом. Потребовалось доставить на фронт, к кавказской границе, продовольствие и т. п. Для этой цели правительство направило в трехнедельное путешествие из Муша к русской границе около 300 стариков-армян, среди которых было много инвалидов, а также детей не старше двенадцати лет. Так как у армян было разграблено все, что они когда-либо имели, эти бедные люди умирали по дороге от голода и холода. Одежды у них не было совсем, ее отбирали в пути. Если из этих 300 армян возвращалось 30 или 40 человек, то это считалось чудом; остальные либо избивались до смерти, либо умирали по указанным выше причинам.

Зима в Муше была очень холодная; для взимания высоких налогов присылались жандармы, но так как армяне уже отдали туркам все, что имели, то они были не в состоянии платить эти огромные налоги, а за это их избивали до смерти. Армяне никогда не прибегали к самозащите за исключением тех случаев, когда жандармы плохо обращались с их женами и детьми. И целые деревни сжигались дотла лишь потому, что несколько армян попыталось защищать свои семьи.

Примерно к середине апреля до нас дошел слух о больших беспорядках в Ване. Мы слышали рассказы об этом как от турок, так и от армян, и так как эти рассказы во всех отношениях совпадали, было ясно, что в них есть немалая доля правды. Рассказывали, что правительство Оттоманской империи издало приказы о том, чтобы все армяне сдали свое оружие, но армяне отказались выполнять их, заявив, что оружие может пригодиться им в случае необходимости. Это послужило поводом для настоящей резни. Были сожжены все села, населенные армянами. Турки хвастались, что теперь они отделались от всех армян. Я сам слышал, как чиновники упивались мыслью о том, что с армянами покончено.

Так прошла зима. Каждый день приносил ужасы, настолько потрясающие, что их невозможно описать. Затем мы услышали о резне, которая началась в Битлисе. В Муше так же все было подготовлено для резни, когда русские вступили в Лиз, находящийся примерно в 14—16 часах езды от Муша. Это отвлекло внимание турок, и временно резня была отложена. Но как только русские оставили Лиз, все районы, населенные армянами, подверглись грабежам и опустошению.

Это было в мае. Вскоре, мы узнали, что все армянское население Битлиса уничтожено.

В то же время мы получили сообщение, что американский миссионер д-р Напп был ранен в армянском доме и отправлен турецким правительством в Диарбекир, где в первую же ночь своего пребывания умер. Правительство пыталось объяснить его смерть тем, что он якобы объелся. Этому, конечно, никто не поверил.

Когда в Битлисе были перебиты все, и больше никого не осталось, внимание турок переключилось на Муш. Убийства совершались и раньше, но тогда они не были массовыми; теперь же начали убивать людей без какой-либо причины и избивали их до смерти просто ради удовольствия.

В самом Муше, в этом большом городе, было 25 000 армян; по соседству имелось 300 селений. Во всех этих местах теперь не встретишь ни одного мужчины-армянина, лишь кое-где попадаются женщины.

В первых числах июля из Константинополя через Харберд прибыло 20 000 солдат с полным снаряжением и 11 пушками, которые осадили Муш. В действительности Муш был осажден еще с середины июня. В это время мутесарриф отдал приказ, предписывающий нам покинуть город и отправиться в Харберд. Мы умоляли его разрешить нам остаться, так как на нашем попечении находились все сироты и больные, но он был неумолим и угрожал удалить нас силой, если мы не подчинимся. Однако поскольку мы себя плохо чувствовали, нам позволили остаться в Муше. Я получил разрешение взять с собой армян из приюта для сирот в случае, если мы покинем Муш, но когда мы попросили обеспечить их безопасность, единственным ответом было; «Вы можете их взять с собой, но в пути головы армян могут быть и будут отрезаны».

10 июля Муш подвергся бомбардировке в течение нескольких часов под тем предлогом, что некоторые армяне якобы пытались бежать. Я пошел к мутесаррифу и попросил его пощадить наши здания, но он ответил: «Поделом вам, раз вы остались, вместо того, чтобы уехать, как было приказано. Пушки находятся здесь для того, чтобы покончить с Мушем. Ищите убежище у турок». Это было, конечно, невозможно, потому что мы не могли отказаться от своих обязанностей. На следующий день был обнародован новый приказ об изгнании армян и была дана трехдневная отсрочка для подготовки к отъезду. Им было приказано зарегистрироваться перед отъездом в правительственном здании. Их семьи могли оставаться, но собственность и деньги подлежали конфискации. Армяне не могли уехать, т. к. у них не было денег на переезд, и поэтому они предпочитали умереть в своих домах, чем, расставшись с семьей, умирать медленной смертью в дороге. Как уже сказано, армянам была дана трехдневная отсрочка, но не прошло и двух часов, как солдаты стали врывать в дома, арестовывать их обитателей и отправлять в тюрьму. Начали стрелять пушки, и люди по существу были лишены возможности зарегистрироваться в правительственном здании. Мы укрылись в подвале из опасения, что загорится наш приют. Нельзя было спокойно слушать душераздирающие крики взрослых и детей, заживо горевших в своих домах. Солдаты испытывали величайшее наслаждение, слушая их. Когда кто-либо из находившихся на улице людей падал мертвым от артиллерийского снаряда, солдаты

только смеялись над этим.

Оставшиеся в живых были отправлены в Урфу (кроме больных, женщин и детей, никто не остался в живых). Я пошел к мутесаррифу и просил его пощадить, по крайней мере, детей, но напрасно. Он ответил, что дети армян должны погибнуть вместе со своей нацией. Все наши люди были забраны из госпиталя и приюта; они оставили нам трех женщин из прислуги. Муш был сожжен дотла при таких ужасных обстоятельствах. Каждый офицер хвастался числом лично им убитых, считая это своим вкладом в дело избавления Турции от армянской нации.

Мы уехали в Харберд, который стал кладбищем армян; со всех сторон их привозили сюда хоронить. Они лежали здесь, а собаки и грифы пожирали их тела.

В Харберде и Мезре людям пришлось испытать ужасные пытки. У них были выдернуты брови, отрезаны груди, вырваны ногти, палачи отрубили им ступни или же вбивали гвозди в ступни, как это делают при подковке лошадей. Все это совершалось ночью, чтобы люди не могли слышать их криков и видеть их агонии; солдаты, располагаясь вокруг тюрьмы, били в барабаны и свистели. Нет необходимости говорить о том, что многие умерли от этих пыток. Солдаты кричали умирающим: «Пусть теперь ваш бог поможет вам».

Одного старого священника подвергли жестокой пытке, чтобы заставить его признаться. В отчаянии он кричал: «Мы революционеры», надеясь, что после этого признания пытки прекратятся и его оставят в покое. Но тогда солдаты стали кричать: «Вот чего мы добивались. Мы слышали это из его собственных уст». После этого они перестали выбирать жертвы, как они делали до сих пор, а подвергли пыткам всех армян без разбора.

В начале июля 2000 солдат-армян получили приказ выехать в Алеппо для строительства дорог. Услышав это, население Харберда пришло в ужас, и в городе началась паника. Вали послал за немецким миссионером г-ном Эхеманном и просил его успокоить людей, убеждая, что этим солдатам не грозит никакая опасность.

Г-н Эхеманн поверил словам вали, и успокоил народ. Но вскоре после их отъезда стало известно, что все они были убиты и сброшены в пропасть. Только некоторым из них удалось бежать, и мы узнали об этом событии от них. Было бесполезно обращаться к вали с протестом. Американский консул в Харберде несколько раз обращался к нему с протестом, но вали не посчитался с ним и пригрозил ему самым оскорбительным образом. Спустя несколько дней 2000 других солдат-армян были отправлены в Диарбекир. Чтобы у них не было сил бежать в пути, их заставили голодать...

Распоряжения об освобождении от высылки армян-протестантов и католиков поступали лишь после того, как они уже были высланы. Правительство хотело принудить немногих оставшихся в живых армян принять магометанскую веру. Несколько человек пошли на это, чтобы спасти своих жен и детей от ужасных страданий, свидетелями которых они были. Люди умоляли нас поехать в Константинополь и добиться какого-либо обеспечения безопасности для них. По дороге в Константинополь мы встречали только старых женщин. Не было видно ни одной молодой женщины или девушки.

Уже в ноябре 1914 г. мы узнали о подготовке резни. Мутесарриф Муша, являвшийся личным другом Энвера-паши, совершенно открыто заявил, что турки предпримут избиение армян при первом удобном случае и что они уничтожат всю эту нацию. Они намеревались сначала перерезать армян и только потом воевать с русскими. Примерно в начале апреля Эхран-бей в присутствии майора Ланге и нескольких других высокопоставленных должностных лиц, включая американского и немецкого консулов, совершенно открыто заявил, что правительство намерено истребить всю армянскую нацию. Все эти подробности ясно показывают, что резня армян готовилась преднамеренно.

В нескольких селениях бедные женщины, беззащитные и слабые, приходили к нам, умоляя о милостыне и защите. Нам было запрещено давать им что-либо или брать их с собой, фактически нам было запрещено делать что бы то ни было для них, и они умирали на наших глазах...»

Из рассказа немца - очевидца событий в Киликии

«С 28 июля по 20 августа 1915 года я совершил поездку в Мараш...

6 августа армянская деревня Фындыджак, расположенная недалеко от Мараша, была полностью разрушена, и все ее жители (3 тыс. человек) вырезаны. За последние три месяца погонщики мулов перегнали большое число армян к Евфрату. Они видели своими глазами трупы в Евфрате и были свидетелями продажи женщин и девушек, а также насилий, совершаемых над ними.

В одной американской школе в Мараше я видел более ста искалеченных самым невероятным образом женщин и детей (без рук, без ног) и среди них детей 1—2 лет. 14 августа 34 армянина были расстреляны в Мараше, в их числе двое детей 12-ти лет. 15 августа расстреляли 24-х и позднее повесили 14 армян. Расстрелянные были тяжелой цепью скованы за шеи друг с другом и брошены в яму. В присутствии мусульманского населения их казнили за американским колледжем. Я видел, каким истязаниям варварское население подвергало тела, еще бившиеся в предсмертных судорогах: их дергали за руки, за ноги и, чтобы позабавить толпу мусульман, полицейские и жандармы стреляли из револьверов по неопишимо изуродованным трупам. Затем толпа ринулась к немецкому госпиталю с криками: «Jachasin Almania» («Да здравствует Германия»). Мусульмане без конца повторяли, что именно Германия повинна в том, что они так обращаются с армянами.

По дороге из города к нашей ферме я увидел около домов на куче мусора человеческую голову, которая служила мишенью для турецких детей! Даже во время моего пребывания в Мараше штатские ежедневно убивали армян, трупы которых валялись весь день в сточных канавах или где попало.

В Мараше Кадин-паша говорил мне: «Мне известно, что по приказу властей в районе, где располагается 4-й армейский корпус, все мужское население истреблено».

20 августа 1915 года в 6 ч. вечера населению Мараша стало известно, что, согласно приказу вали Аданы, все мужское население старше 15-ти лет, т. е. всего 5600 человек, в субботу, до полудня, должно собраться за стенами города, готовое к отправлению. Каждый, кто останется после полудня в городе, будет без всяких

формальностей казнен. Все знали, что означает приказ властей, и нам пришлось пережить часы страшной паники. В последнее мгновение благодаря вмешательству весьма гуманного губернатора города Мараша приказ был изменен, и мужчинам разрешили уйти с семьями. 28 августа вали призвал духовенство и заверял его, что армяне переселяться не будут. Несчастливым потом пришлось отправиться в путь неподготовленными.

В деревне Бёверен, около Албистана, все армянское население численностью в 82 человека было убито; лишь одному 12-летнему ребенку, кинувшемуся в воду, удалось спастись.

По соседству с Зейтуном жители одной из деревень, где свирепствовала эпидемия оспы, были насильно выселены. Больных оспой, в большинстве ослепших от гнойничков, поместили в Мараше в караван-сарай, где находились люди, высланные из других районов.

В Мараше я видел колонну из 200 человек. Почти все они были слепые. Женщина шестидесяти лет вела за руку свою парализованную дочь. Все шли пешком. После часа ходьбы один мужчина упал у моста Эркенес; его ограбили и убили. Спустя 4 дня его труп был еще в канаве.

Вчера вечером я посетил своего знакомого. У него гостила женщина с ребенком, высланная из Себастии; только эти двое остались в живых из семьи в двадцать шесть человек, изгнанной из Себастии 3 месяца тому назад; они прибыли сюда совсем недавно.

В Айнтабе я видел приказ, изданный губернатором, согласно которому мусульманам запрещалось продавать что бы то ни было высланным армянам, проходящим через город. Тот же губернатор предпринимал различные меры для нападения на колонны высланных. Две колонны были начисто ограблены.

2800 армян, высланных из Гюруна (в 12-ти часах пути от Мараша) в ущелье Инкузекдаг, были полностью ограблены, во время этого нападения около 200 человек было убито, 70 тяжелораненых оставлены на месте, а более 50 раненых уведены с колонной. Я встретил эту колонну из 2500 человек, она осталась в Карабёюке. Эти люди находились в неопишимо плачевном состоянии. На расстоянии одного часа ходьбы от Карабёюка двое упали на дороге: один из них имел две, а другой — семь сабельных ран. Немного дальше упали две обессиленные женщины, еще дальше — четыре; среди них 17-летняя девушка с двухдневным ребенком, завернутым в лохмотья. Шестидесятилетний мужчина лежал на дороге с глубокой раной на лице...

Обессиленных оставляли на дороге, по обе стороны которой виднелись трупы. В этой колонне из двух с половиной тысяч человек я насчитал только 30 или 40 мужчин. Мужчины старше 15-ти лет были угнаны раньше женщин и, вероятно, истреблены. Этим несчастным намеренно отправляли по опасным окольным путям; вместо того чтобы дойти до Мараша за 4 дня, они находились в пути около месяца. Шли без скота, без постели, без пищи, получая по одному разу в день тоненький ломтик хлеба, который не мог насытить их; из этой колонны 400 человек протестантов дошло до Алеппо; каждый день умирало по два-три человека.

Нападение в Айран-Пунаре совершилось с согласия каймакама Албистана... Во время этого нападения людей привязывали к деревьям и сжигали. Очевидец мне рассказывал, как в окрестностях Айран-Пунара двое каких-то типов — братья — оспаривали друг у друга добычу. Один говорил другому: «Чтобы получить эти четыре узла, я убил 40 женщин».

Мусульманин по имени Хаджи, с которым я был знаком в течение долгих лет в Мараше, рассказал следующее: «В Нисибине меня заперли с погонщиками мулов в караван-сарая; много молодых женщин было в ту ночь изнасиловано жандармами, сопровождавшими эту колонну, и штатскими...».

Из 18 тысяч армян, высланных из Харберда и Себастии, до Алеппо дошли 350 женщин и детей, а из 19 тысяч, высланных из Эрзрума, — всего 11 человек: один больной ребенок, четыре девушки и шесть женщин. Колонна женщин и девушек за 65 часов прошла пешком вдоль полотна железной дороги путь из Рас ул-Айна до Алеппо, несмотря на то, что все это время поезда, перевозящие войска, возвращались пустые. Путешественники-мусульмане, ехавшие по этой дороге, рассказывают, что этот путь непроходим из-за многочисленных трупов, которые там лежат и своим зловонием отравляют воздух. Из высланных, оставшихся в Алеппо, 100—200 человек умерли после трудной дороги. Когда женщины и дети, изголодавшиеся и исхудавшие настолько, что стали походить на скелеты, приходили в Алеппо, они набрасывались на пищу, как звери. Но у многих из них нарушены функции внутренних органов: проглотив один два куска, они отбрасывают ложку в сторону...

Органы власти не только не заботятся об этих несчастных людях, но и позволяют отбирать то, что осталось у них. В Рас ул-Айн прибыла колонна высланных армян, состоящая из 200 женщин и девушек, совершенно голых; у них отобрали все, вплоть до обуви и рубах, и в течение четырех дней они шли нагими под жгучими лучами солнца (40° в тени), подвергаясь насмешкам и издевательствам сопровождавших их солдат. М... говорил, что он видел колонну высланных, состоящую из 400 женщин и детей в таком именно состоянии. Если несчастные взывали к чувству милосердия чиновников, им отвечали: «Нам категорически приказано именно так обращаться с вами».

Вначале в Алеппо покойников несли на кладбище в гробах, изготовляемых на средства армянской церкви. Носильщики, выполнявшие эту обязанность, получали по два пиастра за каждого покойника. Когда они уже не смогли справиться с этим, женщины стали сами носить своих покойников на кладбище; маленьких детей на руках, детей постарше — уложив на мешок, который четыре женщины несли, держа каждая за один угол. Я видел покойников, которых отправляли на кладбище на спине у осла. Один из моих знакомых видел труп, привязанный к палке, которую несли двое мужчин. Другой знакомый видел запряженную быками повозку, полную покойников, направлявшуюся на кладбище. Двухколесная повозка не могла проехать через узкие двери кладбища. Возчик опрокинул свою повозку и опорожнил ее; затем он потащил покойников за руки и ноги к яме. Иногда пять-шесть повозок едва успевали отвозить трупы на кладбище. Однажды в воскресный день я увидел в одном караван-сарая 30 трупов на двореке шириной в 20 и длиной в 40 метров, а в

этот день было уже захоронено около 20 трупов. Эти 30 трупов оставались там до вечера. Моя жена велела похоронить их, дав каждому из трех носильщиков по одному меджидие (около четырех франков сорока сантимов). Трупы так сильно разложились, что кожа одного из них прилипла к руке носильщика. Среди покойников под жгучим солнцем лежали и умирающие; их было около 1000 человек. Это было ужасающее зрелище, подобного которому я не видел раньше, даже летом в Мараше, где мне пришлось быть очевидцем казни 24 армян... Умершего уносили, и его место тотчас же занимал другой. Случалось, что на кладбище уносили вместе с покойниками людей, подававших еще признаки жизни; таких укладывали в сторону до тех пор, пока не убеждались, что смерть завершила свое дело. К одной девушке очень скоро вернулось сознание, и ее понесли обратно в город, а мужчина, похороненный накануне, сидел наутро живой на своей могиле. В Тель-Абиаде М... видел открытые ямы с 20— 30 трупами; когда они заполнялись, их засыпали всего несколькими лопатами земли. М... мне говорил, что запах разложения там так силен, что невозможно оставаться поблизости, высланные же должны были расположиться именно там. Из 35 сирот, помещенных в одной комнате, 30, лишенные всякого ухода, скончались в течение одной недели. М... рассказывал, что, возвращаясь из своей поездки, он видел трупы на всем протяжении дороги. В воскресенье 12 августа 1915 года я был по делам на Дамасском вокзале в Алеппо, и мне привелось увидеть, как тысячи женщин и детей погружались в вагоны для перевозки скота...

Стало известно о депеше командующего 4-й армией Джемаль-паши следующего содержания: «Все фотографические снимки с колонн высланных армян, сделанные инженерами и другими служащими компании, строящей Багдадскую железную дорогу, должны быть сданы в течение 48 часов военному комиссариату Багдадской железной дороги в Алеппо. Не выполнившие этот приказ будут отвечать перед военным трибуналом»

Я видел иногда женщин и детей, ищущих в кучах нечистот объедки, которые они немедленно съедали. Я видел детей, грызущих кости...

Между Марашем и Айнтабом мусульманское население одной деревни хотело дать воды и хлеба колонне высланных, состоящей из 100 семейств, но солдаты, сопровождавшие колонну, воспротивились этому...

М. Л., который месяц назад говорил при мне об этих «негодных армянах», сказал буквально следующее: «Я не принадлежу к числу людей, которых можно легко взволновать, но после того, что я видел в Рас ул-Айне, я не могу удержать слезы. Я считал, что в наше время не могут иметь место подобные зверства, подобное насилие, позорящее все человечество...».

В то время как я пишу эти строки, моя жена вернулась вся в слезах с прогулки по городу и рассказала, что встретила колонну высланных армян численностью свыше 800 человек, босых, в изорванной одежде, едва передвигающихся, несущих на своих плечах маленьких детей и то небольшое, что у них осталось из вещей.

Из Бесне было изгнано все население (1800 человек), в большинстве женщины и дети: они якобы должны были переселиться в Урфу. У Гёксу, притока Евфрата, их заставили раздеться; потом всех убили, а тела бросили в реку. Еще недавно можно

было видеть, как по Евфрату плывут трупы; в один день—170, в другой раз—50—60. Во время одной из своих поездок инженер А. заметил 40 трупов. Тела, застрявшие у берега, пожирались псами; в реке на песчаных отмелях они становились добычей грифов.

800 армян, о которых упоминалось выше, шли из окрестностей Мараша. Им было сказано, что они переселяются в Айнтаб и что им следует заластить продовольствием на два дня. Когда они приближались к Айнтабу, им сказали: «Мы ошиблись, надо идти в Нисибин». Органы власти не подготовили для них продовольствия и лишали возможности его закупить. В Нисибине им было сказано: «Мы опять ошиблись, надо идти в Мамбидж», а там снова: «Произошла ошибка, надо идти в Баб» и т. д. Так они брели 17 дней, оставленные на произвол сопровождающих их солдат. За это время они не получили никакого продовольствия от властей и меняли на хлеб то небольшое, что у них было. У одной женщины отняли силой ее старшую дочь. В отчаянии она бросилась с двумя другими детьми в Евфрат...

В Биреджике тюрьмы заполняются в течение дня, а за ночь они пустеют. Село Тель-Армен с 3000 жителей внезапно подверглось нападению; жителей вырезали, живых вместе с мертвыми бросили в колодцы, а в других селах—сожгли. Майор фон Микуш был свидетелем этого истребления. Один командир немецкого эскадрона видел между Диарбекиром и Урфой по обе стороны дороги трупы с перерезанным горлом. М. С. тоже видел по пути множество трупов детей.

5 сентября 1915 года М... вернулся из Нусс-Телла и рассказал следующее: «Между Тель-Абиадом и Культепе я увидел в стороне от дороги в шести разных местах мертвых нагих женщин, недалеко—мертвую нагую женщину с изуродованными ногами, еще одну мертвую женщину в одежде, дальше—двух мертвых детей, еще дальше мертвую девушку, немного постарше, рядом с нею—мертвого ребенка и, наконец, мертвую женщину с кляпом во рту,— всего 18 трупов. Женщины, за исключением одной, были совсем нагие и многие из них, судя по выражению их лиц, являлись жертвами насилия. Все мертвые дети были в одежде». Между Культепе и Хараб-Нассом М.. увидел у телеграфного столба умирающего ребенка, дальше—шесть трупов совершенно голых женщин и детей.

В Тель-Абиаде после отправления колонны высланных у дороги осталось 17 мертвых и умирающих. Служащие железной дороги велели позднее похоронить эти 17 трупов. Уже много дней подряд в этот район приводят колонны высланных армян. Заявление М... совпадает с тем, что мне говорил председатель Комиссии по высылке, когда я ему подал ходатайство о 4-х армянских детях: «Вы не понимаете, какую цель мы себе ставим. Мы хотим уничтожить само название «армянин». Как немцы не хотят, чтобы существовал кто-нибудь, кроме немцев, так и мы, турки, хотим, чтобы были одни только турки»

Зиновьев, не обращая внимания на поздний час, вновь вытащил очередной документ и продолжил чтение.

Из рассказа учителя немецкой школы в Алеппо доктора Мартина Нипаге

«В августе 1915 года, вернувшись после трехмесячного отпуска из Бейрута в Алеппо, я с ужасом узнал, что начался новый период армянских избиений, гораздо более страшных, чем во времена Абдул-Гамида, имевших целью полное истребление армянского народа,— народа умного, трудолюбивого, жаждущего прогресса.

Сначала я отказывался верить этому. Мне рассказали, что в различных частях Алеппо встречаются толпы людей, ослабевших от голода, — жалкие остатки тех, которые были известны как «караваны высланных». Чтобы скрыть уничтожение армянской нации под маской политики, стали утверждать, якобы военные соображения вынудили изгнать армян из родных мест, где они обитали 2500 лет, и выслать их в Аравийскую пустыню; эти меры оправдывались также тем, что некоторые армяне обвинялись в шпионаже.

Я навел справки относительно этих фактов и, получив разностороннюю информацию, пришел к заключению, что выдвинутые против армян обвинения касаются отдельных случаев маловажного значения, которые служат лишь поводом для уничтожения десятков тысяч невинных людей из-за одного виновного; совершения жесточайших действий против женщин и детей и для обречения высланных на голод, с целью их тотального истребления.

Чтобы укрепить свое мнение, составленное на основе полученной информации, я посетил все районы города, где находились те, кто остался из высланных армян. В разваливающихся караван-сараях я обнаружил груды разложившихся тел и среди них еще живые существа, находящиеся в состоянии агонии. В других местах я нашел массу больных и голодных людей, на которых никто не обращал внимания. Вокруг нашей школы было четыре таких караван-сарая, где обитало 700—800 голодающих. Преподаватели и учащиеся — все мы вынуждены были каждый день проходить мимо этих караван-сараяев. Через их открытые окна были видны жалкие, истощенные создания в лохмотьях. Дети нашей школы каждый день проходили вдоль тропинок, проборонованных двухколесными арбами, запряженными волами, которые увозили свой груз—8—10 окостеневших тел, без гробов или какого-либо покрова, со свисающими руками и ногами.

В течение нескольких дней, будучи очевидцем подобных сцен, я счел своим долгом написать нижеследующий рапорт:

«Наше положение преподавателей немецкой реальной школы в Алеппо обязывает нас сообщить следующие сведения.

Мы считаем своим долгом заявить, что работа нашей школы будет лишена всякой моральной основы и не сможет вызвать уважение со стороны жителей этого города, если германское правительство не изыщет возможности положить конец жестокостям, которые испытывают на себе жены и дети убитых армян. В то время как караваны высланных в момент отправления из Армении насчитывали по две—три тысячи мужчин, женщин и детей, к прибытию на юг они сокращались до 200—300 человек. Мужчины были убиты в пути, женщины и молодые девушки— за исключением пожилых или некрасивых женщин и малолетних детей—были похищены турецкими солдатами и офицерами или исчезли в турецких и курдских деревнях, где их принудили принять ислам. Остальные скошены голодом и жаждой.

Даже во время их прохождения мимо рек им не разрешалось пить. Единственной пищей этих людей является горсть муки, которую ссыпают им в руки, и они проглатывают ее тут же только для того, чтобы отсрочить свою смерть. Напротив нашей школы, в одном из караван-сараяв находятся остатки одного из этих караванов высланных—около четырехсот изможденных существ, среди которых сотня детей 5—7-летнего возраста. Большинство их болеет тифом или дизентерией. Когдаходишь во двор, тебе кажется, что это сумасшедший дом. Когда им приносят еду, то видно, что они разучились есть. Желудок их, уменьшенный многомесячным голоданием, не принимает больше пищи. Когда им дают хлеб, они с безразличием швыряют его в сторону; они спокойно ждут своей смерти.

Как можем мы, учителя, читать нашим ученикам немецкие сказки, изучать в Библии историю доброго самаритянина, проходить склонения и спряжения, если рядом с ними их соотечественники умирают с голоду? Наша работа является оскорблением морали, отрицанием всех человеческих чувств. Что станет с этими несчастными, женщинами и детьми, которых тысячами гонят через город и его окрестности в пустыню? Их гонят с одного места на другое до тех пор, пока от тысяч остаются сотни, сотни превращаются в небольшие группы, а этих последних преследуют все время, пока не исчезнут все до единого. Ну, так что же? Цель путешествия достигнута, вот «новые места жительства, предназначенные для армян»—так выражаются газеты.

«Таалим эль алман» («это наставление немцев»),— говорит простой турок тем, которые хотят узнать, кто является подстрекателем этих злодеяний. Более просвещенные турки признают, что если даже немецкий народ осуждает жестокости, германское правительство, из уважения к своим союзникам-туркам, не предпринимает ничего, чтобы воспрепятствовать этому.

Даже мусульмане—турки и арабы, которые чувствительны по своей натуре, качают головой и не в состоянии удерживать слезы, видя как проходят через город караваны высланных, конвоируемые турецкими солдатами, которые жестоко избивают беременных женщин, умирающих, тех, которые не в силах больше двигаться. Сами турки не убедились еще в том, что именно правительство предписало эти жестокости, и всю ответственность взваливают на немцев, рассматривая их как людей, руководящих политикой Турции в период войны. В мечетях муллы говорят о том, что приказ об истреблении армян и жестокости в отношении их исходят не от Порты, а от немецких офицеров...

Гораздо более ужасные факты, чем те, которые мы изложили, содержатся в многочисленных официальных отчетах немецких консульств Александретты, Алеппо и Мосула, переданных в посольство. По мнению консулов, за прошедшие месяцы был истреблен один миллион армян, половина которых—женщины и дети, и все они либо убиты, либо умерли от голода...

Один из этих господ [имеются в виду Талаат и Энвер] сказал репортеру: «Конечно, мы наказываем также многих невинных людей. Но надо ведь защититься от тех, которые могли бы стать виновными».

Таковы аргументы, которыми турецкие государственные деятели оправдывают массовое истребление женщин и детей.

Один немецкий католический служитель утверждает, что Энвер-паша говорил посланцу папы в Константинополе, монсеньору Дольчи, что он не остановится до тех пор, пока хоть один-единственный армянин останется в живых. Целью депортации является поголовное уничтожение всего армянского народа. Это намерение отчетливо явствует из того факта, что правительство систематически противодействует тем миссионерам, сестрам милосердия и другим европейцам, находящимся в стране, которые пытаются оказать помощь армянам. Один швейцарский инженер был предан военному суду за распределение хлеба среди каравана высланных армян...»

-Саша...четыре часа утра. Сколько можно работать...
Зиновьев оторвался от чтения и посмотрел на стоявшую в дверях жену.
-Что с тобой, Саша? Ты весь серый...тебе плохо? Врача вызвать? - голос жены выражал серьёзную обеспокоенность и волнение.
-Ничего не надо, Катенька, ничего не надо....

Глава 25

Эпилог

В последних числах октября, после боёв, Арут возвратился в Эрзрум. В доме Констандяна на тот момент обосновался Ашот Эгоян. В последнее время они с Арутом сблизились. Каждый вечер, после возвращения Арута, они подолгу разговаривали.

В один из таких вечеров в двери дома раздался стук. Эгоян вышел, а вскоре вернулся в сопровождении двух гражданских людей. Один, судя по всему, был армянин, а другой был турок. Турок держал в руках маленького ребёнка, завернутого в одеяло. Арут с удивлением смотрел на непрошенных гостей. Но вообще растерялся, когда турок подошёл к нему и протянул ребёнка.

-Что это значит?- Арут переводил взгляд с одного на другого.
-Это твоя дочь, Кес Арут!- раздался ответ человека, протягивающего ему ребёнка.
-Моя дочь?- лицо Арута задрожало. Он с недоверием смотрел на ребёнка и на человека, протягивающего его. - Моя дочь умерла, вместе со своей матерью и дедом...

-Я жив, Арут,- раздался голос на армянском языке второго мужчины.
-Кто ты?- Арут не узнавал его.
-Констандян. Отец Мириам.
-Отец?- Арут поразился этому ответу. Что было общего в этом худом человеке с обострёнными чертами лица с дородным Констандяном.- Невозможно!
-Мы тебя били во дворе, когда ты с Мушегом пришёл воровать Мириам. Потом я тебе дал лошадь, помнишь?
-Отец!- Арут сорвался и несколько раз крепко обнял его и расцеловал в щёки, отец,- Арут оторвался от него и устремил взгляд полный надежды на маленький свёрток,- так это правда? Правда, моя дочь?
-Правда, - тихо ответил Констандян,- этот солдат спас её. И меня тоже...

-Господи! - Арут дрожащими руками с переполнявшими его чувствами принял свёрток. Он осторожно открыл одеяло. Девочка так походила на свою мать, что Арут сердцем почувствовал свою кровь. - Моя дочь... - он несколько раз осторожно прижал её к груди и без конца целовал. То в нос, то в лоб, то в щёчки. От его поцелуев девочка проснулась и захныкала.

-Какой прекрасный звук! - Арут рассмеялся счастливым смехом. - Как прекрасно тебя слышать... - в этот момент человек, отдавший ему дочь, направился к двери.

-Почему?- вопрос Арута застал солдата на пороге. - Почему ты столько для меня сделал? И откуда ты знаешь меня?

-Кес Арут,- солдат остановился и бросил на него непонятный взгляд,- помнишь лес? Пленных? Это я тогда рассказал тебе о Трапезунде! Ты пощадил нас, хотя мы трижды заслуживали смерти. Я никогда не мог забыть тебя. Как не мог забыть твою милость. Да и как можно это забыть? Как можно забыть мать, кормящую кровью своего ребёнка? Как можно забыть детей, которые сидят и ждут своей смерти, потому что у них отняли родителей? Этого нельзя забыть. Этого никто не забудет!

Париж. Сорбонна. 9 апреля 1916 года.

Огромная аудитория университета была полностью забита. Люди стояли в проходах и, вытягивая шею, старались увидеть человека на трибуне. Франс Анатолю шёл восьмой десяток, но, несмотря на это, голос писателя, наполненный болью и глубокой верой одновременно, прозвучал громко и отчётливо на весь зал:

-Решение об уничтожение этого народа, который любит нас, было принято на совещаниях турецкого правительства... Та небольшая доля крови, которую ещё он сохранил - драгоценная кровь, из которой возродится героическое потомство.

Народ, который не хочет умереть - не умрёт никогда!

Автор книги «Кес Арут» Луи Бриньон.

